

RESPUBLICA LITERARIA

№1 2025

Respublica Literaria

2025. Т. 6. № 1.

Учредитель:
Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Founder:
Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:
Главный редактор – Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора – Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Редакционный совет:
Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Иванов А. Ф. (СПбГЭТУ, СПб, Россия)
Кефели И. Ф. (СЗИУ РАНХиГС, СПб, Россия)
Константиновский Д. Л. (ИС РАН, Москва, Россия)
Лазаревич А. А. (ИФ НАН, Минск,
Республика Беларусь)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)
Редакционная коллегия:
Аблажей А. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Алмакаева А. М. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)
Арутюнова Е. М. (ФНИЦС РАН, Москва, Россия)
Афонасин Е. В. (БФУ им. И.Канта, Калининград, Россия)
Борисов Е. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Изгарская А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Маклашова Е. Г. (ИГИиПМНС СО РАН,
Якутск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санженаков А. А. (ИФПР СО РАН,
Новосибирск, Россия)
Солодова Г. С. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (ТОГУ, Хабаровск, Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Campbell C. (Техаский университет в Остине, США)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура,
Зелена Гура, Польша)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)

Editorial council:
Chief editor – M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor – A. V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Secretary – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editorial Board:
Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Ivanov A. F. (SPbSETU, St. Petersburg, Russia)
Kefeli I. F. (NWIM RANEPA, St. Petersburg, Russia)
Konstantinovsky D. L. (IS RAS, Moscow, Russia)
Lazarevich A. A. (IP NAS, Minsk, Republic of Belarus)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples ' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)
Editorial Board:
Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Almakaeva A. M. (HSE University, Moscow)
Arutyunova E. M. (Institute of Sociology
of FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Afonasin E. V. (IKBFU, Kaliningrad, Russia)
Borisov E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Izgarskaya A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Maklashova E. G. (IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Solodova G. S. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)
David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Егоров Д. Г. Об онтологизации социально-этического выбора: почему одни люди хотят жить в солидарном обществе, а другие в обществе конкурентном?..... 5

Иващенко А. В., Головнин О. К., Нестеров А. Ю. Семиотика пространства-времени в приложениях информационных технологий..... 16

Стрельцов А. М. И. Г. Гаман в истории и историографии философии..... 27

СОЦИОЛОГИЯ

Зазулина М. Р. Институт ТОС в практиках самоорганизации локальных и сублокальных сообществ (кейс г. Бердска Новосибирской области)……..... 41

Подойницына И. И. Развитие малого и среднего бизнеса в малом городе и в сельской местности (на примере Республики Саха (Якутия))……..... 62

Ушаков Д. В., Дроздова И. К. Русская православная церковь в Китае: прошлое и настоящее……. 76

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамова М. А. Социальная политика как стратегия организации социального взаимодействия и развития общества…… 88

Потапова Н. В. Изучение демографических и миграционных процессов в Сахалинской области в конце XX – начале XXI в.в. ……... 106

Семерник С. З. Этико-антропологический кризис культуры в условиях современных технологических вызовов..... 121

ПРАВО

Каморный В. С., Чернусь Н. Ю. Влияние инновационных технологий на систему объектов гражданских прав…… 134

Лукьянов Н. Е., Квашнина Д. А. «Интересы ребенка» в контексте усыновления: сравнительный анализ международного и национального права…… 145

Озманян Ю. З., Карунная Я. А. Принудительное лицензирование результатов интеллектуальной деятельности как мера обеспечения национальных интересов научно-технического прогресса…….. 159

CONTENTS

PHILOSOPHY

Egorov D. G. On the Ontologization of Socio-Ethical Choice: Why do Some People Want to Live in a Solidary Society, and Others in a Competitive Society?..... 5

Ivaschenko A. V., Golovnin O. K., Nesterov A. Yu. Space-Time Semiotics in Information Technology Applications..... 16

Streltsov A. M. J. G. Hamann in History and Historiography of Philosophy..... 27

SOCIOLOGY

Zazulina M. R. Institute of TPSG in the Practices of Self-Organization of Local and Sublocal Communities (Case Study of Berdsk, Novosibirsk Region)..... 41

Podoynitsyna I. I. Development of Small and Medium Enterprises in Small Towns and Rural Areas (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia))..... 62

Ushakov D. V., Drozdova I. K. Russian Orthodox Church in China: Past and Present 76

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abramova M. A. Social policy as a strategy for organizing social interaction and development of society..... 88

Potapova N. V. Study of Demographic and Migration Processes in the Sakhalin Region in the XX–XXI centuries..... 106

Semernik S. Z. The Ethical and Anthropological Crisis of Culture in the Context of Modern Technological Challenges..... 121

LAW

Kamornyj V. S., Chernus N. Y. Impact of Innovative Technologies on the System of Objects of Civil Rights..... 134

Lukyanov N. E., Kvashnina, D. A. "The Interests of the Child" in the Context of Adoption: A Comparative Analysis of International and National Law..... 145

Ozmanyan Yu. Z., Karunnaja Ya. A. Compulsory Licensing of the Results of Intellectual Activity as a Measure to Secure the National Interests of Scientific and Technological Progress..... 159

ФИЛОСОФИЯ

УДК 159.9.016.12 + 177

ОБ ОНТОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО ВЫБОРА: ПОЧЕМУ ОДНИ ЛЮДИ ХОТЯТ ЖИТЬ В СОЛИДАРНОМ ОБЩЕСТВЕ, А ДРУГИЕ В ОБЩЕСТВЕ КОНКУРЕНТНОМ?

Д. Г. Егоров
Псковский филиал Университета ФСИН России (г. Псков)
de-888@ya.ru

Аннотация. Проведен анализ основных подходов к основаниям этики. Показано, что оппозицией эгоизму разум не является: в большинстве случаев, когда говорится о рациональном обосновании морали, подразумевается стремление обосновать мораль как производное инстинкта самосохранения. Также показано, что сводить идеологический выбор либерализм / социализм только лишь к выгоде и / или манипуляции – неадекватное упрощение вопроса. Эксплицирована возможность онтологизации социально-этического выбора в сфере идеологии на основе предложенного ранее дуалистического подхода к решению проблемы «сознание – тело».

Ключевые слова: душа, идеология, мораль, наука, принцип Юма, тело, философия науки.

Для цитирования: Егоров, Д. Г. (2025). Об онтологизации социально-этического выбора: почему одни люди хотят жить в солидарном обществе, а другие в обществе конкурентном? *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 5-15. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.5-15

ON THE ONTOLOGIZATION OF SOCIO-ETHICAL CHOICE: WHY DO SOME PEOPLE WANT TO LIVE IN A SOLIDARY SOCIETY, AND OTHERS IN A COMPETITIVE SOCIETY?

D. G. Egorov
University of the FPS of Russia (Pskov branch) (Pskov)
de-888@ya.ru

Abstract. An analysis of the main approaches to the foundations of ethics is carried out. It is shown that reason is not an opposition to egoism: in most cases, when talking about the rational justification of morality, it implies the desire to justify morality as a derivative of the instinct of self-preservation. It is also shown that reducing the ideological choice of liberalism-socialism only to profit and / or manipulation is an inadequate simplification of the issue. The possibility of ontologizing socio-ethical choice in the field of ideology based on the previously proposed dualistic approach to solving the mind-body problem is explained.

Keywords: body, Hume's principle, ideology, morality, philosophy of science, science, soul.

For citation: Egorov, D. G. (2025). On the Ontologization of Socio-Ethical Choice: Why do Some People Want to Live in a Solidary Society, and Others in a Competitive Society? *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 5-15. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.5-15

Введение

В настоящей работе мы предполагаем показать связь между решением проблемы соотношения тела и сознания и возможностью онтологизации социально-этического выбора в сфере идеологии[1].

Идеологическая борьба: ложь или ценностный выбор?

При всем внешнем разнообразии, социальные идеологии можно разделить на две глобальные альтернативы: либерализм (капитализм, конкурентное общество) – социализм (коллективизм, общество с приоритетом кооперации). В идеологическом плане историю последних 200 лет можно представить как борьбу этих двух больших идеологических проектов: либерального и социалистического (коммунистического). При этом сторонники противоборствующих мировоззрений зачастую обвиняют своих идеологических оппонентов в заведомой лжи. Приведем примеры.

Вот достаточно типичное мнение сторонника социализма: «“Консенсус согласия” при капитализме выстраивается только на условиях глубинного лицемерия» [Черников, 2019, с. 26].

Обратимся теперь к известному либеральному автору Р. Скрутону. Не обязательно знакомиться со всей его книгой о мыслителях левых взглядов, достаточно названия «Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых» [Scruton, 2015].

Мы не отрицаем, что какие-то авторы могут выполнять идеологический заказ, а какие-то (может быть, даже многие) индивиды становятся жертвами идеологических манипуляций. Однако сводить идеологический выбор только лишь к выгоде и / или манипуляции мы считаем неадекватным упрощением.

Очень многие делают свой идеологический выбор, искренне считая, что выбирают истину. Здесь возникает вопрос: что является критерием идеологической истинности?

Ранее мы дали свое понимание идеологии не в духе марксизма (как «ложное сознание»), а как имеющуюся у любого человека совокупность представлений о социуме и человеке (как элементе социума) [Егоров, 2023б]. Из этого следует, что идеологическое учение воспринимается как истинное, если манифестируемое им желательное устройство общества способствует реализации главной (базовой) ценности индивида. Поэтому, по нашему мнению, различия идеологий – следствие различий в структуре ценностей [Егоров, 2023а, 2023б, 2023в]. Что же это за главные ценности?

Начнем с либерализма.

То, что базовой ценностью либерализма является индивидуализм (эгоизм), признают большинство самих либералов [см., например: Шац, 2021]. Тезис, что либерализм характеризуется принятием высшей ценностью «свободы», мы считаем не слишком удачным ввиду неопределенности термина «свобода». Свобода реализации желаний, свобода

[1] Многие исследователи объявляют философскую гипотезу о том, что сознание (и вообще психические явления) – производное от процессов в головном мозге, чуть ли не общепризнанным фактом: «В настоящее время вряд ли кто-нибудь сомневается в том, что психика животных и человека является функцией их мозга» [Чуприкова, 2014, с. 105]. «Все наши состояния сознания вызываются нервными процессами низшего уровня в мозге и сами являются свойствами мозга» [Серль, 2004, с. 299]. Мы же считаем, что в этом есть основания сомневаться – см. ниже.

творчества, свобода предпринимательства, свобода сильного – это совершенно разные понятия (хотя и обозначаются одним и тем же словом)[2]. Так, неограниченная экономическая свобода эгоиста является первопричиной социальной эксплуатации[3]. В конечном счете, свобода реализации индивидуалистических целей есть свобода реализации своего инстинкта самосохранения. В социуме в своей предельной форме он принимает вид инстинкта иерархического доминирования и стремления к демонстративному потреблению[4] [Veblen, 1899; Асп, Кварц, 2015]. Это и лежит в основе нашей трактовки либеральной идеологии[5].

***

Что является в человеческой психике оппозицией эгоизма? Это мораль (защита интересов общества в целом, альтруизм): «Как бы ни определять мораль, совершенно очевидно, что она не сводится к знаниям … Она укоренена не в разуме или, по крайней мере, не только в разуме» [Гусейнов, 1999, с. 246].

Если сформулировать точнее, оппозицией эгоизма является *основание морали*, то есть лежащий в ее основе априорный психический импульс, который мы, вслед за Э. Шефтсбери и Д. Юмом, называем моральным чувством[6]. На уровне обыденного знания этот импульс именуется совестью.

Существуют множество этических концепций, стремящихся обосновать *рациональный* генезис морали. Здесь следует отметить, что *любую* гипотезу сугубо рационального обоснования морали разрушает *принцип Юма* (ввиду чего он и получил свое второе название «гильотина Юма»), утверждающий невозможность выведения ценностных (этических) положений из фактов [Юм, 1996, с. 33][7]. По этой причине было осуществлено множество попыток поставить принцип Юма под сомнение, но все они были такими же тщетными, как и проекты *perpetuum mobile*[8].

---

[2] Возможно совершенно иное понимание свободы: как свободы от власти собственных животных инстинктов; свободы следовать голосу совести (исполнять свой моральный долг) вне зависимости от внешней ситуации. Так понимали свободу Сократ, Конфуций, Кант (и именно так она трактуется в основных мировых религиях).

[3] «… экономическая сила может быть почти так же опасна, как и физическое насилие. Дело в том, что тот, кто обладает излишком пищи, может заставить тех, кто голодает, “свободно” принять рабство» [Поппер, 1992, с. 145; см. также: Егоров, 2022b].

[4] Герасимов, И. (2009). Социализм и «природа человека»: убить в себе Зверя. [Электронный ресурс]. *Newsland.* 06 февр. URL: https://newsland.com/post/927515-igor-gerasimovsotsializm-i-priroda-chelovekaubit-v-sebe-zveria (дата обращения: 30.01.2025).

[5] То, что в странах, где либерализм является доминирующей идеологией (т. е. в странах Запада), понятия свободы и индивидуализма воспринимаются в массовом сознании как взаимосвязанные, подтверждают и данные социологических опросов [см., например: Торчинов, 2007, с. 33-34].

[6] «... добродетель различается вследствие того удовольствия, а порок – вследствие того страдания, которое возбуждает в нас любой поступок, любое чувство или характер при простом взгляде на него ...» [Юм, 1996, с. 516]. Это – чувство единства с какой-то системой более высокого уровня, нежели индивид (семьей, социумом, в пределе – со всем миром).

[7] Конечно, при построении и развитии любой этической системы разум используется. Под невозможностью рационального обоснования морали понимается, что цепочка этических дедукций должна иметь начало в каком-то тезисе (моральной аксиоме), которую рационально обосновать невозможно (см. детальнее ниже).

[8] Наиболее известная попытка такого рода второй половины XX в. принадлежит Дж. Серлу [Searle, 1969]. Как и все предшествующие, она оказалась предсказуемо неудачной.

В то же время, хотя принцип Юма невозможно опровергнуть, его можно игнорировать. Ярким примером здесь является как раз К. Поппер, который был хорошо знаком с философией Юма и положил в основу собственной философии науки другой известный результат Юма – поставленную им проблему индукции, т. е. логическую невозможность вывести общие принципы науки из единичных фактов. Однако в своей главной работе по социальной философии [Поппер, 1992] «гильотину Юма» он почему-то даже не упоминает.

Впрочем, К. Поппер здесь не первый и, увы, не последний: существует множество текстов по вопросам этики, авторы которых стремятся обосновать моральные выводы исключительно рациональными аргументами. Результатом этого всегда оказывается логическая конструкция (зачастую весьма сложная, с терминологией тяжеловесной, а для «непосвященных» в детали этических концепций попросту малопонятной), «висящая в воздухе»: цепочка дедукций обрывается на каком-либо аргументе, представляющемся «самоочевидным». Детальный разбор конкретных примеров такого рода конструкций мы считаем излишним по той же причине, по которой прекратились рассмотрения проектов *perpetuum mobile*[9].

Таким образом, оппозицией эгоизму разум не является. Иными словами, разум – не отдельный центр целеполагания, а *инструмент* реализации целей. В большинстве случаев, когда говорится о рациональном обосновании морали, подразумевается стремление обосновать мораль как производное инстинкта самосохранения: «… стремление к благополучию (определенному настолько глубоко и широко, насколько это возможно) – это единственный вразумительный базис для морали и для ценностей» [Харрис, 2015, с. 32].

Также отметим, что факт исторического различия моральных систем, который зачастую приводится для «опровержения» существования монистического (общечеловеческого) их источника (т. е. морального чувства), таким опровержением отнюдь не является. Чтобы показать шаткость такого рода опровержений, зададим встречный вопрос: означает ли то, что в палеолите люди добывали пропитание в основном охотой, после неолитической революции – земледелием и скотоводством, а в настоящее время – программированием, финансовыми спекуляциями и т. д., что «инстинкт самосохранения непрерывно меняется»? Или меняется все же не инстинкт самосохранения, а исторические формы его реализации?

То же можно сказать и о морали: могут меняться конкретные исторические формы морального поведения, но это не значит, что меняется само моральное чувство.

Из наличия у человека двух качественно различающихся ценностных центров вытекает два принципиально различных типа отношений к другим людям: либо отношения конкуренции, либо отношения кооперации. Иными словами, основной конфликт в социуме – отражение основного конфликта внутри любого человека. Соответственно, смысл идеологической борьбы – демонстрация правильности (справедливости) защищаемой идеологом системы ценностей.

[9] «Можно считать твердо установленным то обстоятельство, что правильное логическое обоснование морали, т. е. дедуцирование моральных суждений из внеморальных, невозможно. Это – не «точка зрения» Юма или Мура, с которой можно было бы спорить, это – проявление логических законов, столь же непреложных, как и законы природы» [Максимов, 1991, с. 9].

Антропологические модели как орудия идеологической борьбы

Как можно обосновать правильность и позитивность эгоистической мотивации?

В свое время Беркли, стремясь разрушить философию материализма, пришел к выводу, что самым эффективным способом здесь будет поставить под сомнение само существование материи как объективной реальности. Подобно этому и многие идеологи либерализма ставят под сомнение само существование морального чувства, причем делают это вполне искренне. Речь здесь не об отрицании морали как общественного института, а о стремлении представить мораль как формализацию (рационализацию) осознания выгод долгосрочного сотрудничества [Becker, 1976; Денет, 1995] и / или форму защиты от войны «всех против всех» [Hobbes, 1651][10]. Из отрицания морального чувства необходимо следует два положения:

1) «эгоист, склонный к оппортунизму» (*homo oeconomicus*), – это и есть сущность человека[11];

2) любой альтруизм – это в той или иной степени замаскированный эгоизм[12].

Из тезиса (2) сторонники неолиберальной антропологии делают далее вывод, что коллективизм (социализм) – это, в сущности, заговор слабых и неуспешных против сильных, умных и волевых[13]: «За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу – ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [Амосов, 1992][14].

Человек, подсознательно убежденный, что любой мотив деятельности должен сводиться к эгоистическому интересу, и пытаясь понять мотивы сторонников коллективизма, будет вполне искренне приходить к выводу, что это либо дураки, либо ленивые завистники, либо демагоги и мошенники.

Мы согласны, что некоторые «сторонники социализма» имеют сугубо эгоистическую мотивацию, и по сути являются теми же эксплуататорами, но с ограниченными возможностями реализации своих стремлений. По нашему мнению, в основе эксплуатации – не богатство и бедность как таковые, а стремление что-то взять (от какого-то конкретного индивида или социума), существенно превышающее желание что-то отдать взамен (в пределе – только брать, ничего не отдавая). Вполне возможна эксплуатация «снизу» (например, профессиональное нищенство) (детальнее о проблеме социальной эксплуатации см.: [Егоров, 2022б]). Но мы считаем принципиально ошибочным распространять эту схему на *всех* сторонников эгалитаризма.

---

[10] В общем случае неолиберализм не предполагает обязательного сведения морального чувства к инстинкту самосохранения (выгоде) – условием *sine qua non* является *приоритет* эгоистической мотивации над моральной (альтруистической).

[11] Ибо никакого иного основания для моральных идей, и вообще целеполагания, просто не остается.

[12] Например: сдерживание *сиюминутного* эгоизма для получения выгод от долговременного сотрудничества.

[13] И вывод этот, если принять тезисы (1–2) истинными, вполне обоснован.

[14] Слабые стремятся реализовать свой эгоизм, объединяясь в стаи против сильных, – вот это и есть «социализм» (см. также трактовку социалистического мировоззрения как проявления стадного инстинкта в форме зависти к сильным и успешным у Г. Лебона [Лебон, 2019]).

По нашему же мнению, именно либеральная идеология имеет в своей основе приоритет инстинктов, в том числе стадного инстинкта иерархического доминирования, который и формирует в животном мире стаи [см.: Герасимов, 2009]. Под либеральным индивидуализмом (стремлением к свободе) в сугубом большинстве случаев подразумевается не моральное отрицание иерархических отношений («я выше, ты ниже»), а стремление занять в таких отношениях доминирующую позицию.

Иными словами, мы считаем ошибочным утверждение, что «у капитализма и коммунизма общее ценностное ядро, но разные представления о методах достижения желаемого ... Вся разница заключалась в методах борьбы за гуманистические идеалы» [Давыдов, 2022, с. 188].

Разница между капитализмом и социализмом (коммунизмом) – именно в разных идеалах. Когда идеалы критической массы элиты СССР трансформировались в либерально-капиталистические (которые автор вышеприведенной цитаты именует «гуманистическими»), СССР распался, и произошла реставрация капитализма [Егоров, 2023в].

В СССР в 1960-е были популярны ряд произведений Аркадия и Бориса Стругацких как модель коммунистического будущего; образ будущего, созданный в романе «Полдень, XXII век», многие называли «миром, где хочется жить». Здесь мы хотим обратить внимание, что для *homo oeconomicus* этот мир не был бы миром, в котором хотелось бы жить. В этом мире было бы принципиально невозможно удовлетворить *главную* потребность *homo oeconomicus* – в чувстве превосходства, демонстративном потреблении[15]. С. Г. Кара-Мурза, описывая антропологические черты сторонников антисоветского проекта (т. е. тех, для кого «мир полудня» перестал быть в 1960-е – 1980-е гг. привлекательным), нашел, по нашему мнению, очень точный и яркий образ: «…девушки их любили бесплатно – а им хотелось шикарных проституток» [Кара-Мурза, 2000, с. 153].

Если некто считает убедительным тезис, что любовь – это вспышка гормонов (и, в сущности, сводится к сексу)[16], ему покажется убедительным и тезис, что мораль сводится к отношениям взаимной выгоды. Но здесь важно отметить, что это не научный факт, а философская гипотеза. Свед***е***ние морали к инстинкту самосохранения (выгоде) принципу Юма не противоречит, но каких-либо конкретных моделей, детализирующих эту философскую гипотезу, со времени Т. Гоббса так и не появилось: «Перед нами стоит все та же задача, что перед Гоббсом и Ницше: *каким-то образом* в ходе эволюции мы должны были превратиться в существ, наделенных совестью ... Переход от наиболее практичных и грубых форм взаимного альтруизма к миру, где возможны подлинное доверие и самопожертвование, – задача, к теоретическому изучению которой лишь начали подступать» [Деннет, 1995, с. 406-407][17].

***

[15] То, что в стремлении к богатству главное – не собственно благосостояние, а тщеславие (демонстративное потребление), ибо «богатство выдвигает человека на первый план, превращая в центр всеобщего внимания», показал еще Адам Смит в «Теории нравственных чувств» [Smith, 2006; см. также: Veblen, 1899; Герасимов, 2009; Асп, Кварц, 2015].

[16] Вот, например, цитата из вышедшей в 2012 г. в США книги «Химия любви. Научный взгляд на любовь, секс и влечение»: «Привязанность, желание и любовь не настолько таинственны, как мы привыкли думать … Сложным любовным поведением управляет всего несколько веществ в нашем мозге» [Young, Alexander, 2012].

Что, собственно, предполагают все такого рода исследования? Отождествление эмоций с биохимическими процессами (которые запускаются этими эмоциями). Рассмотрим аналогию: при вспышке агрессивных эмоций выделяется адреналин – корректным ли будет утверждение, что «выделение адреналина – это и есть причина агрессии»? Зависимость здесь обратная: не гормоны (вдруг, по непонятной причине, увеличиваясь или уменьшаясь) управляют эмоциями, напротив – это эмоции управляют синтезом гормонов.

[17] Под «взаимным альтруизмом» в вышеприведенной цитате ее автор (Д. Деннет) подразумевает какие-то формы «просвещенного эгоизма: вы чешете спинку мне, а я вам».

А теперь рассмотрим философскую альтернативу либеральной антропологической гипотезы.

По нашему мнению, модель *homo oeconomicus* – частный (предельный) случай более общей модели: наличия у человека, в оппозицию эгоизму (инстинкту самосохранения), второго ценностного центра (морального чувства).

Такая антропологическая модель лежит в основе всех основных мировых религий. Собственно, борьба голоса инстинкта (эгоистичной выгоды) и голоса совести (долга) известна любому по личному опыту (и является сквозным сюжетом в искусстве). Это – первичная данность нашего бытия, не сводимая и не вытекающая ни из каких интеллектуальных конструкций[18].

Решение проблемы «сознание – тело» как основание для социально-этического выбора

Итак, в результате нашего исследования этико-антропологических оснований социальных идеологий мы приходим к выводу, что выбор социальной идеологии есть, в сущности, выбор этический, не сводимый только лишь к фактам, и по существу экзистенциально-первичный. Из этого, в соответствии с принципом Юма, казалось бы, следует, что никакие рациональные аргументы не могут обосновать правильность или неправильность ценностного выбора: эгоизм / альтруизм (либерализм / социализм).

Однако, по нашему мнению, выбор этический может быть онтологизирован при ответе на вопрос: если инстинкт самосохранения защищает тело, что же тогда защищает моральное чувство?

Ранее [Егоров, 2022а] мы показали, что современному уровню научных знаний более других соответствует решение проблемы отношения сознания с телом в духе дуализма Р. Декарта (сознание не идентично процессам в мозге; человек – это соединение двух субстанций: телесной и мыслящей)[19]. Тезисно повторим наши аргументы.

Материалистические концепции сознания не могут объяснить ряд фактов:

1) быстродействие психики и объемы перерабатываемой человеком информации;

2) свободу воли;

3) наличие у человека врожденной базы данных (включающей априорные понятия и категории мышления); гипотезы о ее передаче через геном (кодирование в ДНК), в котором якобы содержится информация о топологии нейронных цепей в мозгу, совершенно нереалистичны;

4) случаи сохранения как интеллектуальных способностей, так и памяти при повреждении (удалении) значительной части мозга, вплоть до целого полушария.

[18] Существуют и научные данные, прямо свидетельствующие в пользу нашей модели: так, исследования нейропсихологов показывают, что «… мозг хорошо отличает бескорыстный альтруизм от взаимовыгодных отношений» [Лаверычева, 2016, с. 344].

[19] Мы не претендуем на то, что проблема нами была решена: речь идет об обозначении общих принципов, на основе которых она может быть решена.

В рамках традиционных религий мыслящая субстанция именуется душой, и мы не видим причин отказываться от этого термина[20]. Душа связана с процессами в головном мозге (и вообще в физическом теле), и они оказывают на нее воздействие, но отнюдь ее не порождают. Соответственно, мозг – это по сути орган передачи команд от души к телу, устройство связи души и тела (некое подобие очень сложного USB-порта).

Что значимого для нашей темы следует из модели психофизического дуализма?

Примем гипотезу «“я” это тело, или производное от тела». В этом случае, как и для любого животного, принимать высшей ценностью инстинкт самосохранения [тела], в общем, естественно: спасая тело, мы тем самым спасаем свою сущность (пусть даже мораль и призывает в каких-то ситуациях жизнью жертвовать). Соответственно, при принятии такой модели сознания провозглашение высшей ценностью эгоистической защиты интересов тела, как минимум, рационально.

Что меняется с принятием философской позиции психофизического дуализма? Если человек – это не только тело, но и душа, и даже в первую очередь душа (ибо вполне допустимо предполагать, что после смерти тела душа продолжает в какой-то форме существовать), тогда защита души важнее защиты тела. А в чем эта защита заключается?

Делая что-то полезное телу (утоляя голод, жажду и т. д.), мы испытываем приятные ощущения. По нашему мнению, моральное чувство – это аналогичное чувство: чувство, поощряющее действия, полезные душе (создающее ощущение морального удовлетворения). Оборотная сторона морального чувства – угрызения совести – это неприятное чувство, когда мы делаем что-то, противоречащее интересам души.

Соответственно, мы приходим к тезису Сократа: нарушение требований морального чувства есть следствие невежества. Но это невежество особого сорта: непонимание того, что душа важнее тела (которое обречено умереть): «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8:36)[21].

Список литературы / References

Амосов, Н. М. (1992). Мое мировоззрение. *Вопросы философии*. № 6. С. 50-74.
Amosov, N. M. (1992). My Worldview. *Questions of Philosophy*. No. 6. Pp. 50-74. (In Russ.)

Асп, А., Кварц, С. (2015). *Круто! Как подсознательное стремление выделиться правит экономикой и формирует облик нашего мира.* Альпина Диджитал. 230 с.
Asp, A., Quartz, S. (2015). *Cool! How a Subconscious Desire to Stand out Rules the Economy and Shapes the Face of Our World*. Alpina Digital. 230 p. (In Russ.)

Гусейнов, А. А. (1999). Мораль и разум. *Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления.* СПб.: РХГИ. С. 245-262.

[20] В то же время отметим, что в нашем тексте он не имеет какого-либо теологического аспекта: наше решение проблемы «сознание – тело» [Егоров, 2022а; 2023а], хотя и соответствует религиозной антропологии, основано на естественнонаучных и философских аргументах.

[21] Предельно заострил эту мысль Ю. И. Мухин, назвав свою книгу, посвященную в том числе обоснованию жизни души после смерти тела, «Не надейся – не умрешь!» [Мухин, 2004].

Huseynov, A. A. (1999). Morality and Reason. In *Reason and Existence: Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking*. St. Petersburg. Pp. 245-262. (In Russ.)

Давыдов, Д. А. (2022). Добродетели против коммунизма. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 4. С. 186-196.

Davydov, D. A. (2022). Virtues against communism. *Politiya: Analiz. The Chronicle. Forecast.* No. 4. Pp. 186-196. (In Russ.)

Деннет, Д. К. (1995). *Опасная идея Дарвина: Эволюция и смысл жизни*. СПб.: НЛО. 468 с.

Dennett, D. (1995). *Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meaning of Life*. St. Petersburg. 468 p. (In Russ.)

Егоров, Д. Г. (2022а). Модель человека в контексте реляционной парадигмы теоретической физики. *Метафизика*. № 3. С. 95-104.

Egorov, D. G. (2022a). Human Model in the Context of the Relational Paradigm of Theoretical Physics. *Metaphysics.* No. 3. Pp. 95-104. (In Russ.)

Егоров, Д. Г. (2022б). О причинах социальной эксплуатации и перспективах ее исчезновения. *Общественные науки и современность*. № 4. С. 16-32.

Egorov, D. G. (2022b). On the Causes of Social Exploitation and the Prospects of its Disappearance. *Social studies and contemporary world*. No. 4. Pp. 16-32. (In Russ.)

Егоров, Д. Г. (2023а). Мораль и религия в контексте реляционной парадигмы: следствия для социальной идеологии. *Метафизика*. № 2. С. 127-141.

Egorov, D. G. (2023a). Morality and Religion in the Context of the Relational Paradigm: Consequences for Social Ideology. *Metaphysics.* No. 2. Pp. 127-141. (In Russ.)

Егоров, Д. Г. (2023б). Модель человека как ключ к пониманию идеологии (о немарксистской альтернативе либерализму). *Общественные науки и современность*. № 3. С. 23-38.

Egorov, D. G. (2023b). The Human Model as the Key to Understanding Ideology (on the non-Marxist Alternative to Liberalism). *Social studies and contemporary world.* No. 3. pp. 23-38. (In Russ.)

Егоров, Д. Г. (2023в). Почему погиб СССР (о ценностных основаниях идеологий). *Общество и экономика.* № 12. С. 87-104.

Egorov, D. G. (2023c). Why the USSR Died (on the Value Bases of Ideologies). *Society and Economics.* No. 12. Pp. 87-104. (In Russ.)

Кара-Мурза, С. Г. (2000). *Манипуляция сознанием*. М.: Алгоритм. 934 с.

Kara-Murza, S. G. (2000). *Manipulation of consciousness.* Moscow. 934 p. (In Russ.)

Лаверычева, И. Г. (2016). Альтруизм и эгоизм с естественнонаучной точки зрения. *Биосфера*. № 3. С. 338-361.

Laverycheva, I. G. (2016). Altruism and Egoism from a Natural Scientific Point of View. *Biosphere*. No. 3. Pp. 338-361. (In Russ.)

Лебон, Г. (2019). *Психология социализма.* М.; Челябинск : Социум. 476 с.
Lebon, G. (2019). *The Psychology of Socialism.* Moscow; Chelyabinsk. 476 p. (In Russ.)

Максимов, Л. В. (1991). *Проблема обоснования морали: Логико-когнитивные аспекты.* М.: Философское общество СССР. 137 с.
Maksimov, L. V. (1991). The Problem of Moral Justification: Logical and Cognitive Aspects. Moscow. 137 p. (In Russ.)

Мухин, Ю. И. (2004). *Не надейся – не умрешь!* М.: Эксмо. 384 с.
Mukhin, Yu. I. (2004). *Do not Hope – you Will not Die!* Moscow. 384 p. (In Russ.)

Поппер, К. (1992). *Открытое общество и его враги.* Т. 2. М.: Феникс. 528 с.
Popper, K. (1992). *The Open Society and its Enemies.* Vol. 2. Moscow. 528 p. (In Russ.)

Серль, Дж. (2004). *Рациональность в действии*. М.: Прогресс-Традиция. 336 с.
Searle, J. (2004). *Rationality in Action.* Moscow. 336 p. (In Russ.)

Торчинов, Е. А. (2007). *Пути философии Востока и Запада: познание запредельного.* СПб. : Азбука-классика; Петербургское востоковедение. 473 с.
Torchinov, E. A. (2007). *The ways of Philosophy of East and West: Knowledge of the Beyond.* St. Petersburg. 473 p. (In Russ.)

Харрис, С. (2015). *Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей*. М.: Карьера Пресс. 336 с.
Harris, S. (2015). *Moral Landscape. How Science can Shape People's Values*. Moscow. 336 p. (In Russ.)

Черников, М. В. (2019). Об идеологии. Уроки марксизма. *Свободная мысль*. № 5. С. 21-32.
Chernikov, M. V. (2019). On ideology. Lessons of Marxism. *Free Thought.* No. 5. Pp. 21-32. (In Russ.)

Чуприкова, Н. И. (2014). Психика и предмет психологии в свете достижений современной нейронауки. *Вопросы психологии*. № 2. С. 104-118.
Chuprykova, N. I. (2014). Psyche and the subject of psychology in light of the achievements of modern neuroscience. *Questions of Psychology*. No. 2. Pp. 104-118. (In Russ.)

Шац, А. (2021). *Индивидуализм экономический и социальный. Истоки, эволюция, современные формы*. М.; Челябинск: Социум. 706 с.
Schatz, A. (2021). *Individualism is economic and social. Origins, evolution, modern forms.* Moscow; Chelyabinsk. 706 p. (In Russ.)

Юм, Д. (1996). Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам. *Юм Д. Сочинения в 2-х т. Т. 1.* М.: Мысль. С. 53-655.

Hume, D. (1996). A Treatise of Human Nature: Being an Attempt to Introduce the Experimental Method of Reasoning into Moral Subjects. In *Hume D. Works in 2 vol. Vol. 1.* Moscow. Pp. 53-655. (In Russ.)

Becker, G. (1976). *The Economic Approach to Human Behavior.* Chicago: University of Chicago Press. 320 p.

Hobbes, T. (1651). *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil.* London. Andrew Crooke, 1651. 389 p.

Scruton, R. (2015). *Fools, Frauds and Firebrands: Thinkers of the New Left.* Bloomsbury Continuum. 304 p.

Searle, J. R. (1969). How to Derive "ought" from "is". *The Is-Ought Question. Controversies in Philosophy.* London. Palgrave Macmillan. Pp. 120-134.

Smith, A. (2006). *The Theory of Moral Sentiments.* 322 p. [Online]. Available at: http://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_MoralSentiments_p.pdf (Accessed: 30 January 2025).

Veblen, T. B. (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions.* Macmillan. 400 p.

Young L., Alexander B. (2012). *The chemistry between us. Love, Sex, and the Science of Attraction.* Penguin. 320 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Егоров Дмитрий Геннадьевич – доктор философских наук, профессор Псковского филиала Университета ФСИН России, г. Псков, Зональное шоссе, 28, e-mail: de-888@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-7122-3699

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025
После доработки: 25.02.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Egorov Dmitry – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the University of the FPS of Russia (Pskov branch), Pskov, Zonal Highway, 28, e-mail: de-888@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-7122-3699

The paper was submitted: 31.01.2025
Received after reworking: 25.02.2025
Accepted for publication: 20.03.2025

УДК 167.7

СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ В ПРИЛОЖЕНИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А. В. Иващенко, О. К. Головнин
Самарский государственный медицинский университет (г. Самара)
anton.ivashenko@gmail.com; golovnin@bk.ru

А. Ю. Нестеров
Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева (г. Самара)
phil@ssau.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме человеческого восприятия пространства и времени в условиях широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий. С позиций философского знания взаимодействие субъекта с окружающим миром в динамике образует интегрированную среду «пространство-время», которая, кроме того, содержит несколько вариаций или версий, отражающих объективную и виртуальную реальность возможных сценариев развития. Данные вопросы рассматриваются в рамках научных направлений геоинформатики, картографической семиотики и геосемиотики, образующих базис для новой модели визуализации и восприятия пространства-времени, основанной на картографическом представлении. Для описания пространства-времени используется новый язык представления информации, и в целом, словарь обозначений, перерабатываемых человеком в процессе восприятия. В этом контексте рассмотрена семиотика пространства-времени в современных приложениях информационных технологий.

Ключевые слова: семиозис, семиотика, информационные технологии, ИТ, геоинформационные системы, ГИС, инженерная деятельность, искусственный интеллект.

Для цитирования: Иващенко, А. В., Головнин, О. К., Нестеров, А. Ю. (2025). Семиотика пространства-времени в приложениях информационных технологий. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С.16-26. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.16-26

SPACE-TIME SEMIOTICS IN INFORMATION TECHNOLOGY APPLICATIONS

A. V. Ivaschenko, O. K. Golovnin
Samara State Medical University (Samara)
anton.ivashenko@gmail.com; golovnin@bk.ru

A. Yu. Nesterov
Samara National Research University (Samara)
phil@ssau.ru

Abstract. The paper studies the problem of human perception of space and time in the context of the widespread introduction of information and communication technologies. From the viewpoint of philosophy, the interaction of the subject with the surrounding world in dynamics forms an integrated “space and time” environment, which contains several variations or versions reflecting the objective and virtual reality of possible development scenarios. These issues are considered within the framework of scientific directions of geoinformatics, cartographic semiotics,

and geo-semiotics, on the basis of which it is possible to build a new model of visualization and perception of space and time based on cartographic representation. This leads to a change in language being used to present the information and in general vocabulary and signs processed by a person in the process of perception. In this context there is considered a semiotics of space-time in modern applications of information technology.

Keywords: semiosis, semiotics, information technology, IT, geographic information systems, GIS, engineering, artificial intelligence.

For citation: Ivaschenko, A. V., Golovnin, O. K., Nesterov, A. Yu. (2025). Space-Time Semiotics in Information Technology Applications. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 16-26. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.16-26

Введение

В настоящее время географические информационные системы (ГИС) прочно вошли в профессиональную и повседневную жизнь современного человека. Сейчас каждый может практически за несколько секунд вызвать такси, заказать курьерскую доставку, составить туристический маршрут или найти адрес нужного учреждения даже в незнакомом городе. Такая простота и доступность серьезно повлияли на восприятие пространства и времени, изменив в целом отношение человека к объективной реальности. Отпала необходимость во многих знаках и условных обозначениях, служащих целям навигации человека в пространстве и времени.

Данная статья посвящена исследованию и анализу особенностей восприятия пространства-времени у пользователей современных информационно-коммуникационных технологий. Цель исследования состоит в выявлении общих и специфических особенностей восприятия окружающего пространства, возникающих у человека при наличии постоянного доступа к электронной карте с возможностью геопозиционирования. Показано, что наличие такой возможности влияет на восприятие пространства и времени.

Исследование основывается на применении междисциплинарного подхода. На основе системного анализа известных функциональных возможностей современных геоинформационных технологий был сформулирован базис задач, решение которых необходимо и достаточно для изменения отношения пользователей к пространству и времени. Полученный опыт был распространен на различные классы современных практических приложений информационных технологий, для которых в контексте их влияния на окружающий мир предложен семиозис пространства-времени, и сформулированы соответствующие прагматические правила.

Содержание исследования

Современная геоинформатика – это развитое направление научных и прикладных исследований в области информационных технологий [Gospodinov, 2022; Бескид и др., 2013]. Оно объединяет способы и технологии восприятия себя и окружающего мира в пространстве с учетом влияния внешних происходящих событий, что требует учитывать время в качестве дополнительного независимого измерения [Массер, 2018]. Нерелятивистская классическая механика рассматривает время как универсальную величину измерения, однородную во всем пространстве и отделенную от него. Классическая механика предполагает, что время имеет постоянную скорость течения, которая не зависит от состояния движения наблюдателя [Rynasiewicz, 2022].

С позиций философского знания взаимодействие субъекта с окружающим миром в динамике образует интегрированную среду «пространство-время», которая, кроме того, содержит несколько вариаций или версий, отражающих объективную и виртуальную реальность возможных сценариев развития. В философии концепция связи пространственно-временных координат описывается с помощью модели хронотопа [Ухтомский, 2022; Флоренский, 1993]. Функциональная определенность пространственно-распределенных групп образуется за счет увязки во времени, скоростях, ритмах и сроках действия [Большой психологический словарь, 2009]. Взаимосвязь временных и пространственных отношений играет существенную роль и в литературе [Бахтин, 1986].

Изучение роли времени в геоинформатике и представлений о нём в предметно-ориентированных моделях проводится достаточно давно [Dai, An, 2018]. Логическому отношению пространства и времени в геоинформационном пространстве посвящена статья «Relationships between Space and Time» [Yuan, 2020], в которой отмечается, что разные взаимосвязи пространства и времени помогают структурировать научные исследования. В работе «ORTEGA: An Object-Oriented Time-Geographic Analytical Approach to Trace Space-Time Contact Patterns in Movement Data» [Dodge et al., 2021] предложен новый временно-географический аналитический подход к решению задачи моделирования процессов взаимодействия людей и животных в пространстве и времени.

Аналогично картографии, геоинформатика оперирует различными обозначениями. Они могут указывать на отдельные объекты, символизировать ситуации и означать события. Эта область геоинформатики представляет вполне серьезный интерес с позиций семиотики. Так, по способу восприятия и действия знаки могут быть классифицированы в рамках системы Ч. С. Пирса [Пирс, 2009]. От семейства используемых обозначений требуется ясность и однозначность, что позволяет поставить задачу о разработке эффективного языка геоинформатики с учетом особенностей его восприятия пользователями информационно-коммуникационных технологий.

Данные исследования выделены в отдельное научное направление картографической семиотики [Иванников и др., 2001], в котором разрабатываются общая теория систем картографических знаков, методы построения и использования способов картографического изображения. В рамках этой дисциплины выделяются: картографическая синтактика, изучающая правила построения и пользования знаковыми системами, их структурные свойства; картографическая семантика, исследующая соотношения условных знаков с отображаемыми явлениями; картографическая прагматика, изучающая информационную ценность знаков как средства картографической коммуникации и их восприятие читателями карты.

Геосемиотику изображений относят к новому направлению геоинформатики [Берлянт, 2008], в рамках которой изучают законы формирования и логику применения визуальных- и аудио-переменных на электронных картах [Базина, Побединский, 2008]. Геосемиотика оперирует терминами и понятиями на стыке философии и информационных технологий [Schlichtmann, 2009], при этом характеризуется прикладным характером исследований. Различным аспектам развития геосемиотики и ее практического применения посвящены работы [Gašperič, Babič, 2023; Friedman, Smiraglia, 2013; Zyszkowska, 2000]. Развитие идей геосемиотики до концепции цифровой Земли описано в работе [Eremchenko, 2022]. Отметим, что роль времени во взаимодействии с пространством в семиотическом аспекте также изучается в рамках филологических наук [Повалко, 2016а; Повалко, 2016б].

Семиотический подход, а именно теория картографического семиозиса [Casti, 2005], смещает акцент с описания территорий на задание условий и действий, подлежащих выполнению на некоторой территории. Этот подход можно определить как картографическую герменевтику, поскольку в основе заложен переход на метасемиотический уровень, где вводятся концепции самореференции и иконизации. Самореференция используется для указания на способность карты быть принятой как таковой и сообщать информацию независимо от намерений картографа. Иконизация описывает собой коммуникативный процесс, в котором знания об обстоятельствах сообщаются картой благодаря ее самореферентной природе.

Несмотря на то, что обычные и электронные карты используются достаточно давно, революция в практическом применении геоинформационных технологий была осуществлена после появления смартфонов. Сейчас смартфон постоянно находится рядом с человеком, в геоинформационном смысле он является его цифровым агентом-двойником, уверенно знающим, где человек находится и чем занимается. Для реализации новой роли геоинформационных технологий потребовалось совместно решить четыре практические задачи:

1. Создать тотальную электронную карту без «белых пятен», позволяющую сформировать адресную базу данных всех зданий и организаций и привязать их к координатам пространства (широте и долготе).

2. Связать все адреса транспортной сетью и получить, таким образом, матрицу расстояний и, как следствие, возможность построения любых маршрутов.

3. Реализовать точное геопозиционирование смартфона и, следовательно, человека в пространстве.

4. Перенести рутинные задачи человека, связанные с организацией перемещения в пространстве и решаемые в реальном пространстве, в геоинформационное пространство.

Решив эти задачи, разработчики геоинформационных технологий смогли перевести пользователя в новый виртуальный мир. Отметим, что по отдельности данные задачи не создают новую реальность. Электронная карта без позиционирования требует выхода в офлайн для проверки адресов. Матрица расстояний без базы данных адресов не позволяет ориентироваться по текущему местоположению. Неточная работа геопозиционирования требует трудоемкого ввода исходной информации о том, где и зачем находится пользователь. Без переноса задач организации перемещения в геоинформационное пространство приложения в смартфонах оставались лишь справочно-информационными системами.

Однако решение указанных задач полностью перевернуло восприятие пользователя окружающего его пространства-времени. С позиции восприятия человеком своего текущего местоположения на электронной карте функция просмотра сравнима с возможностью «взлететь» на пару сотен метров без существенной потери реальности. Такая технология сильно повлияла на человека, так как дала ему принципиально новый интерфейс познания окружающего мира в моменте. Постараемся сформулировать суть этого изменения.

Оттолкнемся от определения и понимания своей текущей позиции и окружающего пространства. Исторически субъект представляет собой некоторую перемещающуюся точку, в фокусе которой находятся видимые вокруг объекты. В этом смысле модель восприятия человеком реальности описывается аналогично феномену И. Канта, когда, управляя своей позицией и направлением взора, субъект частично и поступательно воспринимает

пространство вокруг себя. Объединение этих фрагментов в сознании позволяет человеку сформировать пространственную картину мира. С одной стороны, такая картина субъективна, поскольку подвержена особенностям индивидуального восприятия. С другой стороны, множественные акты восприятия, связанные, например, с регулярным перемещением в пространстве, объективизируют результат этого восприятия в условиях некоторых изменений, например, сезонных.

Такое восприятие пространства ощущается человеком как «виртуальная экскурсия». Субъект последовательно проходит маршрут по памяти и может вполне достоверно описать, что он наблюдает. Поскольку его позиция при этом перемещается линейно, например, по дороге, субъект понимает отношения «справа» и «слева», «вперед» и «назад», а наблюдаемые объекты привязывает логически к известным ориентирам: справа на холме стоит дом, впереди по дороге растет дерево и т. п. Отметим, что современная электронная карта также дает возможность пройти по электронной улице и увидеть все вокруг себя, однако для этого реализован специальный режим.

Существенно меняет такое восприятие добавление дополнительного измерения времени. В бытовом смысле время, скорее всего, появляется в форме скорости и способа перемещения. Пусть есть в пространстве две значимые географические точки, например, дом и работа. Человек может переместиться пешком, проехать на велосипеде, на автомобиле, общественным транспортом – на автобусе или метро. Все эти способы соединяют две обозначенные точки не только в пространстве, но и во времени, образуя многослойный и многосвязный граф. Субъект, однако, не воспринимает это таким способом, для него несколько вариантов перемещения во времени и пространстве существуют относительно текущего и адресного положения, а их отличия описываются характеристиками быстроты и комфорта.

Тем не менее, образованная в данном случае среда «пространство-время» структурно изменяется, две удаленные географические точки будут естественным образом восприниматься субъектом как близкие, если они находятся в транспортной доступности, и далекие, если между ними существует сложная преграда. Так, ранее для туриста новый город чаще всего воспринимался как несколько слабо связанных между собой районов с определенными адресами, ориентирами и достопримечательностями. Современный турист снабжен электронной картой, которая адаптирована для него в виде туристической схемы, представляющей город в виде набора достопримечательностей и рекомендованных маршрутов.

Ситуация полностью меняется, когда турист начинает пользоваться вместо туристической схемы полноценной электронной картой. Возможность связать между собой недоступные способом горизонтального перемещения районы позволяет сформировать комплексную картину и обеспечить системное восприятие. После такого действия субъект будет любые новые задачи пространственного ориентирования сопоставлять и отстраивать относительно электронной карты как объективной базы, а возврат к восприятию города в виде туристической схемы уже потребует дополнительных усилий.

Таким образом, геоинформатика позволяет построить новую модель визуализации и восприятия пространства-времени, основанную на картографическом представлении, которая меняет язык представления информации, а также семантику обозначений, перерабатываемых человеком в процессе восприятия.

Обратимся к таблице 1, в которой сведены примеры новых моделей визуализации и восприятия, появившиеся в последние годы. В результате проведенного анализа становится понятно, что восприятие окружающего мира человеком претерпело существенные изменения под влиянием информационных и, в частности, геоинформационных технологий.

Таблица 1

Семиозис пространства-времени в современных ИТ-приложениях

Информационная технология	Практическое приложение	Влияние на восприятие окружающего мира	Семиозис пространства-времени: новые знаки	Прагматическое правило семиозиса пространства-времени
Геоинформационная платформа	Яндекс Карты	Воображаемый полет над территорией с точным определением своего места в пространстве и расположения окружающих объектов	Электронная карта: знаки локаций, расстояния, пробки	Обозначение своего места на карте, места искомого объекта на карте и расстояния между этими точками по дорогам с учетом способа перемещения
Сервис заказа такси	Яндекс Такси	Переход от пространственных расстояний ко времени доезда с учетом доступности такси и наличия автомобильных пробок	Электронная карта: движущиеся машинки такси, точки посадки и высадки, пробки, варианты поездки и тарифы	Расстояние между адресами подачи и доставки – это доступность бортов, их время подачи плюс время доезда с учетом автомобильных пробок
Сервисы заказа авиабилетов и гостиниц	Aviasales	Комплексная поездка содержит множество перемещений разным транспортом и проживания в разных локациях пространства времени	Карточки рейсов (билетов) и бронирования гостиниц на карте с фильтрами совместимости	Построение сочетаний рейс/ пересадка/ гостиница с учетом возможности комбинирования
Единый портал государственных услуг	Госуслуги	Доверенное пространство обращений и получения уведомлений и электронных справок от всех органов государственной власти	Электронные сервисы и суперсервисы, электронное обращение, электронная справка	Официально органы государственной власти доступны для обращения и получения справок согласно регламентам без живой очереди
Маркетплейс	Ozon	Возможность найти, выбрать, сравнить и купить любой товар в любое время с доставкой в пункт выдачи или домой	Карточки товаров с описанием, ценой, рейтингом и отзывами	Возможность сравнить товары среди найденных, выбрать по цене, поместить в корзину и купить

Таблица 1

Семиозис пространства-времени в современных ИТ-приложениях *(продолжение)*

Информационная технология	Практическое приложение	Влияние на восприятие окружающего мира	Семиозис пространства-времени: новые знаки	Прагматическое правило семиозиса пространства-времени
Электронная почта	Gmail	Электронная адресация коллег и знакомых и официальная (деловая) переписка в реальном времени	Электронная письмо (входящее/исходящее), электронный адрес, цепочка писем в переписке	Официальная переписка состоит в написании/ цитировании обращений и ответов, указании даты, адресатов и темы письма
Кроссплатформенный мессенджер	WeChat (Китай)	Коммуникация через мессенджер получает приоритетный статус и играет главную роль, человек самостоятельно управляет своей мгновенной доступностью в пространстве-времени	Карточки адресатов с указанием статусов доступности и привязкой переписки, документов и электронных услуг с оплатой	Пространственно-временная доступность контактов для общения в любое время с уведомлениями об их статусах и поведении

Так, картографическая система знаков и условных обозначений несколько отличается от системы знаков, принятых в регулировании дорожного движения, хотя и активно использует аналогичную символику. Например, знаки светофора и пешеходного перехода в такой системе отличаются от дорожных знаков, но находят символическое отражение на электронных картах в виде соответствующих пиктограмм. Обозначение магазинов, пунктов питания и гостиниц, автозаправочных станций отличается от соответствующих обозначений в правилах дорожного движения, но сохраняет принцип своего построения. Станции метро обозначаются максимально близким к соответствующей схеме образом.

Наиболее ярким примером знака геоинформационной платформы, повлиявшим на восприятие, визуализацию и представление информации, является, несомненно, обозначение автомобильной пробки в виде линии от зеленого до красного и бордового, цвет которой отражает плотность транспортного потока и затрудненность движения. Здесь можно говорить о переносе смысла из схемы в реальную жизнь, когда, представляя себе автомобильное движение, мы начали оперировать понятиями зеленых и красных линий.

Заключение

Применение междисциплинарного подхода к исследованию пространства-времени на стыке геоинформатики, картографической семиотики и геосемиотики позволило установить наличие изменений восприятия пространства-времени у пользователей

современных информационно-коммуникационных технологий и определить базис задач, решение которых необходимо и достаточно для достижения такого рода изменений. Следует отметить, что при этом меняются язык представления информации и в целом словарь обозначений, перерабатываемых человеком в процессе восприятия.

Приведенные рассуждения могут быть полезны, прежде всего, на практике, специалистам, изучающим влияние современных информационно-коммуникационных технологий на восприятие их пользователями окружающего мира и участвующим в разработке новых программных продуктов в этой области. Поскольку проблематика подобного исследования затрагивает не только информатику и программирование, но и психологию, социологию, экономику и здравоохранение, логично и правильно поднимать вопросы семиотики пространства-времени на методологическом уровне философских наук.

Как показано в статье, полученный опыт может быть транслирован и на семиозис пространства-времени в различных приложениях информационных технологий. Семиотический подход к построению электронной карты состоит в том, чтобы активно использовать устоявшиеся графические примитивы, символы и знаки картографического языка и при этом находить оригинальные способы представления информации там, где существующие языковые инструменты себя исчерпали, и наблюдается недостаток или перегруженность информацией. Здесь необходимо искать новые способы ее визуализации в приложениях.

Список литературы / References

Базина, М. А., Побединский, Г. Г. (2008). Проблема оптимальной визуализации геопространственных данных в процессе управления территориями и объектами. *Системы и средства информатики*. Т. 18. № 3. С. 204-223.

Bazina, M. A., Pobedinsky, G. G. (2008). The problem of optimal visualization of geospatial data in the process of managing territories and objects. *Systems and Means of Informatics*. Vol. 18. No. 3. Pp. 204-223. (In Russ.)

Бахтин, М. М. (1986). Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. *Литературно-критические статьи*. М.: Худ. лит. С. 121-290.

Bakhtin, M. M. (1986). Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics. In *Literary-Critical Articles*. Moscow. Pp. 121-290. (In Russ.)

Берлянт, А. М. (2008). *Большая картография или интеграция картографии, геоинформатики и дистанционного зондирования*: учебное пособие. М.: ГУЗ. 118 с.

Berlyant, A. M. (2008). *Large-Scale Cartography or Integration of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing*. Training Manual. Moscow. 118 p. (In Russ.)

Бескид, П. П., Куракина, Н. И., Орлова, Н. В. (2013). *Геоинформационные системы и технологии*. СПб.: Рос. гос. гидромет. ун-т. 173 с.

Beskid, P. P., Kurakina, N. I., Orlova, N. V. (2013). *Geoinformation Systems and Technologies*. St. Petersburg. 173 p. (In Russ.)

Большой психологический словарь. (2009). Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. Изд. 4-е, расш. М.: АСТ. 811 с.

Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (eds.). (2009). *The Large Psychological Dictionary*. 4th ed., expanded. Moscow. 811 p. (In Russ.)

Иванников, А. Д., Кулагин, В. П., Тихонов, А. Н., Цветков, В. Я. (2001). *Геоинформатика*. М.: МАКС Пресс. 349 с.

Ivannikov, A. D., Kulagin, V. P., Tikhonov, A. N., Tsvetkov, V. Ya. (2001). *Geoinformatics*. Moscow. 349 p. (In Russ.)

Массер, Д. (2018). Что есть пространство-время? *В мире науки*. № 8-9. С. 78-82.

Masser, D. (2018). What is Space-Time? *In the World of Science*. No. 8-9. Pp. 78-82. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2009). Что такое знак? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 3 (7). С. 88-95

Pierce, C. S. (2009). What is a Sign? *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 3 (7). Pp. 88-95. (In Russ.)

Повалко, П. Ю. (2016а). Пространство и время как категории художественного текста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика*. № 3. С. 106-112.

Povalko, P. Yu. (2016a). Space and Time as Categories of Fiction Text. *Bulletin of RUDN University. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*. No. 3. Pp. 106-112. (In Russ.)

Повалко, П. Ю. (2016б). Функции категорий пространства и времени в художественном тексте. *European Journal of Literature and Linguistics*. №. 3. С. 51-54.

Povalko, P. Yu. (2016b). Functions of the categories of space and time in a fiction text. *European Journal of Literature and Linguistics*. No. 3. pp. 51-54. (In Russ.)

Ухтомский, А. А. (2022). *Доминанта*. М.: АСТ. 320 с.

Ukhtomsky, A. A. (2022). *The Dominant*. Moscow. 320 p. (In Russ.)

Флоренский, П. А. (1993). *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях*. М.: Прогресс. 324 с.

Florensky, P. A. (1993). *Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Visual Works*. Moscow. 324 p. (In Russ.)

Casti, E. (2005). Towards a Theory of Interpretation: Cartographic Semiosis. *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*. Vol. 40. No. 3. Pp. 1-16.

Dai, J., An, L. (2018). Time Geography. *Comprehensive Geographic Information Systems*. Vol. 3. Pp. 303-312. DOI: 10.1016/B978-0-12-409548-9.09625-1

Dodge, S., Su, R., Johnson, J., Simcharoen, A., Goulias, K., Smith, J. L. D., Ahearn, S. C. (2021). ORTEGA: An Object-Oriented Time-Geographic Analytical Approach to Trace Space-Time Contact Patterns in Movement Data. *Computers, Environment and Urban Systems*. Vol. 88. Article 101630. DOI: https://doi.org/10.1016/j.compenvurbsys.2021.101630

Eremchenko, E. N. (2022). Semiotics from maps to digital earth: conundrums and challenges. In *Proceedings of II International Scientific Conference Landscape Dimension of Sustainable Development: Science, CartoGis, Planning, Governance*. Tbilisi. Tbilisi State University. Pp. 17-25.

Friedman, A., Smiraglia, R. (2013). Nodes and Arcs: Concept Map, Semiotics, and Knowledge Organization. *Journal of Documentation*. Vol. 69. Iss. 1. Pp. 27-48. DOI: 10.1108/00220411311295315

Gašperič, P., Babič, S. (2023). The Semiotics of Cartographic Symbols on Old Maps. *Acta Geographica Slovenica*. Vol. 63. DOI: 10.3986/AGS.10930

Gospodinov, S. G. (2022). Geoinformatics as a Science of Space. *European Journal of Technology and Design*. Vol. 10-1. Pp. 3-8.

Rynasiewicz, R. (2022). Newton's Views on Space, Time, and Motion. [Online]. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring Edition)*. Zalta, E. N. (ed.). Available at: https://plato.stanford.edu/entries/newton-stm/ (Accessed: 30 January 2025).

Schlichtmann, H. (2009). Overview of the semiotics of maps. [Online]. In *Proceedings of the 24th International Cartographic Conference*. Santiago de Chile, Chile, 15–21 November 2009. Pp. 1-12. Available at https://icaci.org/files/documents/ICC_proceedings/ICC2009/html/refer/30_1.pdf (Accessed: 30 January 2025).

Yuan, M. (2020). Relationships between Space and Time. *Geographic Information Science & Technology Body of Knowledge*. DOI: 10.22224/gistbok/2020.3.7

Zyszkowska, W. (2000). Semiotic Aspects of Cartographic Visualization. In *Acta Universitatis Wratislaviensis, Studia Geograficzne*. Pp. 130-132.

Сведения об авторах / Information about the authors

Иващенко Антон Владимирович – доктор технических наук, профессор, директор Передовой медицинской инженерной школы Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Самара, ул. Чапаевская, 89, e-mail: anton.ivashenko@gmail.com, http://orcid.org/0000-0001-7766-3011

Головнин Олег Константинович – доктор технических наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской физики, математики и информатики Самарского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Самара, ул. Чапаевская, 89, e-mail: golovnin@bk.ru, http://orcid.org/0000-0002-1418-2226

Нестеров Александр Юрьевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королева, г. Самара, Московское шоссе, 34, e-mail: phil@ssau.ru, http://orcid.org/0000-0002-0670-9315

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025
После доработки: 10.03.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Ivaschenko Anton – Doctor of Technical Sciences, Professor, Director of the Higher School of Medical Engineering of Samara State Medical University, Samara, Chapaevskaya St., 89, e-mail: anton.ivashenko@gmail.com, http://orcid.org/0000-0001-7766-3011

Golovnin Oleg – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Medical Physics, Mathematics and Informatics of Samara State Medical University, Samara, Chapaevskaya St., 89, e-mail: golovnin@bk.ru, http://orcid.org/0000-0002-1418-2226

Nesterov Alexander – Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Director of the Social and Humanitarian Institute, Head of the Department of Philosophy of Samara National Research University, Samara, Moskovskoye shosse, 34, e-mail: phil@ssau.ru, http://orcid.org/0000-0002-0670-9315

The paper was submitted: 10.02.2025
Received after reworking: 10.03.2025
Accepted for publication: 20.03.2025

УДК 1(091)

И. Г. ГАМАН В ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ФИЛОСОФИИ

А. М. Стрельцов
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
streltsov@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются причины несоответствия между влиянием И. Г. Гамана на ряд ключевых философов XVIII–XIX вв. и тем скромным местом, которое было отведено ему в историографии и истории философии в контексте меняющейся философской повестки. Показано, как, начиная с XIX столетия, Гамана интерпретировали как представителя философии чувства и веры, иррационализма, предшественника экзистенциализма, пост-модернизма, а также лингвистического поворота.

Ключевые слова: Гаман, история философии, лингвистический поворот, Михелет, Кьеркегор.

Для цитирования: Стрельцов, А.М. (2025). И. Г. Гаман в истории и историографии философии. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С.27-40. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.27-40

J. G. HAMANN IN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY OF PHILOSOPHY

A. M. Streltsov
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
streltsov@mail.ru

Abstract. The article unfolds reasons for discrepancy between J. G. Hamann's influence on some key philosophic figures of the 18–19th centuries and the modest place that was allocated to him in historiography and history of philosophy in the context of changing philosophic agenda. It is demonstrated that since the 19th century Hamann was interpreted as irrationalist, representative of philosophy of faith and feeling, precursory of existentialism, post-modernism, and also linguistic turn.

Keywords: Hamann, history of philosophy, the linguistic turn, Mikhelet, Kierkegaard.

For citation: Streltsov, A.M. (2025). J. G. Hamann in History and Historiography of Philosophy. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp.27-40 DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.27-40

При изучении литературного творчества Иоганна Георга Гамана и сравнении воздействия, которое его экзерсисы оказывали на современников и мыслителей последующей эпохи, в число которых входили такие люди, как Гердер, Якоби, Гете, Жан Поль, Шлегель, Гегель, Шеллинг, Кьеркегор и Дильтей, и более чем скромным местом, которое было ему отведено в рамках немецкой философской мысли в историко-философских трудах, возникает чувство, близкое к недоумению. Как объяснить контраст между такой лакуной и почти что мистическим пиететом или по крайней мере интересом, который он вызывал у ряда именитых авторов, опосредованно влияя на еще большее число философов [Kirmmse, 1996, p. 220; Haynes, 2012, p. 45]?

Что могло быть тому причиной: малодоступность самих текстов Гамана, особенности его стиля, то, что он не вписывался в философскую традицию как таковую в представлении историков философии, какое-либо сочетание этих или иных факторов? Для ответа на этот вопрос мы обратимся как к самим учебникам по истории философии, так и к специализированным трудам по гамановедению.

Не составляет труда продемонстрировать, что в большинстве книг по истории философии Гаман едва ли упоминается. Ему не посвящено отдельной статьи в отечественном энциклопедическом словаре «Современная западная философия», причем само его имя приводится там только в заголовке книги Исайи Берлина о противниках Просвещения [Современная западная философия …, 2009, с. 223]. Неудивительно, что Гаман не упоминается в экстравагантной «Истории западной философии» Б. Рассела, в которой отдельная глава нашлась для Байрона, но и в более специализированных учебниках по истории западной философской мысли, в том числе исследованиях по континентальной философии, ему не находится [Kenny, 2006], либо почти не находится места [Реале, Антисери, 2010, с. 41-43; Уэст, 2015, с. 60-61; Гулыга, 1985, с. 28-29].

В ряде случаев после выступления на тему философии Гамана на философских конференциях, пусть даже и не специализировавшихся по кантоведению или эпохе Просвещения, автору данной статьи приходилось выслушивать вопросы о том, чем Гаман вообще «заслужил» такое внимание, каким был его вклад в историю философии. Очевидно, Гаман не входит в «джентльменский набор» имен, которые «на слуху» у философов и историков философии широкого профиля.

В то же время Гете отмечал, что в Гамане усматривали нечто «сокрытое, непостижимое» [Гете, 1969, с. 373], и сравнивал его роль для немцев с той, что Вико играл в итальянской литературе [Гете, 1980, с. 94]; Жан Поль считал, что Гаман предвосхитил последующее время [Jean Paul, 1990, p. 379]; Шлегель сокрушался, что такого мудрого и глубокого мыслителя не признали раньше и потратили вместо этого годы впустую (на Канта!) [Schlegel, 1961, p. 628]; Гегель посвятил работам Гамана единственную в своей карьере рецензию, довольно-таки подробную [Гегель, 1972, с. 577-643]; Шеллинг почитал Гамана великим и восхвалял его за умение соединять противоположности [Schelling, 1856a, p. 114; Schelling, 1856b, p. 171]. Гердер был учеником Гамана, а с Якоби Гаман поддерживал дружбу и вел активную переписку в последние годы жизни [Knoll, 1963, pp. 22-87].

В качестве одного из ключевых текстов, перебрасывающих мостик от признания гения Гамана его соотечественниками к игнорированию его мысли историками философии, уместно рассмотреть высказывание Кьеркегора в его Заключительном ненаучном послесловии к «Философским крохам»: «Не стану скрывать от вас, что я восхищаюсь Гаманом, хотя и готов признать: если уж мы предполагаем, что он пытался работать последовательно и связно, то гибкости его мыслей все же недостает уравновешенности, а его сверхъестественное постоянство и упорство нуждаются в большем самоконтроле. Однако вся оригинальность его гения уже просматривается в кратких фразах, а глубина формы полностью соответствует резким рывкам мысли. Душой и сердцем, до последней капли крови он сосредоточен на едином слове, – и это слово есть страстный протест высокоодаренного гения против возможности построить систему наличного существования.

Но система настолько гостеприимна. Бедный Гаман, тебя свели к одному параграфу к книге Михелета[1]. Не знаю, отмечена ли как-то твоя могила; не знаю, затоптали ли ее совсем равнодушные посетители; но я твердо знаю, что силой или хитростью на тебя напялили униформу этих параграфов и построили в те же шеренги» [Кьеркегор, 2012, с. 244].

Гаман, как и Якоби, о котором Кьеркегор говорит в последующем рассуждении, боролись против системы, под которой имелись в виду, надо полагать, абстрактные схемы рационалистического проекта Просвещения. Но система оказалась «гостеприимной»: она переварила их, сделала частью себя в рамках гегелевского подхода к истории философии. Ученик и преемник Гегеля по университетской кафедре Карл Людвиг Михелет не только собрал и выпустил в свет лекции Гегеля по истории философии, но также и издал в 1837-1838 гг. собственную двухтомную «Историю недавних систем философии в Германии от Канта до Гегеля» [Michelet, 1837-1838], в первой части которой действительно «построил в шеренгу» Гамана, что тем более иронично, так как Гаман всю жизнь был противником каких-либо систем. В типичном формате классической немецкой педантичности Гаман был встроен Михелетом в «философию чувства и веры» наряду с Гердером и Якоби, – классификация, которая была популярна на протяжении середины и конца XIX в. и встречается до сих пор. Вся же система в книге Михелета в отношении Гамана иерархически выглядела следующим образом: в первой части Михелет рассматривает философские системы от Канта до Фихте, в первой книге первой части у него идет «субъективный идеализм», далее во втором разделе – «философия непосредственного знания», затем во второй главе – философия веры (Glaubensphilosophie), и, наконец, в качестве первого подраздела этой конкретной философии идет Гаман.

Кеннет Хэйнс, один из переводчиков Гамана на английский язык, документирует рецепцию Гамана в истории философии XIX в. [Haynes, 2021, pp. 35-36] и, в частности, отмечает, что в первые два десятилетия Гамана игнорировали, так что обсуждение его началось в большей степени после публикации собрания его сочинений Фридрихом Ротом в 1821–1825 гг. История философии Михелета была написана как раз после этого издания. Как гегельянец, Михелет нашел «место» для Гамана в диалектическом развитии философской идеи. Гаман наряду с Гердером и Якоби выступил у него в качестве антитезиса формализму Канта, причем в этой триаде Гаман значится как первое и самое слабое звено. Михелет кратко обсуждает его религиозное верование, критику им философии и, наконец, собственные философские представления. Такое схематическое и механическое включение Гамана в конгломерат «философии веры» (Glaubensphilosophie) обусловило дальнейшую историко-философскую классификацию, что не позволило интерпретировать Гамана как самостоятельного мыслителя и отличать его должным образом от двух других представителей этого трио.

В то время как первоначально понятие «философии веры» или «философии чувства и веры» применялась именно к Якоби и его школе, далее самого Гамана вслед за Михелетом стали рассматривать как органичного представителя этого направления. Именно так его

[1] В цитируемом переводе фамилия передана на французский манер как «Мишле» ввиду французских корней автора. По-немецки, конечно, должно было бы быть Михелет. Изменение внесено для поддержания единообразия в статье во избежание путаницы.

представляют гегельянские историки философии Куно Фишер [Fischer, 1855] и Эдуард Целлер [Zeller, 1873]. Так, Целлер, подробно разобрав философию Канта, далее отводит главу его «сторонникам и противникам» [Zeller, 1873, pp. 416-463]. Гаман группируется им в один раздел с Гердером в разделе «философии веры», после чего идет Якоби как более сильный представитель этого направления.

Глава Баденской школы неокантианства Вильгельм Виндельбанд подобным образом рассматривает Гамана, но с некоторыми нюансами. Отмечая поверхностное сходство Гамана с Юмом в вопросе веры, он далее говорит, что «лишь с большими ограничениями позволительно назвать собственную точку зрения Гамана философией веры» [Виндельбанд, 2007, с. 606], потому что Гаман в отличие от Юма понимал веру в религиозном смысле. При этом Виндельбанд характеризует философию Гамана как «философию чувства», которая, по его мнению, сознательно отрицает саму философию и науку [Там же, с. 607]. Якоби далее придает мыслям Гамана более тонкую и глубокую форму, а Гердер развил его понимание индивидуальности, будучи в сравнении с Гаманом более строгим философом [Там же, с. 607-608].

Присвоение такого места Гаману не ограничивалось немецкими историками философии, но стало «мейнстримом» и в отечественных исследованиях, конечно, с учетом малого обращения к Гаману в целом. Так его интерпретировали не только в XIX в. [Кожевников, 1897], но даже еще и в начале XXI [Волжин, 2006].

Проявлявший большой интерес к Гаману Дильтей встроил его в свою программу развития немецкого духа и самосознания [Haynes, 2012, p. 36], что в свою очередь оказало воздействие на прочтение Гамана Рудольфом Унгером [Unger, 1911], с которого начинается современная эпоха критических исследований его наследия. Унгер интерпретировал Гамана как иррационального критика Просвещения, антирационалиста не только в своей теоретической деятельности, но и внутренне, устроившего согласно такому представлению всю свою жизнь [Unger, 1911, p. 115]. Унгер полагает, что в случае Гамана его «иррационализм отрицает и принципиально враждует с почти что фанатической решимостью со всеми положениями более мягкого, гармоничного, взвешенного, светлого, положительного взгляда на мир и жизнь» [Unger, 1911, p. 577]. Ввиду масштаба исследования Унгера данный подход был основным на протяжении как минимум первой половины XX в. Трактовка Гамана как иррационалиста превалировала и в большинстве упоминаний о нем в русскоязычных работах [Асмус, 1965, с. 33-46[2]; Гулыга, 1977, с. 62-63; Гулыга, 1985, с. 28-29; Волжин, 2006, с. 62-63].

В то время как к середине и второй половине прошлого столетия появились другие интерпретации Гамана, о которых будет сказано чуть далее, в начале 1990-х гг. случилось несколько неожиданное событие, встряхнувшее микрокосм исследователей Гамана. Известный историк и публичный интеллектуал Исайя Берлин выпустил биографию Гамана [Berlin, 1993a], которая разошлась большим тиражом и была переведена на множество языков. Будучи наследником Просвещения, Берлин интерпретировал Гамана с позиции модернизма. Большую часть своей исследовательской работы Берлин провел в 1950–1960-х гг. и представил в виде серии лекций в Колумбийском университете в Нью-Йорке в 1965 г.,

[2] На с. 34 Асмус говорит совершенно в духе Унгера, что «философия непосредственного знания Гамана … в основе своей, несомненно, антирационалистическая».

не доведя ее тогда до публикации. Она состоялась только через 30 лет, причем в первоначальные заметки Берлин внес минимальные коррективы. Таким образом, случился своеобразный «взрыв из прошлого», вызвавший немалый резонанс. Следуя интерпретации Унгера, И. Берлин посчитал Гамана «пионером антирационализма во всех областях» [Berlin, 1993b]. Особенность подхода Берлина заключалась в том, что он не ограничился интерпретацией Гамана как иррационалиста, но пошел дальше, фактически проведя преемственную линию от Гамана к идеологии германского национал-социализма: «Гаман был фанатик … Эта ненависть и этот слепой поток питали поток, приведший к социальному и политическому иррационализму, в особенности в нашем веке в Германии …» [Berlin, 1993a, p. 121].

Книга Берлина спровоцировала резко критический отзыв ведущего американского гамановеда Джеймса О'Флаэрти в литературном приложении Нью-Йорк Таймс от 21 октября 1993 г., в котором он обвинил его в явной недооценке роли разума в концепции Гамана, на что Берлин в свою очередь ответил в выпуске 18 ноября того же года, сделав эту полемику достоянием широкой общественности[3]. Претенциозное допущение Берлина об опосредованном влиянии Гамана на политический иррационализм германского национал-социализма спровоцировало дальнейшую дискуссию [Norton, 2007; Lestition, 2007].

Остановимся немного на трактовке Гамана как иррационалиста, с нашей точки зрения, неверной и обусловленной во многом той самой историко-философской схемой, в которой он был объединен с Якоби в рамках «философии чувства и веры». На этом примере можно увидеть, как мыслителя встраивают в историко-философскую школу на основании ей самой присущих посылок, что имеет значение и в нынешний «век поворотов». Подобно тому, как Гамана интерпретировали с точки зрения гегелевской философии, так сегодня его точно так же можно интерпретировать с точки зрения лингвистического или прагматического, или любого иного поворота. Определение места Гамана в истории философии, таким образом, в большой степени характеризует философскую позицию самого историка философии и во многом является результатом консенсуса на данный момент времени. Гаман как представитель философии чувства и веры в качестве антитезиса рационализму Канта и Гаман как предшественник лингвистического поворота – это одна и та же историческая личность, но другая историко-философская «оптика» позволяет выхватить те особенности его мысли, которые совершенно ускользают из вида в рамках иной концепции.

«Прыжок веры» (salto mortale) Якоби позволяет рассматривать его как иррационалиста, но в отличие от Якоби Гаман не был иррационалистом. Так, в дебютных «Сократических достопамятностях» 1759 г. Гаман придерживается скорее внерационального, сенсуалистского представления о вере. Рационист не может судить о вере именно потому, что вера не относится к сфере дискурсивной рациональности, но ощущается. Отношение веры к разуму Гаман уподобляет отношению зрения к вкусу [Hamann, 1950, p. 74]. Еще в античности Секст Эмпирик обосновывал в Adv. Math. VII, 302, 305, что когнитивный акт одной познавательной способности недостижим для когнитивного акта другой познавательной способности [Секст Эмпирик, 1976, с. 120-121; Берестов, 2015, с. 54-55],

[3] В своем ответе Берлин утверждал, что старые доводы Унгера его убеждают, независимо от того, что по этому поводу говорят более современные исследователи. Также он обрушился на представление О'Флаэрти об «интуитивном разуме» Гамана, поскольку сам Гаман не использовал такой фразы.

в частности, слух не может быть воспринят зрением, а объекты чувственных восприятий в целом не могут быть постигнуты рассудком. В этом смысле Гаман встраивается во вполне рациональный философский дискурс, с той разницей, что он использует данный аргумент не в рамках скептицизма, но для «расчищения пространства» для веры, над которым разум не властен. Гаман, тем не менее, не вводит нового мистического органа под названием «вера»: вера реализуется через существующие органы чувств [Волжин, 2006, с. 62][4].

Гегель при этом критикует концепцию веры Якоби как раз за отсутствие определенного содержания [Гегель, 1974, с. 188]. В отличие от Гамана Якоби проявлял действительно иррационалистические тенденции, противопоставляя веру разуму. Гаман, кстати, предупреждал его, что употребление им термина «вера» повлечет недоразумения и неприятности [Чернов, Шевченко, 2010, с. 178].

Гаман – не сторонник иррационализма. Под этим мы понимаем, во-первых, то, что Гаман использует аргументы, проводит аналогии, рационально использует риторические приемы. С.-А. Йоргенсен отметил, что «хотя подход Гамана можно посчитать причудливым и иносказательным, его произведения – не экстатические бормотания, но вразумительные и обоснованные аргументы» [Jorgensen, 2013, p. 35]. Во-вторых, мы считаем, что Гаману некорректно приписывать положения из учения Ф. Якоби о «непосредственном знании», а именно утверждение о противоречии веры разуму с дальнейшим требованием выбора веры несмотря на ниспровержение ее разумом. Тем не менее, в связи с тем, что Гамана стали рассматривать как представителя одного лагеря с Якоби в связи с особенностями классификации в рамках гегельянского историко-философского предприятия, трактовка его как иррационалиста стала основополагающей на долгое время.

Применительно к «Сократическим достопамятностям» Гамана проблема его интерпретации Берлином как иррационалиста в том, что он смешивает Гамана и последующую секуляризацию его мысли в движении Sturm und Drang, в рамках которого *Genius* (гений как внешний вдохновляющий дух) Гамана уступил место *Genie* как гениальному человеку, действующему вопреки разуму [Leibrecht, 1958, pp. 169-170; Schmidt, 2015, pp. 200-206], что действительно вывело мысль Гамана в иррациональную плоскость. В случае же самого Гамана основной его аргумент состоит в том, что «вера ни рациональна, ни иррациональна, потому что разум не может ни доказать, ни опровергнуть ее» [Beiser, 1987, p. 29].

***

Наше обсуждение современных интерпретаций Гамана неизбежно фрагментарно, но для демонстрации того, как меняется с годами прочтение Гамана достаточно будет привести наиболее знаковые из них. Подробный перечень трактовок Гамана специалистами из разных предметных областей, в особенности в немецкой науке, можно найти в монографии ведущего отечественного гамановеда В. Х. Гильманова [Гильманов, 2003, с. 34-104]. Некоторый всплеск интереса к Гаману в середине XX столетия, как и во время

[4] Волжин интерпретирует Гамана в иррационалистическом смысле: только вера может быть истинным познанием, при этом «проникновение в эту таинственную силу духа и открытие ее мистерии составляет задачу не рационального или опытного познания, а мистики».

предыдущего, был связан с публикацией его трудов. После окончания Второй мировой войны Йозеф Надлер выпустил первое критическое издание трудов Гамана [Nadler, 1949-1957]; до этого исследователи творчества Гамана были вынуждены обходиться изданием Фридриха Рота, увидевшим свет более чем за сто лет до этого [Roth, 1821-1825]. Не менее важным предприятием была публикация полного архива писем Гамана, многие из которых оставались ранее недоступными для исследователей [Hamann, 1955-1979]. Надлер также написал монографию о Гамане, в которой предложил интерпретировать его как христианского гностика нового времени [Nadler, 1949]. Насколько нам известно, такое прочтение Гамана не получило развития у дальнейших исследователей его творчества.

Хотя время от времени к Гаману пытались привлечь внимание отдельные энтузиасты, его наследие так и не стало достоянием широкой публики. Одно время казалось, что «кьеркегоровский ренессанс» середины XX в. приведет и к «гамановскому ренессансу» ввиду очевидного влияния Гамана на творчество Кьеркегора. Действительно, некоторые работы 1950–1960-х гг. явным образом эксплуатировали тему экзистенциализма при изучении наследия Гамана [Lowrie, 1950; Smith, 1960][5], однако широкое признание к Гаману так не пришло по причине малодоступности его текстов для массового читателя. С нашей точки зрения, такая «экзистенциальная» интерпретация Гамана была данью конъюнктуре, предлагая слишком поверхностный взгляд на его творчество. Как и в других подобных случаях, такой подход скорее сообщает нам о позиции и пристрастиях, и предпочтениях самого исследователя, чем об изучаемом авторе. При этом нельзя не признать, что рассмотрение Гамана под иным углом вполне способно пролить новый свет на его творчество и увидеть то, что было скрыто в рамках другого подхода. В самом деле, если весь XIX в. практически вся история философии писалась с позиции гегелевской философии, что в принципе мешало написать ее с позиции философии экзистенциализма, особенно если бы такой подход получил мощную институциональную поддержку? При таком взгляде на историю философии уже не только Кьеркегор, который сам, разумеется, не использовал термина «экзистенциализм», объявлялся бы прародителем этого философского направления, но эту линию можно было бы отодвинуть еще глубже в прошлое и начать обсуждение с Гамана как вдохновителя Кьеркегора.

На протяжении второй половины XX столетия Гамана интерпретировали с разных точек зрения, рассматривая как ключевые дихотомии в его мысли взаимоотношения Бога и человека [Leibrecht, 1958], философии и веры [Alexander, 1966], реляционность (relational metacriticism) саму по себе [Dickson, 1995], христологический принцип общения свойств (communicatio idiomatum) [Fritsch, 1999] и многое другое. Каждый пытался найти свой собственный ключ к Гаману, но никакой из этих подходов не получал всеобщего признания.

Профессор Тюбингенского университета Освальд Байер задал тон в современном гамановедении, предложив в работе 1988 г. концепцию Гамана как «радикального просветителя» [Bayer, 1988; также имеется перевод на английский: Bayer, 2012]. Как правило, исследования, вышедшие после этой книги, не могут обойтись без определенной рефлексии по поводу тезиса Байера, хотя не все готовы признать его ведущую роль [Pascale, 2014, p. 56].

[5] Названия этих работ говорят сами за себя. Лоури, в частности, называет Гамана «экзистенциалистом» на протяжении его работы, делая следующую оговорку: «Я использовал это слово, чтобы рекомендовать Гамана поколению, которое забыло его, но заявляет об интересе к «экзистенциализму», не зная до конца, что значит это слово …» [Lowrie, 1950, p. 8].

Особенность подхода Байера в том, что он встраивает Гамана в последующую философскую традицию, делает постоянные отсылки к таким философам как Кант, Гегель, Фейербах, Маркс, Шлейермахер, Гадамер. Байер рассматривает Гамана как человека модерна – не как иррационалиста, но как просветителя, заполняющего имевшиеся пробелы самого Просвещения. При всех достоинствах подхода Байера, его Гамана почти так же трудно изолировать от последующей континентальной философии, как Гамана гегельянской школы – от его места в «шеренге параграфов» Михелета.

В англоязычном мире главным авторитетом в гамановедении XX в. стал филолог-германист Джеймс О'Флаэрти, посвятивший Гаману несколько монографий и множество статей. Он также не придерживался иррационалистического прочтения Гамана, предложив, что Гаман выступал именно против «дискурсивного разума», а не разума как такового. О'Флаэрти также уделил особое внимание философии языка Гамана – таким было его первое основное академическое сочинение о Гамане [O'Flaherty, 1952]. Тема философии языка продолжала привлекать внимание исследователей и далее [German, 1981; Vaughan, 1989]. Данные исследования его творчества велись обычно с позиции филологии или континентальной философии.

Так, диссертация и монография В. Х. Гильманова, выполнившего самое масштабное и серьезное на данный момент исследование на русском языке, уже на уровне названия («Герменевтика образа», «Гаман и литература Просвещения: опыт универсальной герменевтики») обращают внимание на языковой аспект мысли Гамана [Гильманов, 2003; Гильманов, 2006]. Такое обращение к философии языка Гамана или герменевтике как ключу к его творчеству позволяют сделать вывод о том, что в широком смысле Гаман интерпретируется здесь, как и других упомянутых работах, посвященных его языку, с позиции лингвистического поворота XX в.

В отдельных случаях интерпретация Гамана как родоначальника лингвистического поворота проговаривалась более откровенно. Кристина Лафонт располагает Гамана в начале обсуждения лингвистического поворота в герменевтической философии, посвятив первую главу своего исследования метакритике Гаманом чистого разума Канта с точки зрения естественного языка [Lafont, 1999, pp. 5-12].

Сопоставление Гамана с представителями аналитической философии в рамках лингвистического поворота ограничивалось Витгенштейном [Dickson, 1995, pp. 311-318; Gray, 2012; Snellman, 2018; Halpern, 2019]. По крайней мере, нам не попадались работы, где бы Гамана рассматривали в связи с какими-либо иными аналитическими философами. Поздний Витгенштейн с его «языковыми играми» привлекал преимущественное внимание исследователей, потому что здесь напрашивались особенно наглядные параллели с камуфляжными текстами Гамана. Утверждалось, что Гаман предвосхищает его высказывания о языке [Gray, 2012, p. 104]. Однако исследователи вставали перед дилеммой: что делать с тем, что у нас нет точных данных о том, что Витгенштейн действительно читал Гамана, даже если он и упоминает о нем. И в дело в таком случае идут догадки, что Витгенштейн *мог бы* быть знаком с работами Гамана [Gray, 2012, p. 114; Snellman, 2018, p. 62]. Снеллман идет еще дальше, реконструирует способы того, как Витгенштейн мог узнать о Гамане, и приходит к выводу о «системном перекрытии» их взглядов [Snellman, pp. 73-79], предполагая, что именно Гаман повлиял на ряд ключевых философских идей Витгенштейна, что, на наш взгляд, является очень свободным, хотя и интригующим допущением.

Последняя трактовка по порядку, но не по значению, в нашем ограниченном списке принадлежит Джону Бетцу, который рассматривает Гамана в контексте постмодернизма [Betz, 2009]. Такая интерпретация Гамана не может не вызвать в памяти «экзистенциальные» трактовки Гамана 70-летней давности. В каком-то смысле она еще более смелая, потому что Бетц полагает Гамана визионером, предсказавшим коллапс модернизма еще до того, как тот вошел в полную силу. В то время как основная часть книги представляет собой достаточно подробное и тщательное доксологическое исследование творчества Гамана, в заключении Бетц обсуждает Гамана в связи с Ницше, Хайдеггером и Деррида [Betz, pp. 312-340], которых он группирует широкими взмахами кисти в единый «постмодернистский триумвират». Бетц показывает как сходства, так и различия Гамана и этих философов, обращая внимание на язык и сенсуализм Гамана. Используя Гамана, Бетц проводит постмодернистскую деконструкцию модерна с квазитеологических позиций, что до какой-то степени сближает его с движением «радикальной ортодоксии» Джона Мильбанка, для которого Гаман выступает в качестве одной из ключевых фигур прошлого, позволяющих обратить вспять кантовский проект [Milbank, 1999].

В заключение можно сказать следующее. В «век поворотов» складывается двоякая ситуация при оценке исторических фигур прошлого. С одной стороны, в настоящее время отсутствует единая концепция, единый историко-философский подход. Нет ничего сравнимого по силе воздействия en masse с гегелевскими историями философии XIX столетия. Это делает ситуацию менее комфортной для читателя и требует от него больших усилий в выборе более корректной интерпретации среди множества предлагаемых.

С другой стороны, рассмотрение такой личности, как Гаман, более чем с одного ракурса в условиях отсутствия нормативного канона способно сделать его как мыслителя более «объемным» для восприятия. Большие усилия в данном случае имеют все шансы обернуться менее шаблонным и схематичным, и намного более предметным его прочтением, актуализировать его для настоящего времени, что тем более ценно тем, что в современном контексте не имеется иллюзий, что та или иная интерпретация единственно верная.

Список литературы / References

Асмус, В. Ф. (1965). *Проблема интуиции в философии и математике (очерк истории: XVII – начало XX вв.)*. М.

Asmus, V. F. (1965). *Problem of Intuition in Philosophy and Mathematics (Essay on History: XVII through early XX Century)*. Moscow. (In Russ.)

Берестов, И. В. (2015). Холистические допущения у Парменида, Платона и Секста Эмпирика. *Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX-XXI веков: Г. Г. Шпет. Comprehensio. Шестые Шпетовские чтения*: сборник статей и материалов международной научной конференции (1-7 июня 2015 г.). Отв. ред. О. Г. Мазаева. Томск. С. 54-55.

Berestov, I. V. (2015). Holistic Assumptions in Parmenides, Plato, and Sextus Empiricus. In Mazaeva, O. G. (ed.). *Phenomenological-onthological conception of G. G. Shpet and humanitarian projects of the XX-XXI centuries: G. G. Shpet. Comprehensio. Sixth Shpet Readings*. Collections of Essays and Materials of the International Scholarly Conference (1-7 June 2015). Tomsk. Pp. 54-55. (In Russ.)

Виндельбанд, В. (2007). *История новой философии в связи с общей культурой и отдельными науками*. Т. 1. М.

Windelband, W. (2007). *A History of New Philosophy with Reference to General Culture and Individual Sciences*. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Волжин, С. В. (2006). *И. Г. Гаман, Ф. Г. Якоби. Философия чувства и веры*. СПб.

Volzhin, S. V. (2006). *J. G. Hamann, F. H. Jacobi. Philosophy of Feeling and Faith*. St Petersburg. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1972). О сочинениях Гамана. *Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет:* в 2-х т. Т. 1. М. С. 577-643.

Gegel, G. W. F. (1972). On Hamann's Works. In *Gegel, G. W. F. Works of Different Years.* In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Pp. 577-643. (In Russ.)

Гегель, Г. В. Ф. (1974). *Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики*. М.

Gegel, G. W. F. (1974). *Encyclopedia of Philosophic Sciences. Vol. 1. The Science of Logic.* Moscow. (In Russ.)

Гете, И. В. (1969). *Из моей жизни. Поэзия и правда*. М.

Goethe, J. W. (1969). *Aus meinem Leben: Dichtung und Wahrheit.* Moscow. (In Russ.)

Гете, И. В. (1980). *Собрание сочинений:* в 10 т. Т. 9. М.

Goethe, J. W. (1980). *Collected works.* In 10 vols. Vol. 9. Moscow. (In Russ.)

Гильманов, В. Х. (2003). *Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение.* Калининград.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's Hermeneutics of the «Type» and the Englightenment*. Kaliningrad. (In Russ.)

Гильманов, В. Х. (2006). *И Г. Гаман и литература Просвещения: опыт универсальной герменевтики:* дис. … д-ра филос. наук.

Gilmanov, V. Kh. (2003). *J. G. Hamann's and the Literature of the Enlightenment: Experience of Universal Hermeneutics.* Doctor's thesis. (In Russ.)

Гулыга, А. В. (1977). *Кант*. М.

Gulyga, A. V. (1977). *Kant.* Moscow. (In Russ.)

Гулыга, А. В. (1985*). Немецкая классическая философия*. М.
Gulyga, A. V. (1985). *German Classical Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Кожевников, В. А. (1897). *Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии.* Ч. I. М.
Kozhevnikov, V. A. (1897). *Philosophy of Feeling and Faith in its Relation to Literature and Rationalism of the 18th Century and Critical Philosophy*. Pt. 1. Moscow. (In Russ.)

Кьеркегор, С. (2012). *Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам»*. М.
Kierkegaard, S. (2012). *Concluding Unscientific Postscript to Philosophical Fragments*. Moscow. (In Russ.)

Рассел, Б. (1994). *История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней.* Новосибирск.
Russel, B. (1994). *History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. Novosibirsk. (In Russ.)

Реале, Дж., Антисери, Д. (2010). *Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней.* СПб.
Reale, G., Antiseri, D. (2010) *Western Philosophy from its Origins until Present Day.* St. Petersburg. (In Russ.)

Секст Эмпирик. (1976). Против логиков. *Сочинения:* в 2-х т. Т. 1. М.
Sextus Empiricus. (1976). Against the Logicians. *Works.* In 2 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Современная западная философия. Энциклопедический словарь. (2009). Редкол. О. Хеффе, В. С. Малахов и др. М.
Heffe, O., Malakhov, V. S. et al. (eds.). (2009). *Modern Western Phisolophy. Encyclopedic Dictionary*. Moscow. (In Russ.)

Уэст, Д. (2015). *Континентальная философия. Введение*. М.
West, D. (2015). *Continental Philosophy. An Introduction*. Moscow. (In Russ.)

Чернов, С. А., Шевченко, И. В. (2010). *Фридрих Якоби: вера, чувство, разум.* М.
Chernov, S. A. Shevchenko, I. V. (2010). *Friedrich Jacobi: Faith, Feeling, Reason*. Moscow. (In Russ.)

Alexander, W. M. (1966). *Johann Georg Hamann. Philosophy and Faith.* Hague.

Bayer, O. (1988). *Zeitgenosse im Widerspruch. J. G. Hamann als radicaler Aufklärer.* München. Zürich.

Bayer, O. (2012). *A Contemporary in Dissent. Johann Georg Hamann as a Radical Enlightener.* Grand Rapids, MI.

Beiser, F. C. (1987). *The Fate of Reason. German Philosophy from Kant to Fichte.* Cambridge.

Berlin, I. (1993a). *J. G. Hamann and the Origins of Modern Irrationalism*. New York.

Berlin, I. (1993b). The Magus of the North. *New York Review of Books*. Vol. 40. No. 17. Pp. 64-71.

Fischer, K. (1855). *Geschichte der neuern Philosophie. Bd. 2. G. W. Leibniz und seine Schule.* Heidelberg.

Fritsch, F. (1999). *Communicatio idiomatum. Zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns.* Berlin. New York.

Hamann, J. G. (1950). *Sokratische Denkwürdigkeiten*. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Sämtliche Werke. Schriften über Philosophie, Philologie, Kritik: 1758-1763. Pp. 57-82. Wien.

Gray, J. Hamann, Nietzsche, and Wittgenstein on the Language of Philosophers. In Anderson, L. M. (ed.). *Hamann and the History of Philosophy. Hamann and the Tradition*. Evanston, IL. Pp. 104-121.

German, T. J. (1981). *Hamann on Language and Religion*. Oxford.

Griffith-Dickson, G. (1995). *Johann Georg Hamann's Relational Metacriticism*. Berlin.

Halpern, M. (2019). Religion, Grammar and Style: Wittgenstein and Hamann. *European Review*. Vol. 27. Iss. 2. Pp. 195-209.

Hamann, J. G. (1821-1825). *Hamanns Schriften von F. Roth*. Berlin.

Hamann, J. G. (1949-1957). *Sämtliche Werke.* Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. In 6. Bdn. Wien.

Hamann, J. G. (1955-1979). *Briefwechsel.* Bd. 1-7. Ziesemer, W., Henkel, A. (hrsg.). Wiesbaden, Frankfurt.

Haynes, K. (2012). "There is an Idol in the Temple of Learning". In Anderson, L. M. (ed.). *Hamann and the History of Philosophy. Hamann and the Tradition*. Evanston, IL. Pp. 33-51.

Jean Paul. (1990). *Vorschule der Ästhetik.* Henckmann, W. (ed.). Hamburg.

Jorgensen, S.-A. (2013). Hamann, Bacon, and Tradition. In *Querdenker der Aufklärung. Studien zu Johann Georg Hamann*. Göttingen. Pp. 35-64.

Kenny, A. (2006). *A New History of Western Philosophy. Volume III. The Rise of Modern Philosophy*. Oxford.

Kirmmse, B. H., Laursen, V. R. (1996). *Encounters with Kierkegaard.* Princeton.

Knoll, R. (1963). *Johann Georg Hamann und Friedrich Heinrich Jacobi.* Heidelberg.

Lafont, C. (1999). *The Linguistic Turn in Hermeneutic Philosophy.* Cambridge, London.

Leibrecht, W. (1958). *Gott und Mensch bei Johann Georg Hamann.* Gütersloh.

Lestition, S. O. (2007). Countering, Transporting, or Negating the Enlightenment? A Response to Robert Norton. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 68. No. 4. Pp. 659-681.

Lowrie, W. (1950). *Johann Georg Hamann: An Existentialist.* Princeton.

Michelet, K. L. (1837-1838). *Geschichte der letzten Systeme der Philosophie in Deutschland von Kant bis Hegel.* Bd. 2. Berlin.

Milbank, J. (1999). The Theological Critique of Philosophy in Hamann and Jacobi. In Milbank, J., Pickstock, C., Ward, G. (eds.). *Radical Orthodoxy*. London, New Work. Pp. 21-37.

Nadler, J. (1949). *Johann Georg Hamann. Der Zeuge des Corpus mysticum.* Salzburg.

Norton, R. E. (2007). The Myth of the Counter-Enlightenment. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 68. No. 4. Pp. 635-658.

O'Flaherty, J. C. (1952). *Unity and Language. A Study in the Phisolophy of Johann Georg Hamann.* Chapel Hill.

Pascale, C. D. (2014) *Il razionale e l'irrazionale. La filosofia critica tra Hamann e Schopenhauer.* Pisa.

Hamann, J. G. (1821-1825). *Hamanns Schriften von F. Roth.* Berlin.

Schlegel, F. (1961). *Deutsches Museum III.* Kritische Neuausgabe. Bd. 6. München.

Schelling, F. W. J. (1856a). *Sämtliche Werke*. Abt. I. Bd. 8. Stuttgart. Augsburg.

Schelling, F. W. J. (1856b). *Sämtliche Werke*. Abt. I. Bd. 10. Stuttgart. Augsburg.

Smith, R. G. (1960). *Johann Georg Hamann 1730–1788: A Study in Christian Existence, With Selection from His Writings.* New York.

Snellman, L. (2018). Hamann's Influence on Wittgenstein. *Nordic Wittgenstein Review*. Vol. 7. No. 1. Pp. 59–82.

Unger, R. (1911). *Hamann und die Aufklärung*. Studien zur Vorgeschichte des romantischen Geistes im 18 Jahrhundert. 2 Bde. Jena.

Vaughan, L. (1989). *Johann Georg Hamann: Metaphysics of Language and Vision of History.* Frankfurt.

Zeller, E. (1875). *Geschichte der deutschen Phisolophie seit Leibniz*. München.

Сведения об авторе / Information about the author

Стрельцов Алексей Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: streltsov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-1116-1884

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025
После доработки: 18.03.2025
Принята к публикации: 25.03.2025

Streltsov Alexey – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: streltsov@mail.ru, http://orcid.org/0000-0002-1116-1884

The paper was submitted: 15.02.2025
Received after reworking: 18.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354 + 323.2

ИНСТИТУТ ТОС В ПРАКТИКАХ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ И СУБЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ (КЕЙС Г. БЕРДСКА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

М. Р. Зазулина
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
zamashka@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению опыта г. Бердска Новосибирской области в сфере развития территориального общественного самоуправления (ТОС). Цель – описать как глобальные тренды в развитии этого института, государственные и региональные, проявляются на уровне конкретного муниципального образования и отдельного населенного пункта. Эмпирическую базу исследования составили официальные данные о ТОСах г. Бердска в период с 2018 по 2024 гг. и данные полуструктурированных экспертных интервью, осуществленных в 2024 г. В качестве экспертов выступили председатели ТОСов и представители местной власти (сотрудники администрации и депутаты).

Сделан вывод о том, что поддержка института ТОС, осуществляемая государством, способствует увеличению числа ТОСов. В ходе этого процесса внутри единого местного сообщества происходит выделение сублокальных сообществ, объединенных общей территорией проживания и решением проблем ее благоустройства; а также выделение внутри самих сублокальных сообществ групп инициативных членов в лице председателей и актива.

Выделены особенности территориального общественного самоуправления в Бердске. Здесь в ТОСы самоорганизуются относительно небольшие группы населения от нескольких десятков до нескольких сотен жителей. Существует тенденция к укрупнению изначально мелких ТОСов. Данный институт имеет административный ресурс в лице депутатов, помощью которых пользуется. Администрация Бердска, являющаяся основным оператором во взаимодействиях с ТОСами, ориентирована на решение конкретных проблем сублокальных сообществ, что проявляется в поддержке грантов определенного типа.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, ТОС институт, самоорганизация, местное самоуправление, локальное сообщество, сублокальное сообщество, Новосибирская область, г. Бердск.

Для цитирования: Зазулина, М. Р. (2025). Институт ТОС в практиках самоорганизации локальных и сублокальных сообществ (кейс г. Бердска Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 41-61. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.41-61

INSTITUTE OF TPSG IN THE PRACTICES OF SELF-ORGANIZATION OF LOCAL AND SUBLOCAL COMMUNITIES (CASE STUDY OF BERDSK, NOVOSIBIRSK REGION)

M. R. Zazulina
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
zamashka@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the experience of Berdsk, Novosibirsk region, in the development of territorial public self-government (TPSG). The purpose is to describe how global trends in the development of this institution, state and regional, manifest themselves at the level of a specific municipality and a separate locality. The empirical basis of the study was made up of official data on TPSG in Berdsk in the period from 2018 to 2024 and data from semi-structured expert interviews conducted in 2024. The experts were the chairmen of the TPSG and representatives of local authorities (administration staff and deputies).

It is concluded that the government's support for the TPSG institute contributes to an increase in the number of TPSG. During this process, within a single local community, sublocal communities are identified, united by a common territory of residence and the solution of problems of its improvement; as well as the identification of groups of initiative members in the person of chairmen and activists within the sublocal communities themselves.

The features of territorial public self-government in Berdsk are highlighted. Here, relatively small groups of the population from several dozen to several hundred residents self-organize into TPSG. There is a tendency to enlarge initially small TPSG. This institution has an administrative resource in the person of deputies, whose help it uses. The Berdsk administration, which is the main operator in interactions with TPSG, is focused on solving specific problems of sublocal communities, which is manifested in the support of grants of a certain type.

Keywords: territorial public self-government, TPSG, institute, self-organization, local government, local community, sublocal community, Novosibirsk region, Berdsk.

For citation: Zazulina, M. R. (2025). Institute of TPSG in the Practices of Self-Organization of Local and Sublocal Communities (Case Study of Berdsk, Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 41-61. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.41-61

Введение

Территориальное общественное самоуправление (ТОС) упоминается во всех трех законах о местном самоуправлении, действующих в Российской Федерации в постсоветский период, что свидетельствует о значимости этой формы осуществления местного самоуправления. Однако, только начиная с 2018 г., территориальное общественное самоуправление стало предметом пристального внимания со стороны государства: развитие этого института стало одним из индикаторов эффективности работы местных органов власти, появились программы по его финансированию.

В результате произошло увеличение количества ТОСов в Российской Федерации. Если в целом по РФ число ТОСов в период с 2018 по 2021 гг. выросло с 32000 до 35000 [Зазулина, 2022], то, например, в Новосибирской области в период с 2018 по 2024 гг. их число увеличилось с 230 до почти 1300 [Зазулина, 2024b]. Таким образом, ТОС является одним из тех институтов, на которые государство делает ставку, и значимость которых в жизни локальных сообществ повышается.

Как правило, ТОС формируется внутри локального сообщества отдельного населенного пункта в виде выделения сообществ более мелкого сублокального или субмуниципального уровня. Эти сублокальные сообщества самоорганизуются в ТОС для решения проблем, связанных с благоустройством территории проживания.

Актуальность исследования процессов, связанных с развитием ТОС, обусловлена их ролью в качестве инструмента решения проблем местных сообществ, которую им отводит государство, а также тем влиянием, которое они оказывают на жизнь местных сообществ.

Данная работа посвящена изучению опыта г. Бердска Новосибирской области в сфере развития территориального общественного самоуправления. Цель работы – на примере кейса г. Бердска описать как глобальные тренды в развитии этого института, государственные и региональные, проявляются на уровне конкретного муниципального образования и отдельного населенного пункта.

Существует достаточное количество работ, посвященных изучению опыта территориального общественного самоуправления в муниципальных образованиях многих регионов РФ [Березутский, Митрофанов, 2023; Крюкова, Сологуб, 2021; Новокрещенов, 2020]. Однако эти работы имеют преимущественно описательный характер. В результате в этом исследовательском поле ощущается нехватка теоретических построений в предпосылках и выводах исследования.

Теоретическая рамка исследования

Теоретическая интерпретация наблюдаемых процессов опирается прежде всего на положения неоинституционализма, который интерпретирует институты как правила игры, определяющие действия основных игроков – агентов взаимодействий [Олсон, 1995; Норт, 1997].

В случае с ТОС, существование этого института поддерживается прежде всего государством, которое закрепляет его в правовом поле (на одну из форм осуществления местного самоуправления в законах о местном самоуправлении) и с определенного момента обеспечивает финансовой поддержкой в виде возможности получения ТОСами грантов для осуществления своей деятельности.

Такое обновление правил игры меняет поведение основных участников процесса – местных органов власти и местных сообществ. Местные администрации вынуждены более интенсивно взаимодействовать с населением, подталкивая его к созданию ТОСов. Население получает возможность решения проблем местного значения через получение доступа к таким ресурсам, как финансирование и содействие администрации. Это приводит к запуску процесса структурирования местных сообществ и выделению сообществ сублокального уровня, объединенных общей территорией проживания (от двора до квартала или района). Кроме этого, происходящий процесс имеет еще несколько эффектов, которые уже зафиксированы в исследованиях: увеличение политической лояльности населения [Шагалов, 2019], рост патриотических настроений [Зазулина, 2024b], образование «мы-чувства» как основы территориальной идентичности, опирающейся на сходство жизненных условий и социальную однородность среды [Казакова, 2016].

Спускаясь на уровень локальных сообществ, правила «игры в ТОС» неизбежно трансформируются, в том числе обрастая сетью неформальных взаимодействий. Связано это с тем, что основные агенты отношений, являющиеся представителями власти или сообществ, – это прежде всего люди, которые интерпретируют правила по-своему, в соответствии с набором имеющихся у них установок и уже сложившейся ситуацией на местах. Именно это определяет, по нашему мнению, специфику локальных процессов ТОСо-строительства, разворачивающихся в рамках глобальных трендов, и именно это мы попытаемся показать в данной статье.

Методология и общая стратегия исследования

В качестве объекта выступил г. Бердск Новосибирской области. При рассмотрении выбранного кейса мы использовали несколько исследовательских перспектив. Во-первых, мы рассматривали ТОС с точки зрения истории становления и современного состояния этого института в г. Бердске. Во-вторых, мы сочетали анализ количественных и качественных данных. Были проанализированы статистические данные о ТОСах Бердска, имеющиеся в официальных источниках. Эти данные позволяют увидеть происходящие процессы в полном масштабе и выявить основные тенденции. Также при исследовании кейса были использованы качественные методы: в 2024 г. проведена серия экспертных полуструктурированных интервью. В качестве экспертов выступили, с одной стороны, председатели ТОС Бердска, а с другой стороны – представители местной власти (специалисты администрации и депутаты, непосредственно взаимодействующие с ТОСами) и эксперты из Новосибирска. Это позволило изучить позицию основных участников процесса, понять основные движущие силы и скрытые факторы, определяющие развитие института ТОС в г. Бердске.

Всего было проведено 7 интервью. В результате 3 интервью отражали позицию представителей органов власти и 5 интервью – представителей местных сообществ в лице председателей ТОСов (в том числе 4 из Бердска и 1 из Новосибирска). Среди председателей ТОСов Бердска эксперты подбирались таким образом, чтобы представить ситуацию с точки зрения двух основных типов ТОС, сформированных в частном секторе и в многоквартирных домах (два и два соответственно).

Становление и современное состояние ТОС в МО г. Бердска

Город Бердск является вторым по величине населенным пунктом в Новосибирской области, географически расположен недалеко от областного центра, выступая в роли его города-спутника. Имеет статус городского округа, численность населения на 1 января 2024 г. составила 102 760 человек[1]. На конец 2024 г. на территории Бердска осуществляет свою деятельность 49 ТОСов. При этом охват населения деятельностью ТОСов составляет 8437 или 8,2 % всего населения.

Динамика формирования ТОСов в Бердске показана в таблице 1. Первый ТОС был сформирован в 1997 г.[2], однако случаи самоорганизации населения в ТОСы в первое десятилетие XX в. не приобрели массовый характер, к концу 2012 г. было организовано всего 6 ТОСов. Все они, кроме самого первого, были следствием самоорганизации жителей частного сектора.

[1] Итоги социально-экономического развития города Бердска за 9 месяцев 2024 года [Электронный ресурс]. *Администрация города Бердска Новосибирской области*. URL: https://berdsk.nso.ru/page/44922 (дата обращения: 20.02.2025).

[2] ТОС п. Новый является самым крупным из действующих ТОСов, объединяя 1600 жителей, и является единственным ТОСом смешанного типа, объединяя жителей частного сектора и МКД. Это обусловлено обособленным и удаленным положением п. Новый относительно основной части г. Бердска.

Дальнейший процесс создания ТОСов имел волнообразный характер. Первая волна пришлась на 2013 и 2015 гг., когда одновременно были образованы 31 ТОС. Первоначально они были созданы в рамках Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», а в 2015 г. также одновременно перерегистрированы в рамках Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 131-ФЗ). Все эти ТОСы были небольшого размера, объединяя по несколько десятков жителей, и относились к одной из двух категорий: созданные в частном секторе и созданные в многоквартирных домах. Часть из них впоследствии оказалась расформирована в связи с ветхостью жилья и его сносом.

Таблица 1

Динамика создания ТОС в г. Бердске[3]

Год	Кол-во	Прирост	Убыль	Частники	МКД
1997	1	+1			
2009	2	+1		+1	
2011	3	+1		+1	
2012	6	+3		+3	
2015	38	+32		+17	+15
2018	43	+5		+3	+2
2019	49	+6		+3	+3
2020	46	0	–3		
2021	47	+1		+1	
2022	44	+2	–5		+2
2023	46	+2		+1	+1
2024	49	+3			+3

Вторая волна образования ТОСов началась в 2018 г. и совпала с началом реализации новой государственной стратегии, ориентированной на поддержку ТОСов, и принятием соответствующих региональных и муниципальных программ развития. С этого времени в городе ежегодно формируется несколько ТОСов. Всего, начиная с 2018 г., в Бердске было сформировано 19 ТОСов.

Если первые ТОСы создавались в частном секторе, то, начиная с 2015 г., процесс создания ТОСов охватил в равной степени и частный сектор, и районы с многоквартирными домами, а начиная с 2021 г. большинство ТОС формируется именно в районах с многоэтажной застройкой. В результате на момент исследования в Бердске функционировало 49 ТОСов, среди которых 1 относится к смешанному типу, 29 расположены в частном секторе и 19 – в районах с многоквартирными домами (МКД).

[3] Составлено автором на основе данных: Реестры решений сессий Совета депутатов. [Электронный ресурс]. *Администрация города Бердска Новосибирской области*. URL: https://berdsk.nso.ru/page/409 (дата обращения: 20.02.2025).

Бердские ТОСы не расположены равномерно по всему городу, а локализованы в отдельных районах. Если анализировать ситуацию в разрезе избирательных округов[4], то из 27 избирательных округов Бердска, лишь на территории 15 сформированы ТОСы.

При этом в шести округах сформировано всего по одному ТОСу. Еще в восьми округах количество ТОСов составляет от 2 до 6. Наконец, один избирательный округ является бесспорным лидером по числу ТОСов и выбивается из общей картины. На его территории сформировано сразу 20 территориальных общественных самоуправлений, и фактически он представляет собой район, в котором значительная часть домовладений и проживающих в них жителей самоорганизованы в структуры по управлению территориями проживания.

Бердск представляет собой промышленный город, в котором преобладает городское население, проживающее в многоквартирных домах. Однако большая часть существующих ТОСов расположены в частном секторе. Многоквартирные дома создают ТОСы гораздо реже: из 49 ТОСов Бердска 29 созданы в частном секторе и лишь 19 в многоквартирных домах. Еще один ТОС представляет собой смешанный тип, что обусловлено его полностью обособленным географическим расположением (п. Новый).

Сложно сказать, является ли такое соотношение различных типов ТОСов обычным. С одной стороны, исследователи показывают, что в первую очередь ТОСы возникают в районах с частной застройкой [Шагалов, 2019]. Во-первых, это, как правило, удаленные районы, на которые власти обращают недостаточно внимания. Во-вторых, жители частного сектора в принципе представляют собой миноритарную категорию населения, что вынуждает их чаще самоорганизовываться. С другой стороны, опыт Новосибирска, который находится в непосредственной близости, показывает, что процесс образования ТОСов может интенсивно происходить независимо от типа жилья и удаленности районов.

Количество жителей, входящих в ТОСы Бердска, составляет от 13 до 1600. Такой большой размах объясняется разницей территорий, на которых создаются ТОСы, а также их удаленностью и обособленностью. Даже в рамках различных типов ТОСов, рассматриваемых по отдельности, число жителей представляет значительный размах. В частном секторе количество жителей, входящих в ТОС, составляет от 13 до 196. В МКД – от 21 до 730. В целом в Бердске преобладают ТОСы небольшого размера: в 29 ТОСах численность жителей не превышает 100 человек. И лишь в 7 ТОСах число жителей превышает 300 человек.

Среди ТОСов и в частном секторе, и в МКД четко выделяются несколько различных типов. МКД объединяются в ТОСы как в одиночку (в этом случае ТОС формируется на базе одного МКД), так и группами (в этом случае ТОС формируется на базе нескольких домов, объединенных территорией общего пользования, – это, как правило, общий двор внутри с детской площадкой, тротуарами и местами для парковки). В результате, среди МКД были выделены типы «один МКД – один ТОС» и «несколько МКД – один ТОС».

В частном секторе можно выделить три типа ТОСов. Первый тип – это «маленький частник». Сюда мы отнесли объединения жителей, дома которых расположены компактно, небольшой квартал или часть квартала, располагающаяся вдоль одной улицы. Второй тип

[4] Избирательные округа представляют собой деление всех жителей Бердска на достаточно равномерные группы по числу избирателей, проживающих на данной территории. В среднем один избирательный округ включает в себя территорию, на которой проживает около 3000 избирателей. В Бердске число избирателей на округах составляет от 2809 до 3370 человек.

ТОСов в частном секторе это – «средний частник». Как правило, это несколько кварталов, которые со всех сторон огорожены естественными преградами в виде проезжей части или нежилых территорий (поле, гаражи, берег реки). ТОС типа «крупный частник» объединяет жителей целой улицы, пересекающей несколько городских кварталов, или представляют собой отдельный достаточно крупный жилой район. Это могут быть ТОСы, расположенные как в самом центре частного сектора, так и вдоль его границ с многоэтажной застройкой. Характеристики выделенных типов ТОСов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Типы ТОСов г. Бердска[5]

Тип	Кол-во ТОСов	Характеристики	Жильцов, чел.
Один МКД – один ТОС	12	1 дом, от 16 до 301 домохозяйств	21–290
Несколько МКД – один ТОС	7	От 2 до 5 домов, от 211 до 438 домохозяйств	235–730
Мелкий частник	17	Квартал или часть улицы, от 6 до 30 домохозяйств	13–79
Средний частник	8	Два-три квартала, от 36 до 62 домохозяйств	68–138
Крупный частник	4	Несколько кварталов, район, от 80 до 240 домохозяйств	180–200

Отметим, что преобладание ТОСов первого типа сложилось исторически и объясняется особенностями правовой базы на первом этапе формирования этого института, которая не позволяла объединяться в один ТОС сразу нескольким МКД. Создание ТОСов, включающих два и более МКД, оказалось возможным только после принятия «Положения о территориальном общественном самоуправлении в городе Бердске» в 2019 г. Также после этого стал возможен процесс расширения границ ТОС. В результате среди ТОСов, которые формируются после 2018 г., большинство – это либо ТОСы, в которые объединились жители двух-трех многоквартирных домов, либо ТОСы в частном секторе, объединившие жителей 50–100 домохозяйств. Кроме того, часть ТОСов после изменения положения о ТОСах и упрощения правил формирования, расширила свои границы.

Таким образом, в последние годы мы видим, что, хотя количество ТОСов в частном секторе преобладает, все больше ТОСов начинают формироваться в многоквартирных домах, что естественно для промышленного города. Также обозначается тренд на формирование ТОСов относящихся к типу «один ТОС – много МКД», при котором объединяются жители домов, проживающих в одном дворе. Наконец ТОСы в МКД объединяют большее число жителей, чем ТОСы частного сектора, – 4729 человек и 2108 человек соответственно.

Также для полноты картины отметим, что в Бердске ТОСы не являются юридическими лицами. Данная практика не получила широкого распространения во всей Новосибирской области.

[5] Составлено автором на основе данных: Список Территориальных общественных самоуправлений г. Бердска (актуализация 01.01.2025). [Электронный ресурс]. *Администрация города Бердска Новосибирской области.* URL: https://berdsk.nso.ru/page/21758 (дата обращения: 20.02.2025).

Характер и содержание деятельности ТОС

Границы деятельности ТОС обозначены в 131-ФЗ, который указывает, что органы территориального общественного самоуправления «могут осуществлять хозяйственную деятельность по благоустройству территории, иную хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного самоуправления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета»[6]. Таким образом, спектр вопросов, решаемых ТОСами, может быть достаточно широк, а также они могут финансироваться местными администрациями.

Действительно, проблемы, с которыми сталкиваются местные сообщества, часто требуют не просто коллективного обсуждения или добровольной соседской помощи, а предполагают значительные финансовые затраты. Установка детских площадок, ремонт тротуаров и даже озеленение – все это зачастую превышает финансовые возможности жителей.

Для бердских ТОСов основным способом решать реально значимые проблемы является получение государственных грантов. Начиная с 2014 г., в Бердске проводится «Ежегодный конкурс социально значимых проектов на предоставление грантов в форме субсидий из бюджета города Бердска в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений». Условия, цели, объем и порядок предоставления грантов установлены специальным правовым актом[7].

Гранты предоставляются ТОСам на реализацию мероприятий по пяти направлениям:

1) организация благоустройства территории в границах ТОС;

2) проведение физкультурно-оздоровительных, спортивных и культурных мероприятий по месту жительства граждан, в том числе патриотических;

3) обеспечение условий для развития физической культуры и массового спорта;

4) создание условий и организация обустройства мест для массового отдыха жителей;

5) обеспечение деятельности ТОС (делопроизводство, проведение заседаний советов ТОС, собраний / конференций жителей в границах ТОС, приема жителей, участие в организационных мероприятиях), привлечение жителей в границах ТОС к мероприятиям ТОС.

Условия предоставления субсидии предполагают, что по каждому направлению ТОС может подать не более одной заявки. Таким образом, всего один ТОС может подать до пяти заявок. Некоторые ТОСы пользуются такой возможностью, подавая по две-три заявки ежегодно. Но это скорее единичные случаи. Максимальная сумма гранта составляет 300 тысяч и может колебаться в зависимости от масштабов проекта.

---

[6] Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Гл. 5, ст. 27, п. 8.3. (2003). [Электронный ресурс]. *Президент России*. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035 (дата обращения: 20.02.2025).

[7] Порядок предоставления грантов в форме субсидий из бюджета города Бердска в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений, утвержденный постановлением администрации города Бердска от 24.03.2020 № 790. (2020). [Электронный ресурс]. *Администрация города Бердска Новосибирской области.* URL: https://berdsk.nso.ru/page/1989 (дата обращения: 20.02.2025).

С момента начала реализации Конкурса бердским ТОСам было выделено грантов в форме субсидий на сумму более 16 000 000 рублей. Финансирование грантов производится из областного и местного бюджетов. Обязательным условием участия в конкурсе является софинансирование со стороны жителей-членов ТОС. Минимальный объем такого финансирования должен составлять 10 %, но на практике среди бердских ТОСов доля софинансирования достигает 20 %.

Количество поданных и одобренных заявок, а также данные по ТОСам, принявшим участие в Конкурсе, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Участие ТОС в «Ежегодном конкурсе социально значимых проектов на предоставление грантов в форме субсидий из бюджета г. Бердска в целях поддержки общественных инициатив территориальных общественных самоуправлений» в период с 2018 по 2024 гг.[8]

Критерии	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Подано заявок, ед.	18	18	12	16	10	–	17
Количество ТОС, участвовавших в Конкурсе, ед.	–	–	11	12	9	–	–
Получено грантов, ед.	17	12	8	11	9	8	11
Количество ТОС, получивших гранты, ед.	17	12	8	6	8	7	11
Доля ТОС, участвующих в грантовой деятельности (процент от числа ТОС существующих на момент проведения Конкурса в Бердске), %	40	25	17	13	18	15	23

За указанный период в Бердске всего было реализовано 76 проектов, при этом ежегодно реализовывалось от 8 до 17 грантов. Конкуренция за получение грантов не является очень высокой, доля одобренных заявок составляет от 65 до 94 %. Кроме этого, мы видим, что количество ТОС, получающих гранты, колеблется от 7 до 17. Данные о ТОСах, подающих заявки, представлены не полностью, но их количество тоже не очень велико. Доля ТОСов, получающих гранты, т. е. участвующих в грантовой деятельности, колеблется от 13 до 40 %.

Представленные данные позволяют оценить уровень активности ТОСов. Фактически всего четверть существующих ТОСов участвуют в грантовой деятельности и решают свои проблемы с помощью привлечения государственного финансирования. Такой же уровень активности городских ТОСов отмечают и эксперты.

Также можно оценить ту долю информации о деятельности ТОСов, которая попадает к местной администрации. Дело в том, что не имеющие грантового финансирования ТОСы не предоставляют органам власти никакой отчетности о своей деятельности. Таким образом, деятельность бердских ТОСов (в том случае, если она, конечно, ведется) осуществляется в большинстве своем неформально, в «серой зоне», вне видимости местных администраций.

Тем не менее, в Бердске сформировался целый ряд ТОСов, которые активно пытаются и из года в год получают грантовое финансирование. Возможность получения грантов связана с целым рядом факторов. Это и наличие у ТОСов административных ресурсов,

[8] Таблица 3 составлена автором на основе данных, предоставленных Администрацией г. Бердска.

и активная позиция председателей ТОСов, которые ищут возможности и добиваются своего. Грантовое финансирование накладывает существенные ограничения на деятельность ТОСов. Эти ограничения могут быть связаны с типом существующих проблем, которые оказываются вне зоны компетенции и не могут финансироваться из грантовых источников. Существенные ограничения связаны с суммами финансирования. Максимальной суммы гранта (300 тыс. руб.) недостаточно для реализации крупных проектов, например, детских площадок. В результате такой ситуации в Бердске сложилась практика финансирования долгосрочных проектов, когда реализация одного проекта разбивается на два или три года. Это позволяет ТОСам планировать масштабные проекты и быть уверенными в том, что они будут завершены. В 2024 г. из 11 поддержанных проектов 6 являются долгосрочными, рассчитанными на срок от 2 до 3 лет. Распространение практики реализации долгосрочных проектов означает не только возможность осуществления масштабных работ по благоустройству, а свидетельствует о взаимном доверии между администрацией и ТОСами, которое становится основой более длительного и плодотворного сотрудничества.

Наконец, ограничивающим фактором выступает низкий уровень активности населения, его неготовность к участию в реализации проекта. Обязательное софинансирование может осуществляться в форме трудозатрат, которые вкладывают сами жители и которые пересчитываются в денежный эквивалент: часто это работы по демонтажу, по уборке территории. Обсуждение такого участия имеет неформальный характер и предшествует формальным договоренностям. И часто именно на этом этапе возможность реализации проектов уже оказывается перечеркнутой, поскольку в сообществе не оказывается добровольцев, готовых вложиться своим трудом. Также отметим, что в целом ряде случаев жителям оказывается проще вложится деньгами, такая необходимость не вызывает негативных реакций при условии, что речь идет о «комфортных» для жителей суммах.

В этой связи отметим, что буквально с 2024 г. для решения проблем благоустройства территории в Бердске начинают применять механизм инициативного бюджетирования, который предполагает софинансирование со стороны жителей именно в денежной форме. Это позволяет утверждать, что сам процесс стимулирования сообществ Бердска к объединению и активной деятельности далек от завершения, а скорее даже находится на начальной стадии развития.

В ходе исследования нам удалось проанализировать 39 грантов, реализованных ТОСами (т. е. чуть больше половины от всех грантов за период 2018–2024 гг.), с точки зрения их содержания. Если пользоваться методикой анализа грантовых проектов ТОСов, предложенной нами ранее [Зазулина, 2024а], то спектр деятельности ТОСов Бердска будет выглядеть следующим образом (диагр. 1)

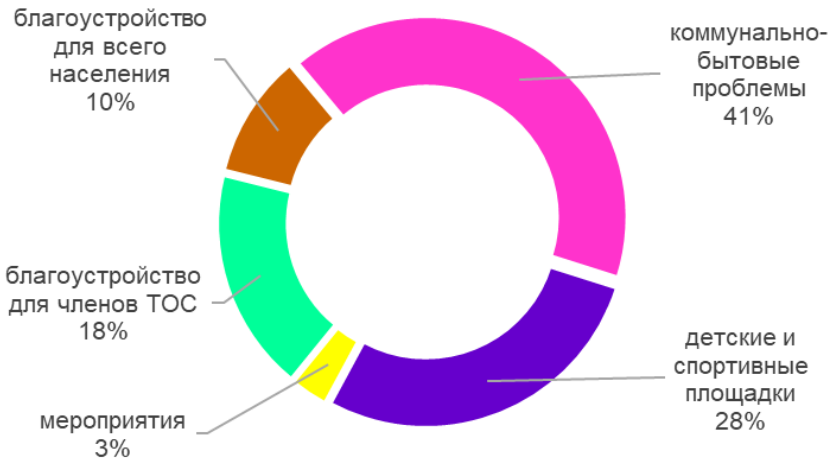

Диаграмма 1. Направления грантовой деятельности ТОСов г. Бердска

Отличительной чертой Бердска является большая доля проектов, направленных на решение коммунально-бытовых проблем: щебенение дорог, прокладка тротуаров, освещение улиц, создание водоотведения. Если в среднем по Новосибирской области доля таких проектов составляет 11 %, то в Бердске – это самая значительная категория. И это свидетельствует прежде всего об ориентированности бердской администрации на решение конкретных и наиболее насущных проблем. Подавляющая часть таких проектов реализуется ТОСами частного сектора. Финансирование каких-либо мероприятий – наименее поддерживаемая категория. Проекты по обустройству детских и спортивных площадок составляют 28 % всех проектов. Все прочие проекты по благоустройству составляют в совокупности 28 %, что вдвое меньше среднего значения по Новосибирской области. Большинство из этих проектов ориентированы на решение локальных проблем сообществ и реализуются непосредственно на территории проживания членов ТОС. Сюда мы отнесли проекты по озеленению дворов и благоустройство помещения для работы ТОС.

По-настоящему крупных проектов, ориентированных на создание благ не только для членов ТОС, но и для больших групп населения (такие проекты мы называем «проекты с эффектом увеличения благополучателей»), мы обнаружили всего два: строительство сквера (ТОС «Микрорайон Южный», тип «крупный частник») и проект «Родник», направленный на благоустройство общественного пространства для проведения мероприятий и задуманный в том числе как место для встреч жителей всего района (ТОС «Озерный-2», тип «средний частник»). Оба эти проекта являются долгосрочными и реализуются поэтапно в течении трех лет.

Данные, представленные в таблице 4, показывают, что ТОСы частного сектора получают гранты гораздо чаще, чем ТОСы в МКД.

Таблица 4

Количество грантов, выданных разным типам ТОС в 2018–2024 гг.[9]

Типы ТОСов	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Частники	12	11	7	5	7	–	5
МКД	4	1	1	6	1	–	6
Смешанные	1				1		

Все это говорит о том, что и для населения, и для власти приоритетным является решение базовых проблем на территории проживания населения, но в силу объективных причин таких проблем оказывается больше у ТОСов частного сектора. Для МКД решение коммунально-бытовых проблем часто решается с помощью управляющих компаний. Сложившаяся ситуация со стороны представителей МКД выглядит несимметричной и вызывает их недовольство. Однако в условиях достаточно ограниченной суммы, выделяемой на гранты для ТОСов[10], ситуация продолжает оставаться таковой.

Возможность получения грантовой поддержки становится особенно значимым фактором при образовании новых ТОСов. Из 19 ТОСов, образовавшихся в период 2018–2024 гг., только два не получили никаких грантов, в то время как 17 получили грант в первые два года своего существования. Таким образом, можно утверждать, что администрация использует возможность получения грантов как стимул, заставляющий сообщества принимать решения о самоорганизации в ТОС. Однако подобная практика не является специфически бердской и используется повсеместно в Новосибирской области.

Участие в описанном Конкурсе не является единственно возможным источником финансирования для ТОСов Бердска, но является самым доступным и удобным, этому способствуют сразу несколько факторов: он проводится на постоянной основе и является ежегодным, конкурс проводится только среди ТОСов, и они не соперничают с СОНКО (социально-ориентированными некоммерческими организациями; это конкурс муниципального уровня и проводиться только среди ТОСов г. Бердска).

Также существуют и другие конкурсы, в которых бердские ТОСы принимают участие.

Потенциально существует возможность участия в конкурсах регионального и даже федерального уровня. Но на практике даже те ТОСы, которые ориентированы на постоянное получение грантов, предпочитают получать их по привычным, отлаженным каналам. Изучение новых правил и нюансов участия представляется им слишком затратным с точки зрения времени и вложенных усилий.

Исследованные нами ТОСы являются одними из наиболее активных и используют все доступные каналы для получения финансовой или любой иной поддержки. При этом не все подаваемые ими заявки оказываются одобренными.

Кроме грантов существуют и другие каналы, по которым бердские ТОСы получают финансовую поддержку для осуществления своей деятельности. Это помощь бизнеса, депутатов и различные программы, которые финансируются политическими партиями.

[9] Таблица 4 составлена автором на основе данных, предоставленных администрацией и опубликованных в СМИ.

[10] В 2022–2024 гг. общая сумма, выделяемая по Конкурсу, составляла 2120–2500 тыс. руб. в год.

Помощь бизнеса не фиксируется никакой отчетностью и имеет преимущественно неформальный характер. Информацию о ней мы можем получить только из данных интервью. Председатели обращаются за помощью к бизнесменам, которые сами являются членами их ТОСов. Это скорее «спонсорская» помощь, которая носит незначительный характер. Как правило, все ограничивается небольшими суммами для покупки сладких подарков детям.

По признанию экспертов, без грантовой поддержки уделом ТОСов в основном оказывается «проведение культмассовых мероприятий», которые по силам организовать самим жителям: проведение праздников, конкурсов, организация сбора денег для подарков и поощрительных призов. Как правило, они направлены на привлечение детей или семей с детьми. Причем такие праздники стараются сделать традиционными и сезонными, проводя их четыре раза в год. В ТОСах частного сектора существует практика проведения конкурсов по украшению домов и территории дворов. Подобные практики не требуют значительных финансовых вложений, но имеют очевидный эффект объединения местных сообществ, что отмечают все наши эксперты.

Основные участники процесса: председатели, актив ТОСов и администрация

Мы можем определить ТОС как сообщество людей, которые, проживая на определенной территории, объединились для решения проблем местного значения и выбрали лидера-председателя для представления своих интересов. Принципиальным в данном случае является формальный характер такого объединения, что позволяет обеспечить долгосрочный характер установившихся связей и сформированных структур, а также дает возможность представлять интересы сообщества в органах власти.

Однако в реальности институт ТОС появляется не там, где есть активное сообщество, а там, где есть отдельные лидеры, готовые действовать при молчаливом и зачастую достаточно пассивном одобрении большинства. В пользу утверждения о достаточно низкой активности сообществ говорит наиболее часто используемый способ сбора голосов для утверждения устава ТОС. В соответствии с Положением о территориальном общественном самоуправлении в г. Бердске такие вопросы, как процесс учреждения ТОС, изменения его границ, переизбрание председателя, предполагают проведение собраний или конференций граждан. Сбор голосов по ключевым вопросам может осуществляться как в очной, так и в заочной форме (путем опроса). Во всех изученных нами кейсах сбор голосов проходил путем поквартирного и подомового обхода, поскольку собрать население не представляется возможным. Председатели сами приходили к жителям, объясняя, что и зачем они собираются делать.

Таким образом, уровень активности рядового населения можно считать достаточно низким. Жители предпочитают включаться в деятельность ТОС, когда видят, что это уже привело к положительным результатам, когда ясно какие ресурсы есть и на что их хватает, и когда фронт работ очерчен и понятен. Но чтобы сама такая ситуация состоялась, в сообществе должен быть человек, который предварительно все организует.

Именно поэтому мы хотим подчеркнуть (и наше исследование это показало), что формирование ТОСа зависит от наличия местного лидера, который готов взять на себя труд и ответственность и по структурированию местного сообщества, и его постепенному

сплочению, и по представлению его интересов перед органами власти, и по решению конкретных проблем местного значения, и реализации проектов, и организации работ. Ситуация, когда требуется лидер, связана не только с представительством в органах власти, но и с привлечением для участия бизнес-структур, равно как и решением любых вопросов, связанных с коммунально-бытовой сферой и обращением в управляющие компании и структуры ЖКХ.

В Бердске в 53 % ТОСах председателями являются женщины, в 39 % – мужчины. В четырех ТОСах председателей на данный момент нет. Более 60 % из них старше 60 лет. Как отметил один из экспертов, этой деятельностью занимаются те, у кого в силу возраста появляется свободное время.

Часто сфера их профессиональной деятельности была связана с управлением и решением организационных вопросов. Кроме этого, председателями ТОС становятся те, кто уже имеет опыт решения коммунально-бытовых проблем. В МКД почти все председатели одновременно являются и старшими по дому. А их помощниками, составляющими актив ТОСов, в большинстве случаев также выступают старшие по дому (в том случае, если речь идет о нескольких МКД, объединенных в один ТОС), либо старшие по подъездам.

Прежде чем стать председателем, у этих людей уже присутствует опыт организационной работы и решения коммунальных проблем за счет сотрудничества с властями, с управляющими компаниями и другими представителями сферы ЖКХ, а также опыт использования различных государственных инструментов (таких как программа «Комфортная городская среда»). Они знают, что помощь государства вполне реально получить и готовы прикладывать к этому усилия. Наличие опыта позволяет им оценить свои силы и свои возможности в качестве председателя ТОС. Как правило, такое решение не принимается спонтанно. Человек долго присматривается, обдумывает, смотрит на кого в сообществе он может опереться, насколько эффективно можно взаимодействовать с администрацией.

Таким образом, деятельность в ТОСе для председателей – это одновременно продолжение следования привычной жизненной стратегии и принципам, а также расширение сферы их деятельности в качестве старших по дому. Эта деятельность расширяется на удобный и понятный им ареал обитания. Как правило, двор или квартал. И именно с этим в значительной степени связан масштаб существующих в Бердске ТОСов[11], и та территория, на которой они формируются: «моя» территория и «чужая», до которой мне нет дела.

Действующие председатели ТОС меняются крайне редко. В тех ТОСах, где председатель по каким-то причинам сложил с себя полномочия, на много лет сохраняется ситуация, когда новый председатель не избирается из-за отсутствия желающих. В этом случае ТОС формально не расформировывается, но его деятельность фактически прекращается.

[11] В данном случае мы имеем в виду те ТОСы, которые сформировались после 2018 г., т. е. на этапе максимально ТОСо-ориентированной политики. Финансовая поддержка и изменение правового поля, по нашему мнению, создают возможности не для искусственных, а для естественных процессов самоорганизации населения и позволяют им формироваться в том виде, который оказывается максимально жизнеспособен в существующих условиях. Как следствие, мы наблюдаем объединение жителей домов вокруг общего двора в районах с многоэтажной застройкой и тенденции к увеличению территории мелких ТОСов в частном секторе.

Отсутствует лидер, чтобы сплотить сообщество и представлять его интересы в различных инстанциях. Отсутствие лидеров в сообществе порождает и проблему подбора и воспитания преемника, которая является крайне актуальной для всех председателей, с которыми мы беседовали.

Вокруг председателя формируется группа энтузиастов, которые постоянно вместе с ним принимают непосредственное участие в решении проблем. В Бердске актив ТОСа, помимо председателя, составляет от одного-двух до пяти-шести человек. Численность определяется особенностями проживания сообщества. Если речь идет о нескольких МКД, входящих в один ТОС, то в актив будут входить (как минимум) представители от каждого дома. В ТОСе, состоящем из одного МКД, соберется актив, представляющий его различные подъезды; в частном секторе активистами будут люди, проживающие на разных улицах, т. е. ядро актива ТОС формируется таким образом, что его члены представляют различные группы жильцов и различные территории. Кроме этого, за активистами, как правило, закрепляются определенный круг обязанностей, связанных с теми навыками, которыми они обладают. Один отвечает за организацию праздников, другой – за составление бухгалтерской отчетности и смет, третий хорошо ладит с современной техникой, а четвертый прекрасно разбирается в озеленении.

Кроме этого, вокруг актива рано или поздно формируется еще одна группа, которую можно назвать «вторым кругом» или «запасным составом». Это люди, которые не принимают участия в делах ТОС постоянно, но в случае проведения каких-то работ или мероприятий берут на себя выполнение отдельных функций. Часто их включение в деятельность ТОС происходит через первичное сопротивление и даже прямой отказ, но как показывает практика, именно эти люди, присматриваясь к работе председателя, взаимодействуя с ним, постепенно оказываются незаменимыми и наиболее активными членами местного сообщества.

На председателя возложена самая энерго- и время-затратная функция: коммуникация со всеми членами сообщества – и с активистами, и с обычными жителями. Председатель буквально агитирует жителей к участию в какой-либо деятельности, обращается с разъяснениями или просьбами и заряжает их своей уверенностью и энергией. По сути дела, он создает новые связи, а точнее – укрепляет старые связи между членами сообщества, которые до этого были ослаблены и почти не видны (люди не здоровались, не интересовались друг другом, не отмечали вместе праздники). Общение с председателем интенсифицирует эти каналы взаимодействия, обеспечивает их информацией и темами для обсуждения, которые затем постепенно превращаются в совместные действия. Именно через фигуру председателя жители постепенно преобразуются в сообщество, представляющее собой единый социальный организм, тесно связанный с территорий проживания. Эффект сплочения сообщества в результате деятельности ТОС подчеркнули все наши эксперты. Но, по нашему мнению, это сплочение оказывается результатом действия одного человека, включенного в существующий и функционирующий институциональный механизм, и осознание этого является принципиально важным для понимания принципов действия института ТОС и процессов, происходящих на уровне сублокальных сообществ.

Как правило, активисты не принимают единоличных решений, а помогают председателю в реализации его планов. На председателя, с одной стороны, ложится основная нагрузка, а с другой – он обладает значительной свободой в том, какие идеи

по благоустройству реализовать и как это сделать. Деятельность всех исследованных нами ТОСов, все проекты, на которые они получают финансирование, по сути дела, представляют собой воплощение того, как видят проблемы местного сообщества их лидеры-председатели.

Поскольку активность председателей ТОСов является частью их жизненной позиции, она не ограничивается деятельностью в рамках своего сообщества. Эта категория людей обладает повышенной социальной и политической активностью. Они приглашаются для участия в общегородских мероприятиях, участвуют в деятельности общественных организаций. С 2014 г. в Бердске работает Городская общественная организация «Совет председателей территориальных общественных самоуправлений города Бердска», основными задачами которой являются объединение ТОСов г. Бердска и сопровождение их деятельности. Часть председателей Бердска являются членами Бердской городской Общественной палаты.

В Бердске нет системы постоянных финансовых поощрений председателей и активистов ТОСов. Их работа никак не оплачивается и носит полностью добровольный и бескорыстный характер. Поощрение имеет преимущественно моральный и символический характер. Также отметим, что ежегодно администрацией Бердска проводится конкурс на присуждение городской премии общественного признания «Благодарим!», номинантами и лауреатами которой часто становятся председатели и активисты ТОСов.

Наконец, именно председатели от лица своих ТОСов осуществляют основные контакты с администрацией.

Местная власть является непосредственным и важным участником процессов развития ТОСов. В администрации Бердска за взаимодействия с ТОСами отвечает отдел общественных связей. В целом ряде муниципальных образований Новосибирской области существуют ресурсные центры, специальные организации, оказывающие поддержку различным инициативным группам граждан и НКО, в том числе ТОСам. Но в Бердске такой структуры не сформировалось, точнее, существующий ресурсный центр не занимается работой с ТОСами. Это одна из специфических черт бердской ситуации.

Администрация оказывает ТОСам информационную, консультационную, образовательную, организационную и любую иную поддержку. Часто такое общение имеет неформальный и постоянный характер, созданы специальные группы в мессенджерах, в которых представители власти и общественности обсуждают текущие вопросы. Проводятся неформальные встречи и обсуждения с инициативными группами граждан. Формальные встречи также имеют место, на целый ряд мероприятий члены ТОСов приглашаются в обязательном порядке.

Администрация проводит Конкурс грантов, который мы описывали выше, и принимает решения о поддержке или отклонении заявок. В состав комиссии, ответственной за вынесение вердиктов, входят, кроме представителей администрации, главы коммунальных служб Бердска и специализированных организаций.

Выше мы уже отмечали, что распределение грантов в Бердске отличается от среднего по области. Здесь явно преобладают проекты, связанные с решение конкретных коммунальных проблем. Очевидно, что решения комиссии связаны не только с соответствием проектов формальным и правовым условиям, но и с представлениями членов комиссии об их целесообразности (например, в свое время не были поддержаны проекты по благоустройству территорий ТОСов, сформированных в домах, планируемых под снос), социальной значимости и первоочередности в решении проблем.

На данный момент в администрации отсутствует централизованная информация об активе ТОСов, о ее возрастных, профессиональных, социальных параметрах, а также о любой деятельности ТОСов, за исключением грантовой. Отметим, что сбор такой информации не встречает поддержки и со стороны самих ТОСов, которые воспринимают ее как излишнюю нагрузку.

На наш взгляд, подобная ситуация во многом является специфической чертой не отдельного муниципального образовании, а скорее времени и этапа развития. На данный момент власти Бердска больше ориентированы на решение конкретных проблем: организацию ТОСов и вовлечения местных сообществ в деятельность по решению проблем местного значения путем такой организации. Задача сбора и анализа статистической информации в таких условиях оказывается вторичной.

Администрация, так же, как и ТОСы, находится в достаточно новых для себя условиях, учась взаимодействовать с населением в условиях новой институциональной и правовой среды. Им приходится осваивать новые механизмы. Например, в 2024 г. был впервые проведен конкурс на участие групп граждан в инициативном бюджетировании, в котором принял участие ТОС.

В ходе взаимодействия администрация приобретает опыт, учится доверять ТОСам. Это ведет к постепенному изменению стиля управления и принципам принимаемых решений, которые из единоличных в некоторых вопросах начинают становиться коллегиальными.

Важную и активную роль и в образовании, и в развитии ТОСов играют представители местного депутатского корпуса. Уникальность бердской ситуации связана также с тем, что председатель местного Совета депутатов сам является председателем ТОСа. Это предопределяет значимость института ТОС для местной администрации, а сами ТОСы в какой-то степени обеспечиваются гарантированным административным ресурсом.

Как правило, над ТОСами берет шефство тот депутат, на территории избирательного округа которого этот ТОС организован. На данный момент, как мы уже указывали, ТОСы существуют в 15 из 27 избирательных округов.

Часто именно совет депутата и обещание помощи подталкивают лидеров сообщества к решению создать ТОС. Депутатами в данном случае движет двойная мотивация. С одной стороны, они понимают, что институт ТОС является общественно полезным, с другой стороны, помогая населению в решении проблем, они создают социальную базу, на которую сами могут опереться в своей политической и общественной деятельности. Связи председателей ТОСов со «своим» депутатом носят личный и неформальный характер, к нему можно обратиться за конкретной помощью, советом, обсудить перспективы новых начинаний.

Кроме администрации и депутатов, председатели ТОСов активно взаимодействуют с управляющими компаниями, организациями сферы ЖКХ, специалистами отдела культуры и отдела по делам молодежи.

В целом, ТОСы Бердска сегодня являются для администрации ценным ресурсом и незаменимым партнером в сфере социальной и коммунальной инфраструктуры. Активисты ТОСов более ориентированы политически и социально ответственнее, они воспринимаются властью как опора и активно привлекаются к участию в различных мероприятиях.

Администрация для ТОСов также имеет большое значение, выступая каналом связи, через который обеспечивается доступ к финансовым и административным ресурсам.

При этом, на наш взгляд, существует перекос в том, что представители власти оказываются больше сосредоточены не на работе со всем населением, а преимущественно на взаимодействии с активом ТОСов. Но это не специфическая черта бердской ситуации, а характерная особенность современного этапа развития данного института, которая прослеживается в различных типах муниципалитетов, а также на региональном и федеральном уровнях, в дискурсе официальных документов.

Выводы

Наше исследование показало, что поддержка института ТОС, осуществляемая государством, способствует тому, что происходит увеличение числа ТОСов. Создание ТОСов в рамках единого местного сообщества означает, что внутри него начинают формироваться группы жителей, объединенных общей территорией проживания, квартала, улицы, дома, двора, т. е. институт ТОСов способствует выделению и формированию сублокальных сообществ. Благодаря их самоорганизации, в городском сообществе появляются новые структурные элементы, выполняющие множество функций от решения проблем благоустройства территории до повышения сплоченности сообществ.

Кроме того, происходит структурирование самих сублокальных сообществ, в которых выделяются группы инициативных членов в лице председателей и актива. Именно председатели ТОСов оказываются тем ядром, которое позволяет этому институту сформироваться и эффективно функционировать. На современном этапе развития ТОСов речь идет не только и не столько о сегментировании местных сублокальных сообществ, сколько о выделении той прослойки общества, которая способна организовать сообщества на местах и готова взять на себя ответственность за этот процесс.

Результатом деятельности актива ТОСов и в первую очередь председателей оказывается постепенное вовлечение населения и увеличение сплоченности сообществ.

Значимым фактором развития института ТОС оказываются действия местной администрации, которая выступает проводником государственной воли и обеспечивает доступ к финансовым ресурсам в виде государственных грантов. Получение грантов позволяет решить наиболее важные проблемы сублокальных сообществ.

Приведенные выше выводы, на наш взгляд, правомерны для муниципальных образований различного типа и в различных регионах современной России. Мы надеемся проверить данную гипотезу в ходе наших дальнейших исследований.

Кроме этого, наше исследование позволило определить черты, являющиеся специфическими именно для Бердска, как отдельного муниципального образования и населенного пункта.

ТОСы в Бердске являются результатом инициативы жителей снизу. Но возможность получения грантовой поддержки, так же, как и помощь администрации, на каждом этапе выступает значимым фактором развития этого института. В Бердске доля населения, объединенного в ТОСы, пока не превышает 10 %. Из 49 сформированных ТОСов не более трети ведут активную деятельность.

В Бердске в ТОСы самоорганизуются относительно небольшие группы населения от нескольких десятков до нескольких сотен жителей, и происходит это и в частном секторе, и в многоквартирных домах. Существует тенденция к укрупнению изначально мелких ТОСов и к созданию ТОСов, состоящих из нескольких домов (если речь идет об МКД), объединенных территорией общего пользования (двором с парковкой и детской площадкой). Потенциал ТОСов в Бердске связан с тем, что в последние годы наметился тренд на создание ТОСов в многоквартирных домах, в которых, как правило, уже существует институт старших по дому и подъезду. Именно они становятся активом при образовании этого института.

Специфику Бердска составляют достаточно плотные связи, связывающие ТОСы с местной властью. Данный институт имеет административный ресурс в лице депутатов, помощью которых активно пользуется. Администрация Бердска, являющаяся основным оператором во взаимодействиях с ТОСами, ориентирована на решение конкретных проблем сублокальных сообществ, что проявляется в поддержке грантов определенного типа.

Благодарность

Автор выражает благодарность Администрации г. Бердска и лично начальнику Отдела общественных связей С. С. Кичайкиной, председателю Совета депутатов В. А. Голубеву, а также представителям общественности за оказанную помощь в организации и проведении исследования.

Список литературы / References

Березутский, Ю. В., Митрофанов, Д. В. (2023). Территориальное общественное самоуправление как инструмент вовлечения населения в решение вопросов местного значения (на примере г. Хабаровска). *Власть и управление на Востоке России*. № 4 (105). С. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150.

Berezutskiy, Yu. V, Mitrofanov, D. V. (2023). Territorial Public Self-Government as a Tool for Involving the Population in Solving Issues of Local Importance (on the example of Khabarovsk). *The Power and Administration in the East of Russia*. No. 4 (105). Pp. 138-150. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-105-4-138-150. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2022). Формы осуществления местного самоуправления и динамика их развития на разных этапах муниципальной реформы. *Сибирский философский журнал*. Т. 20. № 3. С. 73-88. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88.

Zazulina, M. R. (2022). Forms of Implementation of Local Self-Government and Dynamics of heir Development at Different Stages of Municipal Reform. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 20. No. 3. Pp. 73-88. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2024а). Местные сообщества в условиях сопроизводства общественных благ (на примере деятельности ТОС Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 86-100. DOI 10.47850/RL.2024.5.4.86-100.

Zazulina, M. R. (2024a). Local Communities in the Context of Co-Production of Public Goods (Using the Example of TPSG Activities in the Novosibirsk Region). *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 86-100. DOI 10.47850/RL.2024.5.4.86-100. (In Russ.)

Зазулина, М. Р. (2024б). Территориальное общественное самоуправление в контексте стратегии государственной политики: опыт Новосибирской области. *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. Т. 13. № 9(62). С. 1752-1759. DOI: 10.35775/PSI.2024.62.9.003.

Zazulina, M. R. (2024b). Features of the Formation of Territorial Public Self-Government in Urban Districts (on the Example of the Novosibirsk Region). *The Eurasian Union: Issues of International Relations*. Vol. 13. No. 9 (62). Pp. 1752-1759. DOI 10.35775/PSI.2024.62.9.003. (In Russ.)

Казакова, А. (2016). Источники «мы-чувства» в самоорганизации локальных сообществ. *Самоуправление*. № 1 (95). С. 11-13.

Kazakova, A. (2016). Sources of the “We-Feeling” in the Self-Organisation of Local Communities. *Self-Government*. No. 1(95). Pp. 11-13. (In Russ.)

Крюкова, Т. А., Сологуб, К. В. (2021). Территориальное общественное самоуправление (ТОС) как форма развития общественной активности жителей города Иркутска. *Цивилизационные сдвиги в развитии современного города*: сборник научных трудов. Науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: Иркутский гос. ун-т. С. 252-259.

Kryukova, T. A., Sologub, K. V. (2021). Territorial Public Self-Government (TPSG) as a Form of Development of Social Activity of Irkutsk Residents. In Grabelnykh, T. I. (ed.). *Civilizational Shifts in the Development of a Modern City*. A Collection of Scientific Papers. Irkutsk. Pp. 252-259. (In Russ.)

Новокрещенов, А. В. (2020). Развитие городской территории и территориальное общественное самоуправление. *Власть и управление на Востоке России*. № 3 (92). С. 153-160. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-153-160.

Novokreshhenov, A. V. (2020). Urban Territory Development and the Territorial Public Self-Government. *Power and Administration in the East of Russia*. No. 3 (92). Pp. 153-160. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-92-3-153-160 (In Russ.)

Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.

Nort, D. (1997). *Institutions, Institutional Changes and Economic Performance*. Moscow. (In Russ.)

Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп*. М.

Olson, M. (1995). *Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups*. Moscow. (In Russ.)

Шагалов, И. Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России. *ЭКО*. № 4 (538). С. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172.

Shagalov, I. L. (2019). The Effects of Co-production of the Social Infrastructure in Russia. *ECO*. No. 4 (538). Pp. 153-172. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-4-153-172. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0001-8984-1129

*Статья поступила в редакцию:*10.02.2025
После доработки: 15.03.2025
Принята к публикации: 25.03.2025

Zazulina Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: zamashka@yandex.ru, http://orcid.org/0000-0001-8984-1129

The paper was submitted: 10.02.2025
Received after reworking: 15.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

УДК 316.34

РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В МАЛОМ ГОРОДЕ И В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

И. И. Подойницына
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)
irena_ivan@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ теоретико-методологических подходов к изучению предпринимательства, места и роли предпринимателей в социальной структуре города и села. Теоретические выводы относительно подходов верифицируются в процессе проведения социологических исследований, в частности, экспертного интервью и анкетирования. Автором было проведено 30 экспертных интервью и опрошено 100 респондентов в г. Алдан и в селах Бердигестях, Магарас, Дикимдя Республики Саха (Якутия). В ходе опросов применены методики выявления семантического ядра в тексте, составления рейтинга экспертов, группировки ответов респондентов, сравнительный анализ. На основании результатов исследования автор приходит к выводу, что малый и средний бизнес развивается достаточно успешно в небольших городах и в сельской местности Республики Саха (Якутия). Отмечена существенная разница в суждениях экспертов и рядовых граждан социума, которые дают завышенные оценки качеству жизни в своих населенных пунктах, их оценки перспектив развития бизнеса более поверхностны и утилитарны, нежели суждения экспертов.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, Республика Саха (Якутия), малый город, село, успешные направления бизнеса, основные проблемы бизнеса, перспективы развития бизнеса, семантическое ядро, рейтинг эксперта.

Для цитирования: Подойницына, И. И. (2025). Развитие малого и среднего бизнеса в малом городе и в сельской местности (на примере Республики Саха (Якутия)). *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 62-75. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.62-75

DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES IN SMALL TOWNS AND RURAL AREAS (CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

I. I. Podoynitsyna
Institute of Humanitarian Research
and Problems of Small Indigenous Peoples of the North SB RAS (Yakutsk)
irena_ivan@mail.ru

Abstract. This article analyzes the theoretical and methodological approaches to studying entrepreneurship, as well as the place and role of entrepreneurs in the social structure of towns and villages. The theoretical theses are verified through sociological research, particularly expert interviews and surveys. The author conducted 30 expert interviews and surveyed 100 respondents in the city of Aldan and in the villages of Berdigestyah, Magaras, and Dikimdy (Republic of Sakha (Yakutia). Methods used include identifying the semantic core in the text, calculating expert ratings, determining percentage distributions of respondents' answers, and comparative analysis. The author concludes that small and medium enterprises are developing quite successfully in both small towns and rural areas of the Republic of Sakha (Yakutia). A significant difference is noted between the opinions of experts and ordinary citizens. Ordinary citizens tend to give inflated assessments of their quality of life in their communities, while their evaluations of business development prospects are more superficial and utilitarian compared to those of the experts.

Keywords: small and medium-sized businesses, Republic of Sakha (Yakutia), small town, village, successful business lines, main business problems, business development prospects, semantic core, expert rating.

For citation: Podoynitsyna, I. I. (2025). Development of Small and Medium Enterprises in Small Towns and Rural Areas (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 62-75. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.62-75

Введение

В 90-х гг. XX в. в развитии социологии предпринимательства в России начинается новый этап, поскольку тема предпринимательства в постперестроечный период становится одной из ключевых. Социологов интересовало: каковы источники и каналы формирования страты предпринимателей, ее характеристики, отношение бизнесменов к экономическим реформам, политике [Безгодов, 1999]. За тридцать пять лет существования постсоциалистической России, в результате многочисленных социально-экономических реформ страта предпринимателей существенным образом изменилась в качественно-количественном плане, исследователи стали называть ее социально-экономическим классом. И если вначале предпринимательство чаще рассматривалось в разрезе больших городов и мегаполисов, где имелись все необходимые инфраструктуры для его развития, то сегодня, на наш взгляд, можно рассуждать о всестороннем развитии предпринимательства в малом городе и в сельской местности.

Обзор научной литературы

Одной из первых написала о появлении экономического класса предпринимателей в российском социуме Р. В. Рывкина, этому ученому также принадлежит первое экспертное интервью по поводу формирования среднего класса в России. Р. В. Рывкина отметила, что экономическая иерархия в новой России «складывается в условиях реформирования экономики, и хотя власть “душит” нарождающиеся классы налогами, однако ... практические шаги правительства на создание этого курса создают благоприятные условия для разгосударствления собственности …» [Рывкина, 1994]. Цитируемый ученый подчеркивает, что с поправкой на «российский капитализм» можно выделить собственников разного ранга: это – «новые русские», «миллионеры», «теневой» бизнес, малый и средний бизнес и др. На вопрос «Из кого может сформироваться в России средний класс?» 200 экспертов ВЦИОМ ответили: из мелких и средних предпринимателей, мелких торговцев – 59 %; из ИТР и специалистов – 39 %; из рабочих и колхозников – 30 % и др. [Рывкина, 1993].

Т. И. Заславская декларировала, что «при благоприятных условиях предпринимательство может стать социальной силой, активно способствующей либерально-демократическим преобразованиям экономики, формированию в России открытого общества» [Заславская, 1994, с. 7]. Собственников частного капитала, лично руководящих своим предприятием, предлагалось рассматривать в качестве «эталонной» группы. «Лица, занятые мельчайшим бизнесом, отличаются от “эталонной” предпринимательской группы не социальным типом, а масштабом деятельности» [Там же, с. 8].

О предпринимателях писали такие социологи, как М. О. Шкаратан, В. Г. Смольков, В. В. Радаев, В. Х. Беленький, А. А. Возьмитель, М. П. Козлов, Л. Д. Нельсон, Л. В. Бабаева, Р. О. Бабаев, О. А. Чепак, Ю. Ю. Лыгденова и др. Вышеперечисленные исследователи внесли, на взгляд автора, наибольший вклад в развитие социологии предпринимательства. В Республике Саха (Якутия) первыми о бизнес-страте стали рассуждать якутские социологи С. В. Абрамова, А. Б. Ефимова.

Российские социологи в 90-х гг. XX в. приходят к выводу, что становление и развитие предпринимательства было обусловлено объективной необходимостью перехода к рыночной экономике, наибольшее число индивидуальных предпринимателей зарегистрировано в промышленных районах страны, в мегаполисах, столицах. В больших городах предприниматели заняты в торговле, пищевой, легкой, лесной промышленности, в строительстве и на транспорте. Немаловажна роль предпринимателей в инвестиционной деятельности. Так, к примеру, в Республике Бурятия в общем объеме инвестиций, осуществляемых предпринимателями, наибольшая доля приходится на торговлю и транспортные перевозки. В целом вклад индивидуальных предпринимателей в валовый региональный продукт значителен [Абзаев и др., 2006, с. 153]. Истинно «женскими» отраслями предпринимательства называются: розничная торговля, общепит, наука, культура, здравоохранение, в них доля женщин-руководителей значительно больше, чем мужчин [Лыгденова, 2006].

В нулевые годы в научном поле появились работы, раскрывающие закрепление предпринимательской страты в российском селе. Так, О. А. Чепак констатирует: «… в селе наибольшее распространение получила предпринимательская деятельность в сферах: торговля, посредническая деятельность, транспорт, строительство. Преобладание тех или иных частных предприятий обусловлено социальным заказом общества, потребностями сельского населения» [Чепак, 2006, с. 23]. Фермеры и владельцы личных подсобных хозяйств постепенно наращивают производство сельскохозяйственной продукции.

Исследователи из Азово-Черноморского инженерного института В. Н. Курочкин и Л. А. Хронюк на основе изучения генезиса сельского предпринимательства уточняют само содержание понятия. На взгляд исследователей, сельским предпринимателем может считаться только то лицо, которое использует научные достижения в аграрном секторе экономики [Курочкин, Хронюк, 2024]. Предпринимательская деятельность предполагает инновационность, креативность и риск. Но хотелось бы добавить, что есть большая разница в занятиях в аграрном секторе на юге и на севере страны.

Особняком в ряду научных мнений в начале XXI в. стояли мнения якутских исследователей, так как несли в себе по большей части негативные трактовки развития предпринимательства на селе. О. Д. Романова, К. Д. Барашкова так описывали ситуацию в якутских селах: «В селах сохраняется патриархальный традиционный образ жизни, в котором пока нет места развитию предпринимательства, новых форм хозяйствования. Если в малонаселенном селе открыты и работают обычно 1–2 торговые точки, трудоспособное население ничего не производит кроме мясо-молочных продуктов, и то их всегда сбывает себе в убыток …» [Романова, Барашкова, 2006, с. 18-19]. О. Д. Романова, К. Д. Барашкова считали развитие предпринимательства в якутском селе не перспективным из-за бедности населения: наблюдается большой разброс процента малоимущих в деревне – «от 4 % в крупных селах до 89 % в малонаселенных деревнях» [Там же].

В междисциплинарном исследовании якутских исследователей «Первые шаги фермерства в Республике Саха (Якутия)», предпринятого на рубеже веков, прослеживается мысль о том, что фермерское движение в Якутии, начав свой путь с 1990-х гг., вступило в длительный период стагнации; многие считают, что фермерство на Крайнем Севере развивать не выгодно. 66,1 % якутских фермеров твердо считают себя крестьянами, «советскими фермерами», ориентированными на работу без перегрузок, невысокий уровень жизни и зарплаты, зависимость от госструктур и др. [Абрамова, 2000, с. 114-115].

М. К. Горшков, анализируя российское общество за 20 лет реформ постперестроечного времени, приходит к выводу, что в России продолжается процесс становления среднего класса, который уже выполняет многие ключевые функции – трансляцию инновационных практик, воспроизводство квалифицированной рабочей силы и др. Половина представителей среднего класса (51 %) заняты на госпредприятиях, еще более трети – на приватизированных или вновь созданных частных предприятиях [Горшков, 2011].

Многочисленные мониторинги, которые проводились в Республике Саха (Якутия) в первые десятилетия XXI в., подтверждают, что, с одной стороны, класс предпринимателей в Республике Саха (Якутия) уже сложился, с другой стороны, качественно-количественные характеристики класса постоянно меняются. От 35 до 45 % населения в пяти основных экономических зонах республики готовы заняться бизнесом [Подойницына, 2019, с. 116-117]. Особенно активно развивается массовое предпринимательство. Социальный оптимизм – одно из главных качеств современного якутского предпринимательства. Только в среде бизнесменов число позитивных оценок реформ превалирует над негативным. Данный вывод подтверждает x^2критерий: x^2=26,3 и при степени свободы df=15 и уровне значимости α=0,034 больше критического x^2=17,3. Следовательно, содержательная гипотеза верна (а нулевая отвергается) – статусные позиции респондента значительно влияют на его оценку перемен в социуме [Подойницына, 2002, с. 45].

Глава Республики Саха (Якутия) А. С. Николаев отметил, что за последние 5 лет оборот малого и среднего предпринимательства увеличился до 345 млрд. руб.[1] Николаев подчеркнул, что одним из перспективных направлений бизнеса в Якутии является туризм. При этом глава республики сослался на мнение президента страны, который на Восточном экономическом форуме 2023 г., говоря о развитии туризма, отдельно выделил Якутию. В 2022 г., как заявил глава, РС (Я) признана самым креативным регионом по версии Russian Creative Awards. Республика входит в десятку лучших по экспорту услуг в сфере ИТ.

Основной целью данной статьи является изучение ситуации с развитием малого и среднего бизнеса в малом городе и в сельской местности на примере Республики Саха (Якутия), а также дается ответ на вопрос, какие направления бизнеса перспективно развивать в провинции, в малом городе и на селе, отдаленных от центра республики, и какие трудности предстоит преодолеть на этом пути.

[1] Айсен Николаев: За последние 5 лет оборот малого и среднего предпринимательства увеличился до 345 млрд рублей. (2023). [Электронный ресурс]. *Ulus Media.* 24 сент. URL: https://ulus.media/2023/09/24/ajsen-nikolaev-za-poslednie-5-let-oborot-malogo-srednego-predprinimatelstva-uvelichilsya-do-345-mlrd-rublej/ (дата обращения: 27.09.2024).

Методы

В ходе исследования была разработана анкета для проведения интервью с экспертами и анкета для рядовых граждан. Опрошено 30 экспертов и 100 респондентов в малом городе Алдане (20 тыс. жителей) и в селах Горного улуса Республики Саха (Якутия) (Бердигестях, Магарас, Дикимдя). Исследование было проведено в сентябре 2024 г.

Подбор экспертов для научно-исследовательского интервью осуществлялся по следующим критериям: стаж эксперта, накопленный опыт в той или иной сфере деятельности, занимаемая должность, наличие ведомственных наград; одним из главных показателей компетентности эксперта выступало умение прогнозировать развитие событий в своем населенном пункте.

В процессе обработки результатов экспертного интервью использовался метод выделения в тексте семантических ядер. Семантическое ядро представляет из себя упорядоченный набор слов, словосочетаний, характеризующих тот или иной вид деятельности. Часто применяется при анализе контента сайта, выделяются ключевые слова [Ушакова и др., 2010]. Сформировав семантическое ядро из часто повторяемых участниками интервьюирования суждений, мы отделяем главное от второстепенного. Обобщения позволяют сформировать представления о четкой позиции экспертов по поводу определенных явлений.

Выполнено рейтингование экспертов на основе авторской методики шкалирования (по трем критериям – стаж, награды, прогнозирование). В спорных и сложных вопросах продуктивно ссылаться на мнения экспертов, имеющих высокий рейтинг.

Анализ результатов исследования

В г. Алдан в число экспертов вошли: глава города Алдан и его заместители; директора школ, библиотек, культурных центров; руководители и заместители руководителей промышленных предприятий; руководители бизнеса.

Отвечая на первый вопрос «Как вы оцениваете развитие бизнеса в вашем населенном пункте?», 70 % экспертов заявили о том, что в городе Алдан есть бизнес-инкубаторы, льготы для субъектов малого бизнеса, льготная аренда, снижение тарифов на коммунальные услуги и услуги связи, т. е. успехи бизнеса налицо.

1/3 экспертов отметила вовлеченность власти в решение проблем малого бизнеса. Эксперты дали такие ответы: «*В городе Алдан активно развивается поддержка малого бизнеса, что способствует экономическому росту региона. В последние годы наблюдается увеличение числа стартапов и малых предприятий …*».

Выделим из ответов 21 эксперта по г. Алдан следующие ключевые слова, которые можно поместить в семантическое ядро «успешное развитие бизнеса»: «бизнес-инкубаторы», «льготы для субъектов малого бизнеса», «льготная аренда», «вовлеченность власти в решение проблем малого бизнеса», «центры поддержки предпринимательства», «увеличение числа стартапов и малых предприятий», «обучение и финансовая поддержка начинающих предпринимателей», «получение грантов», «снижение тарифов на услуги».

Но были среди экспертов и такие, кто придерживается противоположного суждения. 30 % алданцев подчеркнули: от жителей не исходит инициатив по развитию того или иного вида бизнеса, большинство жителей города не слышало об открытии бизнес-инкубаторов.

«*Есть программы, но реальных дел не видим*», – отвечают эксперты. Также были такие ответы, как «*не отслеживаю изменения и выполнение в городе Алдан пунктов Указа Президент РФ от 07.05.2018 г. "Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы"*».

10 % экспертов отметили «*… очень слабую заинтересованность и вовлеченность молодежи в занятие бизнесом, они уезжают, отток среди выпускников школ и СПО высок*».

Выделим семантическое ядро «слабое развитие бизнеса», под него подпадают следующие ключевые слова: «нет инициативы», «нет поддержки», «не слышали про бизнес-инкубатор», «не выполняется Указ Президента РФ от 07.05. 2018 г.», «слабая вовлеченность молодежи в занятия бизнесом».

В ответе на данный вопрос наиболее популярное и часто используемое ключевое слово – «поддержка бизнеса», оно упоминается экспертами 26 раз. Учтем такой момент: эксперты подчеркивают как наличие поддержки бизнеса, так и требование усилить таковую в будущем. Большинство экспертов проявляли умеренный оптимизм. Однако мы видим, что семантическое ядро «успешное развитие бизнеса» наполнено 9 подтверждающими ключевыми выражениями, которые к тому же повторяются несколько раз. В то время как семантическое ядро «слабое развитие бизнеса» наполнено только 5 выражениями. На втором месте по числу упоминаний в тексте ключевые слова и выражения – «бизнес-инкубатор», «льготы», «гранты» (по 5–6 раз упоминаний).

Второй вопрос экспертного интервью «Какие виды бизнеса сегодня развиты в вашем населенном пункте?» Здесь прозвучали конкретные фамилии предпринимателей, были озвучены и достижения известных бизнесменов Алдана.

Выделим семантическое ядро «успешные направления бизнеса» и те ключевые слова, которые под него подпадают: фотография, розничная торговля, строительство жилых и нежилых помещений, гончарное дело, IT-предпринимательство, основные направления сервисного бизнеса – ремонт и обслуживание автомобилей, ремонт бытовой техники, медицинские услуги, образовательные услуги, услуги красоты и здоровья, транспорт, кафе и рестораны.

Как видим, в малом городе на юге Якутии бизнес достаточно разнообразен и разветвлен. Из креативных индустрий в Алдане развиты IT-предпринимательство, в частном кафе ШефБургер пищу разносит робот-официант, хорошо работает частная гончарная мастерская «Рыжик», в которой изготавливают дизайнерскую продукцию. Не стоит забывать и о том, что в Алдане развит такой уникальный вид бизнеса, как добыча золота частным подрядом по особой лицензии.

Среди экспертов были и такие, кто считает, что тот бизнес, который существует сегодня в Алдане, является «несерьезным», «неперспективным». Так, один из экспертов отметил: «*… все хотят быстрых денег в малом бизнесе, но нужно развивать сельское хозяйство и мелкое производство*». Существует мнение, что торговля и сервис – это вчерашний день предпринимательства.

Третий вопрос «Назовите основные проблемы малого бизнеса в вашем населенном пункте?» В континуум семантического ядра «основные проблемы бизнеса» вошли ключевые слова: неразбериха с налоговыми отчислениями, нехватка квалифицированных кадров, проблемы с финансированием, слабая заинтересованность молодежи в занятии бизнесом, трудность в заполнении документов, низкий шанс получить гранты.

Чаще всего эксперты называли такую трудность, как получение гранта на развитие той или иной предпринимательской инициативы (11 упоминаний), интервьюируемые говорили о «бюрократии», «бумажной волоките», «множестве отчетов и до, и после получения гранта». «*Легче самостоятельно взять кредит и открыть свой бизнес*», – заявила хозяйка гончарной мастерской.

Для интереса сравним, какие проблемы фиксировались у предпринимателей, к примеру, 20 лет тому назад. Российские исследователи назвали главными проблемами нарождающегося класса: высокий уровень налогообложения, недостаток финансовых средств, проблему с получением доступного кредита, малоэффективность государственной поддержки предпринимателей [Абзаев и др., 2006, с. 153-154]. Якутские исследователи, проведя анализ трудностей фермеров, выделили такие «подводные камни» бизнеса на селе в начале нулевых годов как: нехватка финансовых средств, высокие налоги, транспорт, недостаток спроса на выпускаемую продукцию [Ефимова, 2000, с. 87-88]. Как видим, за последние 20 лет ситуация с «излечиванием болезней» предпринимательства существенным образом не изменилась.

Четвертый вопрос «Есть ли будущее у малого бизнеса в вашем населенном пункте? Какие виды бизнеса являются перспективными?» Перспективы развития малого бизнеса в Алдане выглядят оптимистично благодаря наличию поддерживающих структур. В семантическое ядро «перспективные виды бизнеса» можем поместить следующие ключевые слова: сельское хозяйство, сервисный бизнес, туризм, шиномонтаж, креативные индустрии, досуг детей и подростков, дополнительное образование детей, обучение китайскому языку, блогеры, ютуберы, производство, коммерциализация клубов мастериц.

Анализ текста интервью продемонстрировал, что несомненным «чемпионом симпатий» экспертов в плане дальнейшего развития бизнеса в Алдане выступают креативные индустрии (16 упоминаний), с развитием которых связывается будущее развитие города и региона. На втором месте сельское хозяйство, выращивание фруктов и овощей – 6 упоминаний. На третьем – развитие туризма в районе (4 упоминания). Алдан – это якутский Клондайк, в нем немало интересных мест, связанных с добычей золота, есть шанс развить промышленный туризм. Необходимо развивать также горнолыжный туризм: хорошо известно, что в этом городе расположена школа Олимпийского резерва по лыжному спорту.

И в завершении анализа ответов экспертов обратимся к мнению эксперта с самым высоким рейтингом по совокупности экспертов (54 балла): «*Развитие малого бизнеса идет, нужна поддержка новых отраслей. Я согласна, что направления креативной отрасли для молодых специалистов очень важно, но нужно обучать и поддерживать молодежь. Нужны ассоциации и сообщества профессионалов для развития. Я за креативный кластер у нас в городе. Также сервисная экономика очень важна. Особенно для поддержки транспортной сферы надо сельское хозяйство развивать*».

В селах Бердигестях, Дикимдя, Магарас Горного улуса Республики Саха (Якутия) в число экспертов вошли: директора музеев, Центров досуга, библиотек; руководители частных фирм, предприниматели; учителя.

На первый вопрос «Как вы оцениваете развитие бизнеса в вашем населенном пункте?» были получены следующие ответы: «*бизнес в Горном улусе и в Дикимдя развивается мощно*»; «*энергия бизнесменов превращается в большие дела*»; «*в Магарасе все “сидят” в малом бизнесе. Наверное, больше нет в РС(Я) такого места как Магарас, где молодежь так хочет пробовать себя в бизнесе*».

Выделим семантическое ядро «успешное развитие бизнеса», в него вошли следующие ключевые высказывания: развивается мощно, все сидят в малом бизнесе, молодежь идет в бизнес, гранты на развитие бизнеса, бизнес на селе помолодел, «большие дела».

Семантическое ядро «слабое развитие бизнеса» оказывается почти не заполненным, оно представлено единственным высказыванием – «на селе бизнес не развивается из-за большого количества проблем».

Второй вопрос экспертного интервью «Какие виды бизнеса сегодня развиты в вашем населенном пункте?» Эксперты выделили развитые «зоны» бизнеса: 1) торговля, частные магазины; 2) 10 ленточных деревообрабатывающих пилорам; 3) частные кафе; 4) мини-фермы; 5) частные гостиницы. Особенно подчеркивались достоинства мини-фермы Яны Даниловой. Молодой предприниматель открыла мини-ферму в селе Бердигестях, причем бизнес-план она составила, будучи еще школьницей. Яна Данилова выиграла несколько грантов на развитие своего дела. У нее на ферме есть павлины, индюки и др., что достаточно редко для Крайнего Севера.

Третий вопрос «Назовите основные проблемы малого бизнеса в вашем населенном пункте?» В континуум семантического ядра «основные проблемы бизнеса» вошли следующие ключевые слова: много бюрократии, влияет стоимость кредита, стоимость бензина; да, бизнес развивается, но это торговля и мелкое производство, как в 90-х; в селах пока не понимают, что можно праздники проводить вне дома, есть вне дома, поэтому сфера услуг общепита развивается медленно; иногда в деле развития бизнеса мешает местный менталитет; нехватка кадров. Как видим, особой разницы в городских и сельских трудностях ведения бизнеса не просматривается.

Четвертый вопрос «Есть ли будущее у малого бизнеса в вашем населенном пункте? Какие виды бизнеса являются перспективными?» Несмотря на выделение некоторых недостатков, большинство отвечающих прогнозируют успешное развитие бизнеса в будущем. Выделим семантическое ядро «перспективные направления бизнеса» и те ключевые слова, которые под него подпадают: производство сувенирной продукции, общепит (в частности, молодежные кафе), туризм, деревообработка, лесоводство, прачечные и химчистки, модная индустрия. Прогнозируется успешное развитие на селе креативных индустрий в виде гончарных мастерских, мини-зоопарков; к креативным индустриям можно также отнести IT-центр, Центр дополнительного образования (с робототехникой), мастерские кутюрье Августины Филипповой, где изготавливается национальная одежда в стиле этномодерн.

Но встречаются и противоположные высказывания по поводу развития бизнеса на селе: «… *креативные индустрии в Горном улусе еще в начале пути, почти в эмбриональном состоянии»; «в Магарасе можно развивать модные индустрии, есть люди, которые хотят раскрутить свой бренд в швейном производстве, но пока все стоит на месте, дальше обсуждений дело не идет»; «село испытывает настоящий кадровый голод».* Стоит согласиться и с высказыванием одного из экспертов, что «*Якутск ждет, когда продукцию фермеров будут более активно продавать в городе, для чего и должно существовать сельское предпринимательство, но пока фермеров мало и работают они малопродуктивно*».

Можно предложить выделить и такое семантическое ядро как «сомнения в перспективности развития бизнеса» в Бердигестяхе, Дикимдя, Магарасе, сюда войдут такие высказывания: креативные индустрии в эмбриональном состоянии, дальше обсуждений дело не идет, кадровый голод, малопродуктивные фермеры. Как видим, позитивных, оптимистичных высказываний намного больше: 14 позитивных высказываний против 5 негативных, при этом перспективность такого вида бизнеса на селе, как деревообработка, подчеркивалась несколько раз.

Обратим также внимание на высказывание самого рейтингового эксперта в Бердигестяхе (53 балла). Вот ее мнение: «*Есть бизнес-инкубаторы, работает МФЦ, фонд поддержки предпринимательства РС(Я), развивается производство, продают продукцию фермеров в городе Якутске. Нужна поддержка в развитии местных предприятий, включая малый и средний бизнес, а также привлечение инвестиций в промышленные и сельскохозяйственные проекты*».

Эксперты Алдана и Бердигестяха (с прилегающими селами) оценили качество жизни в своих местах проживания на оценки «ниже среднего», «на среднем уровне». Ни один из экспертов не решился поставить качеству жизни высокую оценку. Эксперты, которые поставили качеству жизни самые низкие оценки (примерно 40 % выборов) мотивируют свое заключение такими аргументами: безработица, низкие заработки, отток молодежи из населенных пунктов, нехватка новых рабочих мест, слабая привлекательность для инвесторов. Для Бердигестяха характерно отсутствие крупных индустриальных партнеров. Для Алдана характерно недовольство местного населения тем, что лучшие места занятости достаются временщикам и вахтовикам.

В г. Алдан и в с. Бердигестях было также проведено анкетирование с целью выявить отношение рядовых граждан данных населенных пунктов к развитию бизнеса, а также оценить в целом качество жизни в поселениях. В пилотном опросе в Алдане приняли участие 42 респондента, 48 % из них составили мужчины, 52 % – женщины. Профессиональный статус опрошенных – работники сферы культуры, сферы образования, рабочие (дальнобойщики, повара, бурильщики, швеи), студенты СПО (Алданский Политтехникум), работники сферы обслуживания, пенсионеры. Пропорционально представлены респонденты всех возрастных групп (от 16 до 68 лет).

Алданцы получают достаточно высокие заработки – 150 тыс., 300 тыс., 400 тыс. и даже 800 тыс. рублей. В среднем размер ежемесячного дохода на одного члена семьи в Алдане равен 122 тыс. руб., медианное значение ежемесячного дохода составляет 47500 руб.

36 % ответивших алданцев ответили, что качество жизни в их городе можно назвать «высоким». Две трети алданцев считает, что высокое качество жизни в их населенном пункте достигается за счет занятий спортом, следования ЗОЖ. По 20 % алданцев выделили такие пункты как «качественная работа ЖКХ», «качественная работа школ», «благоустроенные общественные территории».

26 % подчеркнули, что бизнес в Алдане развивается интенсивно; о посредственном развитии бизнеса – ни шатко, ни валко – заявили еще 36 %. Каждый десятый ответивший уверен, что никакого бизнеса в Алдане нет. 48 % ответивших с энтузиазмом отмечают, что в Алдане нужно постоянно развивать новые виды бизнеса. 40 % респондентов понимают, что пропаганда бизнеса среди школьников и молодежи крайне необходима. 36 % считают налоговую неразбериху и проблемы финансирования главными проблемами местного

бизнеса. На вопрос «Какой вид бизнеса наиболее популярен сегодня в вашем населенном пункте?» подавляющее большинство выделили торговлю (14 упоминаний), продажу ягод и грибов, общепит (3–4 упоминания).

В Бердигестяхе в пилотном исследовании приняли участие 60 чел., из них мужчин – 48 %, женщин – 52 %. Профессиональный статус опрошенных – муниципальные служащие, специалисты сфер образования, медицины, сферы услуг, ЖКХ, пенсионеры, безработные. Основная масса опрошенных – от 30 до 60 лет. Размер ежемесячного дохода на одного члена семьи в Бердигестяхе равен примерно 32 тыс. руб. (но стоит учесть, что почти 83 % ответивших живут на кредиты).

53 % бердигестяхцев заявили, что в их населенном пункте наблюдается «высокое» качество жизни, еще 38 % селян назвали качество жизни «средним». Напомним, что среди экспертов с Горного улуса только один человек выразил мнение, что в его селе качество жизни «среднее». Остальные придерживались более критических оценок.

По мнению отвечающих, в Бердигестяхе высокое качество жизни достигается за счет следования ЗОЖ (53 %), а также благодаря качественной работе школ (20 %) и детских садов (20 %). Но при этом те же респонденты отмечают «удовлетворительное» качество дорог в улусе (55 %), еще 30 % называют дороги «плохими» и «очень плохими». Отвечающие подчеркивают, что существуют проблемы с занятостью населения в селах, уровень занятости нельзя трактовать как высокий (так считает 73 %). Как видим, по этому пункту мнение экспертов и рядовых граждан совпадает: с занятостью населения, материальным вознаграждением за труд в селах фиксируется немало проблем.

На вопрос «Какой вид малого бизнеса наиболее популярен в вашем населенном пункте?» ровно половина респондентов-бердигестяхцев воздержались от ответа, другая половина выделила услуги (20 % выборов), туризм (12 %) и торговлю (12 %). 65 % ответивших считают, что в Бердигестяхе и прилегающих селах бизнес развивается интенсивно. Среди сельских жителей гораздо больше оптимистов, нежели среди горожан. На вопрос «Необходимы ли изменения в сфере бизнеса?» 90 % заявили, что необходимо развивать систему льгот и выплат. Возможно, здесь сказывается менталитет малообеспеченных людей, привыкших к тому же к зависимости от государства. Вариант «развивать новые виды бизнеса», «проводить пропаганду малого бизнеса в Вашем регионе путем занятий со школьниками, студентами, молодежью» отметили один-два человека.

Заключение

Эксперты, опрошенные в г. Алдан и в селах Горного улуса, более информированы, критичны в оценках развития бизнеса, качества жизни в населенных пунктах, нежели рядовые граждане. Эксперты в г. Алдан проявили умеренный оптимизм, заявив, что бизнес в их городе развивается относительно успешно. Половина рядовых алданцев с энтузиазмом заявили, что в Алдане нужно постоянно развивать новые виды бизнеса, такие, как торговля, продажа ягод и грибов, общепит. Ответы рядовых граждан продемонстрировали, что они не владеют развернутой информацией о бизнесе, исходят из узко-бытовых интересов, но отдают себе отчет в том, что пропаганда малого бизнеса в школах, техникумах, на предприятиях может изменить ситуацию к лучшему.

Эксперты из сел Горного улуса отметили, что бизнес в селах развивается мощно, энергично, с большим ускорением. И самое главное – в бизнесе активное участие принимает молодежь, включая школьников. В то же время половина рядовых респондентов-бердигестяхцев затруднились с ответом, а другая половина выделила услуги, туризм и торговлю. Как видим, рядовые селяне также, как и рядовые горожане, в своих ответах исходят из узко утилитарных интересов и указывают те виды бизнеса, которые им более понятны и доступны.

Полагаясь на ответы экспертов, можно сделать итоговый вывод, что и в малом городе, и в сельской местности в третье десятилетие нулевых годов малый и средний бизнес развивается достаточно успешно, несмотря на наличие определенных трудностей, подчеркнутых экспертами: это – неразбериха с налоговыми отчислениями; нехватка квалифицированных кадров; проблемы с финансированием; слабая заинтересованность молодежи в занятии бизнесом; трудность в заполнении документов; низкий шанс получить гранты; иногда в деле развития бизнеса мешает местный менталитет. Особой разницы в городских и сельских трудностях ведения бизнеса не просматривается. Перспективы развития МСП в малом городе и в сельской местности в целом выглядят многообещающими, благодаря творческой поддержке со стороны местных властей и наличию инфраструктур для поддержки предпринимателей, что создает благоприятные условия для дальнейшего роста и диверсификации бизнеса. В г. Алдан эксперты прогнозируют развитие креативных индустрий, что соответствует общереспубликанским тенденциям, а также развитие сервисной экономики, туризма, дополнительного образования детей. Перспективными направлениями бизнеса в селах Горного улуса эксперты назвали производство сувенирной продукции, общепит, туризм, деревообработку, лесоводство, сельское хозяйство.

Учитывая, что были изучены типичный город и села в РС (Я) – г. Алдан и села Горного улуса, можно с определенной долей уверенности экстраполировать полученные выводы на ситуацию в других малых городах и селах республики в целом. Развитие малого и среднего предпринимательства в РС (Я) как приоритетное направление государственной политики является важнейшим ресурсом экономики, что обусловливает рост числа занятых в малом и среднем бизнесе Якутии, поддержку МСП всеми слоями населения.

Список литературы / References

Абзаев, П. Б., Ринчино, С. В., Цыбенов, Б. А. (2006). Индивидуальное предпринимательство Республики Бурятия. Социальная роль и вклад в экономику региона. *Социально-стратификационная дифференциация российского общества:* материалы междунар. науч. конф. (25-26 мая 2006 г.). В 2-х т. Т. 1. М.; Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 149-154.

Abzaev, P. B., Rin'chino, S. V., Tsybenov, B. A. (2006). Individual Entrepreneurship in the Republic of Buryatia. Social Role and Contribution to the Region's Economy. In *Social Stratification Differentiation of Russian Society.* Materials of the International Scientific Conference (25-26 May 2006). In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Ulan-Ude. Pp. 149-154. (In Russ.)

Абрамова, С. В. (2000). Классовая самоидентификация фермеров. *Первые шаги фермерства в Республике Саха (Якутия): социологический анализ.* Под ред. В. Н. Иванова, И. И. Подойницыной. Якутск: ИГИАНРС (Я). С. 111-116.

Abramova, S. V. (2000). Class Self-Identification of Farmers. In Ivanov, V. N., Podoynitsyna, I. I. (eds.). *First Steps of Farming in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis.* Yakutsk. Pp. 111-116. (In Russ.)

Безгодов, А. В. (1999). *Очерки социологии предпринимательства.* Под ред. Д. П. Гавры. СПб.: Петрополис. 223 с.

Bezgodov, A. V. (1999). *Essays on the Sociology of Entrepreneurship.* Gavra, D. P. (ed.). St. Petersburg. 223 pp. (In Russ.)

Горшков, М. К. (2011). *Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики).* М.: Новый хронограф. 672 с.

Gorshkov, M. K. (2011). *Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnostics).* Moscow. 672 p. (In Russ.)

Заславская, Т. И. (1994). Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация. *Информационный бюллетень мониторинга.* Сентябрь-октябрь. С. 7-15.

Zaslavskaya, T. I. (1994). The Business Layer of Russian Society: Concept, Structure, Identification. *Information Bulletin of Monitoring.* September-October. Pp. 7-15. (In Russ.)

Ефимова, А. Б. (2000). Трудности, тормозящие развитие крестьянских хозяйств, перспективы развития. *Первые шаги фермерства в Республике Саха (Якутия): социологический анализ.* Под ред. В. Н. Иванова, И. И. Подойницыной. Якутск: ИГИ АН РС (Я). С. 83-97.

Efimova, A. B. (2000). Difficulties Hindering the Development of Peasant Farms, Prospects for Development. In Ivanov, V. N., Podoynitsyna, I. I. (eds.) *First Steps of Farming in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis.* Yakutsk: IGI AN RS (Ya). Pp. 83-97. (In Russ.)

Курочкин, В. Н., Хронюк, Л. А. (2024). Сельское малое предпринимательство: содержание, генезис и тенденция развития. *Московский экономический журнал.* № 4. С. 1-7.

Kurochkin, V. N., Khronyuk, L. A. (2024). Rural Small Entrepreneurship: Content, Genesis, and Development Trends. *Moscow Economic Journal.* No. 4. Pp. 1-7. (In Russ.)

Лыгденова, Ю. Ю. (2006). Женщины-предприниматели в социальной структуре российского общества. *Социально-стратификационная дифференциация российского общества:* материалы междунар. науч. конф. (25-26 мая 2006 г.). В 2-х т. Т. 1. М.; Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 216-220.

Lygdenova, Yu. Yu. (2006). Women Entrepreneurs in the Social Structure of Russian Society. In *Social Stratification Differentiation of Russian Society.* Materials of the International Scientific Conference (25-26 May 2006). In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Ulan-Ude. Pp. 216-220. (In Russ.)

Подойницына, И. И. (2019). *Социология социальных структур.* М.: Изд-во ИНФРА-М. 265 с.

Podoynitsyna, I. I. (2019). *Sociology of Social Structures.* Moscow. 265 p. (In Russ.)

Подойницына, И. И. (2002). Социокультурная ситуация в столице Республике Саха (Якутия) в начале XXI в. *Общество в зеркале социологии*: сб. науч. тр. Вып. 1. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета. С. 38-46.

Podoynitsyna, I. I. (2002). Sociocultural Situation in the Capital of the Republic of Sakha (Yakutia) at the Beginning of the 21st Century. In *Society in the Mirror of Sociology*. Collection of Scientific Papers. Iss. 1. Yakutsk. Pp. 38-46. (In Russ.)

Романова, О. Д., Барашкова, К. Д. (2006). Социальная структура современного якутского села и потенциал его развития. *Социально-стратификационная дифференциация российского общества:* материалы междунар. науч. конф. (25-26 мая 2006 г.). В 2-х т. Т. 1. М.; Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 16-20.

Romanova, O. D., Barashkova, K. D. (2006). The Social Structure of Modern Yakut Villages and Its Development Potential. In *Social Stratification Differentiation of Russian Society*. Materials of the International Scientific Conference (25-26 May 2006). In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Ulan-Ude. Pp. 16-20. (In Russ.)

Рывкина, Р. В. (1993). Эксперты о среднем классе в России. *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* № 6. С. 19-21.

Ryvkina, R. V. (1993). Experts on the Middle Class in Russia. *Economic and Social Changes: Monitoring Public Opinion*. No. 6. Pp. 19-21. (In Russ.)

Рывкина, Р. В. (1994). Формирование новых экономических классов в России. *Социологический журнал*. № 4. С. 36-47.

Ryvkina, R. V. (1994). Formation of New Economic Classes in Russia. *Sociological Journal*. No. 4. Pp. 36-47. (In Russ.)

Ушакова, Т. Н., Белова, С. С., Валуева, Е. А. (2010). Лингвопсихологическое исследование вербальной семантики. *Психологический журнал.* Т. 31. № 6. С. 64-78.

Ushakova, T. N., Belova, S. S., Valuyeva, E. A. (2010). Lingvo-Psychological Study of Verbal Semantics. *Psychological Journal.* Vol. 31. No. 6. Pp. 64-78. (In Russ.)

Чепак, О. А. (2006). Основные тенденции изменения социальной структуры сельского населения. *Социально-стратификационная дифференциация российского общества:* материалы междунар. науч. конф. (25-26 мая 2006 г.). В 2-х т. Т. 1. М.; Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. С. 20-25.

Chepak, O. A. (2006). Main Trends in Changing the Social Structure of Rural Population. In *Social Stratification Differentiation of Russian Society*. Materials of the International Scientific Conference (25-26 May 2006). In 2 vols. Vol. 1. Moscow. Ulan-Ude. Pp. 20-25. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Подойницына Ирина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: irena_ivan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2664-9276.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025
После доработки: 12.03.2025
Принята к публикации: 25.03.2025

Podoinitsyna Irina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Scientific Researcher of the Institute of Humanitarian Research and Problems of Small Indigenous Peoples of the North SB RAS, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Petrovsky Str., 1, e-mail: irena_ivan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2664-9276.

The paper was submitted: 12.02.2025
Received after reworking: 12.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

УДК 316.7

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КИТАЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Д. В. Ушаков
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ushakovdmitrii@mail.ru

И. К. Дроздова
Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск)
ilonadrozdova68@gmail.com

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ этапов становления миссионерской деятельности Русской православной церкви в Китае. Особое внимание уделяется истокам и возможностям усиления ее влияния в настоящем, что показано в том числе на примере опроса современной китайской молодежи. Методологически был использован системно-генетический подход и методы: наблюдение, анализ документов, экспертный опрос по случайной выборке. Установлено, что деятельность Русской православной церкви в Китае разрешена, но жестко регулируется государством. Интерес китайской молодежи к русскому православию связан с объективными условиями: проведением культурных мероприятий в рамках обмена между Россией и Китаем, обучением молодежи в российских ВУЗах и др. Субъективный интерес населения к нетрадиционной для Китая религии обусловлен стремлением к изучению философии, близкой ценностям китайской культуры: верность семье, почитание старших, руководства и предшествующих поколений. Оцениваются основные вызовы и перспективы для православной общины в Китае в современных условиях.

Ключевые слова: Китай, молодежь, церковь, религиозные ценности, традиция и современность, культурный обмен.

Для цитирования: Ушаков, Д. В., Дроздова, И. К. (2025). Русская православная церковь в Китае: прошлое и настоящее. *Respublica Literaria.* Т. 6. № 1. С. 76-87. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.76-87

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN CHINA: PAST AND PRESENT

D. V. Ushakov
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ushakidmitrii@mail.ru

I. K. Drozdova
Siberian State Transport University (Novosibirsk)
ilonadrozdova68@gmail.com

Abstract. The article presents a retrospective analysis of the stages of formation of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in China. Particular attention is paid to the origins and possibilities of strengthening its influence in the present, which is shown, among other things, by the example of a survey of modern Chinese youth. The methodological approach used was a systemic genetic approach and methods: observation, document analysis, expert survey on a random sample. It was established that the activities of the Russian Orthodox Church in China are permitted, but strictly regulated by the state. The interest of Chinese youth in Russian Orthodoxy is associated with objective conditions: holding cultural events within the framework of exchange between Russia and China,

with the education of young people in Russian universities, etc. The population's subjective interest in a religion that is not traditional for China is due to the desire to study a philosophy that is close to the values of Chinese culture: loyalty to family, respect for elders, the activities of the leadership and previous generations. The main challenges and prospects for the Orthodox community in China in modern conditions are assessed.

Keywords: China, youth, church, religious values, tradition and modernity, cultural exchange.

For citation: Ushakov, D. V., Drozdova, I. K. (2025). Russian Orthodox Church in China: Past and Present. *Respublica Literaria.* Vol. 6. No. 1. Pp. 76-87. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.76-87

Русская православная церковь выполняет за рубежом важнейшие функции защиты соотечественников, иногда посольской и дипломатической работы, сохранения и распространения духовной культуры для соотечественников, знакомства местного населения с русской культурой и языком. В условиях геополитического разворота России на Восток в надежде на дружеские, стратегически партнерские отношения с Китаем, изучение прошлого и современного положения в этой стране Русской православной церкви и ее восприятия китайской молодежью является значимым.

В задачи нашего исследования входит: определить основные вехи развития православия в Китае; изучить мнения и установки китайской молодежи по отношению к православной церкви; выявить основные факторы, влияющие на ее восприятие среди молодежной аудитории; рассмотреть влияние культурных и образовательных инициатив, направленных на популяризацию православия среди молодежи. В качестве методов были использованы: наблюдение, анализ документов, экспертный опрос целевой группы со случайной выборкой.

История распространения и развития православного христианства в Китае подробно описана в работах как отечественных [Афонина, 2018; Дацышен, 2007; Дацышен, 2010; Исаева, 2018; Петровский, 2022; Сафронов, 2023], так и китайских авторов [Го Сяобинь, 2024; Жань Цзиньхун, 2023]. Поскольку нас больше интересует современная ситуация в деятельности Православной церкви, вначале обозначим лишь основные этапы этого процесса в контексте давно и недавно прошедших событий.

Православие в Китае имеет долгую и сложную историю, начиная с первых миссионерских попыток в VII в., когда христианские учения начали проникать на территорию Китая. Эти ранние миссии, хотя и были ограниченными по своему воздействию, заложили основы для дальнейшего распространения православной веры в стране, особенно в XVII и XVIII вв.

Во время войны за Амур в 1685 г. захваченный в плен вместе с казаками Албазинского острога православный священник Максим Леонтьев продолжил свою деятельность на территории Пекина, стремясь донести христианские ценности до китайского народа [Петровский, 2022, с. 85]. Так, после захвата китайцами Албазинского острога несколько десятков пленных казаков стали подданными китайского императора. Их взяли на военную службу, поселили в Пекине, где они составили служилое сословие, и священник Максим Леонтьев возглавил их православную общину.

В 1700 г. по указу Петра I были подобраны монахи для православной миссии с целью привести китайцев в «веру Христову». После долгих переговоров в 1712 г. император Канси разрешил приезд в Пекин первой Российской духовной миссии, которая прибыла в 1715 г.

в Пекин и начала свою официальную деятельность в Китае. В 1727 г. это было закреплено Кяхтинским договором [Дацышен, 2007, с. 50-51]. В течение XVIII в. в Пекине сменилось восемь составов Российской духовной миссии общей численностью до ста человек. Они больше занимались изучением местных духовных традиций, и меньше привлечением к православию китайских граждан, выполняли посольские дипломатические функции, покупали земли, строили и освящали храмы, заботились о соотечественниках, проживающих на территории Китая. До середины XIX в. сменилось еще пять составов духовной православной миссии, за это время миссионеры постепенно от дипломатической и научной деятельности стали переходить к собственно миссионерству среди китайского населения, хотя не хватало словарей, церковных книг на китайском языке. У истоков православного миссионерства в Китае стоял руководитель X Российской Духовной миссии в Пекине (1820–1830 гг.) Петр (Каменский), положивший начало современной российской синологии [Дацышен, Чегодаев, 2013].

Китай был готов к сотрудничеству с Россией, но вторая половина XIX в. ознаменовалась двумя опиумными войнами с Англией (1840–1842 гг.), с Англией и Францией (1856–1860 гг.), закончившимися экономической и политической колониальной зависимостью Китая от стран Запада. Этот период расцвета экспансии европейских стран обернулся сначала бурным распространением католичества, протестантизма и православия, и даже попыткой реформирования конфуцианства путем соединения его со своеобразным христианством Кан Ювэя и создания секты «тайпинов» Хун Сюцуаня, как последователей «Учения о верховном владыке», под которым понимался Христос.

В январе 1851 г. началось восстание тайпинов против Цинского правительства, на занятых территориях установился жесткий теократическо-военный режим, который дискредитировал идеи христианства и спровоцировал антихристианские настроения населения Китая. В 1856 г. тайпинское движение пошло на спад, а в 1859 г. восстание было подавлено [Дацышен, 2007, с. 86-90]. 1 июня 1858 г. был подписан «Трактат между Россией и Китаем об определении взаимоотношений», где Цинское правительство обязалось покровительствовать китайским христианам и способствовать миссионерской деятельности русских подданных. Православная церковь занялась непосредственно миссионерской деятельностью.

С 1860 г. до начала 1900 г. начинаются антизападные и антихристианские выступления «эхэтуаней» («боксеров»), основанные на традиционных для Китая учениях и практиках даосизма, буддизма и конфуцианства. В мае 1900 г. Правительство Китая поддержало антизападные и антихристианские устремления «эхэтуаней», что привело во многих провинциях к массовым нападениям на всех христиан, в том числе и на православных. Убийства, погромы, гонения продолжались весь 1900 г. Под защитой русских гарнизонов православной церкви все же удалось уцелеть, хотя ее деятельность практически была прекращена, и нужно было вновь восстанавливать свои позиции в 1902 г., что отчасти происходило в приграничных районах Китая и России, но не имело значительного влияния. Поражение России в Русско-Японской войне вновь ослабило позиции Православной миссии в Китае.

В результате Синьхайской революции 1911–1912 гг. Китай стал республикой, при этом поражение Цинского правительства стало поводом для развития западных духовных миссий разных стран, что вновь порождало антизападное и антихристианское протестное движение

в стране. «Накануне Первой мировой войны Российская духовная миссия в Китае переживала пик своего расцвета. Православными миссионерами с 1902 по 1913 гг. было крещено 4130 китайцев» [Дацышен, 2010, с. 298].

После Октябрьской социалистической революции и во время Гражданской войны в России положение Русской православной миссии в Китае изменилось: финансирование практически прекратилось, а в 1919 г. все православные миссии были закрыты. В 1920 г. Российская духовная миссия в Китае перешла во временное подчинение Зарубежному Архиерейскому Синоду, которым в 1922 г. была создана Пекинская и Китайская епархии. В это же время была открыта Харбинская епархия, имевшая статус временной и насчитывавшая 28 храмов [Дацышен, 2007, с. 162]. Воссоединение связей Российской православной миссии в Пекине и Харбинской епархии с Московской епархией произошло 27 декабря 1945 г. «В июне 1946 г. на территории Китая был образован Восточно-Азиатский экзархат Московского Патриархата» [Там же, с. 172]. В это время развитие православия происходило в сложнейших условиях: раскол между пекинским и манчжурским центрами православной церкви; противоречия между русской и китайской православными общинами; противостояние с государственными структурами Советского Союза и КНР.

В октябре 1949 г. была официально основана Китайская Народная Республика (КНР), в стране насчитывалось 106 православных храмов: около полусотни из них находились на северо-востоке, пять в Синьцзяне, а остальные разбросаны по всей территории Китая – от южных до северных регионов. Число китайских православных достигало 10 тысяч человек [Петровский, 2022, с. 5-6].

«В 1954 году Священный Синод Русской Православной Церкви упразднил миссию, оставив все православные храмы в Китае в ведении экзархата. Изменения в общественной жизни КНР привели к упразднению Восточно-Азиатского экзархата. 23 ноября 1956 года Священный Синод передал все храмы экзархата на территории КНР в каноническое ведение Китайской Православной Церкви, которой была предоставлена автономия, с утверждением избрания ее Предстоятеля Патриархом Московским и всея Руси»[1].

В 1956 г. по решению Священного Синода Московского патриархата была образована Автономная Китайская православная церковь. Тогда же в Москве были рукоположены первые епископы-китайцы.

Следующим сложным этапом явилась «культурная революция», переживаемая КНР во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг., сопровождавшаяся крайней атеистической позицией в политике. В 1965 г. после кончины епископа Шанхайского Симеона (Ду) Китайская православная церковь полностью лишилась епископской иерархии, а после культурной революции в 1966–1976 гг. практически прекратила свое существование. Все договоренности, заключенные ранее, перестали иметь значение, начались гонения на христиан всех конфессий, в том числе и на православную церковь. Были уничтожены большая часть зданий и предметов культа, запрещены религиозные мероприятия. «Религиозным лидерам и простым верующим пришлось испытать гонения. Некоторые священники, не выдержав издевательств, покончили жизнь самоубийством, других убили или сослали в трудовые лагеря на перевоспитание …» [Дацышен, 2007, с. 181].

[1] Китайская Автономная Православная Церковь. (2024). *Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата* [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1143899.html (дата обращения: 02.02.2025).

Возрождение христианства в Китае стало возможным с 1971 г., но реально оно началось с 1978 г., когда в ходе реформ Дэн Сяопина проводится политика открытости, и восстанавливаются отношения между православными общинами и руководством России и Китая. Этот процесс усилился с началом перестройки, а затем и с развалом СССР. После начала политики реформ в КНР были открыты православные приходы в Харбине, Урумчи и Чугучаке.

В течение 1991–1999 гг. в Урумчи была построена Свято Никольская церковь, православный храм в административном центре Правоаргунского аймака (Трехречье в Хулуньбуире), Лабдарине (г. Аргунь). В 1999 г. началось строительство православной церкви на территории кладбища в Кульдже [Дацышен, 2007, с. 201].

25 января 2002 г. В. В. Путиным был подписан Федеральный закон о ратификации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Ван Вэй, Дацышен, 2024].

В 2023 г. по мнению сотрудника Отдела внешних церковных связей Московского патриархата и члена рабочей группы по контактам и сотрудничеству с КНР в религиозной сфере Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации Д. И. Петровского: «Численность православных в Китае в настоящее время не поддается точной оценке, в первую очередь ввиду того, что многие верующие не имеют возможности заявить о своем исповедании. Китайские источники оценивают число православных верующих от 2 до 15 тысяч, имея в виду русское национальное меньшинство в Китае или потомков русских, большей частью проживающих в Пекине, Шанхае, провинции Хэйлунцзян и автономных районах КНР – Синьцзян-Уйгурском и Внутренней Монголии. Эта цифра не учитывает значительное число российских граждан, временно или постоянно проживающих в КНР (по некоторым оценкам, до пандемии их число составляло около 100 тыс.)» [Петровский, 2022, с. 95].

В настоящее время (в 2024 г.) в стране действуют четыре православных центра, признанных китайским правительством, в городах: Харбин (провинция Хэйлунцзян), Эргун и Хулунбуир (Автономный район Внутренняя Монголия), Урумчи и Инин (Синьцзян Уйгурского автономного района) [Го Сяобинь, 2024]. Если считать вместе с уже указанными городами Пекин, то имеются шесть центров развития православия. Эти данные дополняются высказыванием председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Иллариона: «В настоящее время на территории КНР существует несколько православных общин на северо-востоке Китая, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, Пекине, Шанхае и других городах. Многие общины лишены пастырского окормления и храмов. Храмы существуют лишь в Харбине, Лабдарине, Урумчи, Кульдже, Чугучаке. Православие признано как религия русского национального меньшинства в специальных автономных районах Синьцзян и Внутренняя Монголия, провинции Хэйлунцзян»[2].

Сегодня среди обыденных рассуждений представителей западных стран бытует мнение о запрете христианства в Китае. На самом деле, христианство не запрещено, но деятельность религиозных организаций регулируется государством. В КНР функционируют официально

[2] Митрополит Илларион о православии в Китае. (2011). [Электронный ресурс]. *REGIONS.RU.* 15 марта. URL: https://www.regions.ru/web-archive/mitropolit-ilarion-o-pravoslavii-v-kitae (дата обращения: 02.02.2025).

зарегистрированные церкви, при этом есть и независимые религиозные группы, действующие вне контроля властей. Существует множество нерегламентированных групп, которые противодействуют экспансии нетрадиционных для Китая религиозных учений, действующих тоже вне официального контроля.

Правовые основы любой духовной деятельности в КНР регулируются положениями Конституции КНР. Так, глава II. «Основные права и обязанности граждан» Статья 36. регламентирует религиозную деятельность следующим образом: «Граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания.

Никакие государственные органы, общественные организации и отдельные лица не могут принудить граждан исповедовать или не исповедовать религию, не могут дискриминировать граждан за исповедание или не исповедание религии.

Государство охраняет нормальное развитие религиозной деятельности. Никто не может использовать религию для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью граждан и в ущерб государственной системе образования.

Религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля, т. е. религиозные организации не должны быть управляемыми извне иностранными организациями или государствами»[3].

Статьи Конституции КНР конкретизируются в «Положении о религиозной деятельности» (Указ Госсовета КНР № 426, принят 07.07.2004 г., действует с 1.03.2005 г.). Глава 3 «Места богослужений (храмы)» Ст. 12 гласит: «Совместное совершение религиозных обрядов верующими обычно должно совершаться в зарегистрированных местах богослужений (в дальнейшем храм) (буддистских храмах, даосских кумирнях, мечетях, церквях, а также в других постоянных местах богослужений). Руководство совместным совершением религиозных обрядов осуществляется священнослужителями или другими лицами соответствующих храмов или религиозных организаций в соответствии с религиозными предписаниями»[4], т. е. мероприятия должны проводиться только в зарегистрированных зданиях (центрах) и под руководством религиозных деятелей и организаций, имеющих на это разрешение. Иностранцы не могут вести официальную службу в Китае – это запрещено законом, но ее могут вести либо китайцы с гражданством КНР, либо человек, находящийся в браке с китаянкой(цем). В особых случаях могут быть исключения, но с разрешения властей.

С 2018 г. Китай значительно усилил надзор над религиозными организациями, внедрив новые нормы и правила в рамках Национальной программы «китаизации» религий [Афонина, 2018, с. 138]. Эта программа направлена на то, чтобы различные религии соответствовали «китайским культурным традициям» и служили государственным интересам. Данные изменения усложнили функционирование иностранных религиозных организаций, включая православные общины, которые часто рассматриваются как «иностранное влияние» [Сафонов, 2023, с. 184-199]. Вместе с тем, есть и достаточный лаг

[3] *Конституция Китайской Народной Республики* [Электронный ресурс]. URL: https://legalns.com/download/books/cons/china.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

[4] Глава 3. Места богослужений (храмы). Ст. 12. (2004). [Электронный ресурс]. *Положение о религиозной деятельности. Указ Госсовета КНР № 426. 7 июня 2004 г.* URL: https://orthodox.cn/contemporary/zjshwtli_ru.htm (дата обращения: 02.02.2025).

для развития русской православной общины в Китае на основе близости ценностей гуманизма, сохранения семьи и семейных традиций, а также ценностей поддержки государства, как основы защиты общества и гаранта стабильного его развития.

Основным документом, регулирующим молодежную политику, является принятый в 1997 г. Закон «О молодежи Китая», который распространяется на лиц в возрасте от 15 до 30 лет. В информационной справке по состоянию на 2023 г. «Молодежная политика Китайской Народной республики», составленной специалистами Института молодежной политики и международных отношений РТУ МИРЭА Д. А. Соколовой и А. А. Нам в 2024 г., в «Краткой характеристике Плана средне- и долгосрочного развития молодежи (2016-2025 гг.)»[5] молодежь определяется как люди в возрасте от 14 до 35 лет.

Одним из значимых центров деятельности православной церкви в Китае является Харбин. «В 1917 г., до Октябрьской революции, русская диаспора в Харбине насчитывала 60,2 тыс. человек, а русские в Харбине составляли 60 % от численности населения. Благодаря этому Харбин получил неофициальное название “Москва Востока”» [Жань Цзиньхун, с. 65].

В 90-х гг. XX в. было восстановлено здание Харбинского кафедрального собора, приспособленное сейчас под музей, – это Софийский собор, который хотя и признан официально не действующим, остается одним из крупнейших православных сооружений в провинции Хэйлунцзян. «Его вместимость достигает 2000 человек, что подчеркивает значимость этого архитектурного памятника в контексте православной культуры региона. Несмотря на ограничения, связанные с его статусом, “Софийский собор” продолжает привлекать внимание как символ исторического присутствия православия в Китае и играет важную роль в культурной идентичности местного населения»[6].

Вместе с тем в Харбине с 1986 г. действует другой храм – «Покрова Пресвятой Богородицы»[7], его в Харбине могут посетить все горожане, проживающие или прибывшие в город. Этот храм 17 мая 2024 г. посетил президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин и подарил икону «Спас Нерукотворный», выполненную русскими иконописцами[8].

20 октября 2024 г. в Пекине палехские художники расписали библейскими сюжетами и образами святых стены и своды православного храма «Успения Пресвятой Богородицы», находящегося на территории Посольства России в Пекине, возобновившего свою деятельность в 2009 г.[9] Такие события усиливают культурный обмен между Россией и Китаем, представляя русское православное искусство китайской аудитории.

---

[5] Соколова, Д. А., Нам, А. А. (2024). *Молодежная политика Китайской Народной Республики (информационная справка по состоянию на 2023 год)*. С. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://intermol.su/upload/iblock/766/04511lyvyk57ygivs2g0p15qnq17ull1.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

[6] Софийский собор в Харбине (Harbin Saint Sophia Cathedral). (2024) [Электронный ресурс]. *Туристер.* 24 нояб. URL: https://www.tourister.ru/world/asia/china/city/harbin/temples/11951 (дата обращения: 02.02.2025).

[7] *Храм Покрова Пресвятой Богородицы*. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Храм_Покрова_Пресвятой_Богородицы_(Харбин) (дата обращения: 02.02.2025).

[8] Президент России подарил икону Покровскому храму в китайском городе Харбине. (2024). [Электронный ресурс]. *Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата.* 17 мая. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/6129629.html (дата обращения: 02.02.2025).

[9] Палехские художники завершили роспись сводов Успенской церкви в Пекине. (2024). [Электронный ресурс]. *СМОТРИМ*. 20 окт. URL: https://smotrim.ru/article/4185392 (дата обращения: 02.02.2025).

Харбин – город с многонациональным населением и значительным историческим вкладом русской общины представляет собой уникальную платформу для изучения восприятия религий, включая православие. С целью изучения отношения жителей Харбина к русской православной церкви и ее роли в современном обществе, был проведен опрос среди молодежи этого города, в нем приняли участие 20 человек, они же выступили в качестве экспертов по интересующим нас вопросам. Возраст респондентов от 18–30 лет, это 10 мужчин, 10 женщин. Опрос проводился по случайной выборке – 21 октября 2024 г., место проведения – приложение «WeChat».

На первый вопрос 1 «*Интересуетесь ли вы православной церковью и ее деятельностью на территории Китая?*» ответили «да» – 6 чел., «нет» – 10 чел. и «не уверен(а)» – 4 чел. Соответственно, среди молодежи большинство не интересуется православной церковью и затрудняются ответить, но при этом значительная часть участников опроса проявляют сдержанный интерес, отмечая, что знают о православии, но не имеют глубокого понимания его традиций.

Отвечая на вопрос 2 «*Какие аспекты православной культуры Вам наиболее интересны?*», 8 чел. отметили «архитектура храмов», 7 чел. – философские и духовные ценности (любовь, сострадание), религиозной музыкой и иконописью интересуются 5 чел. Такое распределение ответов, при котором наибольший интерес вызывает архитектура православных храмов, понятно, т. к. среди участников опроса многие знакомы с Софийским собором в Харбине.

При ответе на вопрос 3 «*Считаете ли вы, что православие может предложить молодежи духовные ориентиры?*» чуть меньше половины опрошенных верят, что православие может служить духовным ориентиром, особенно в условиях глобализации и стремительных изменений в китайском обществе. «Да» отметили 9 чел., «нет» – 6 чел., «не знаю» – 5 чел.

Большинство респондентов, отвечая на вопрос 4 «*Какие мероприятия могли бы способствовать популяризации православия среди китайской молодежи?*», указали, что это лекции и культурные выставки (10 чел.). Мастер-классы по иконописи и церковной музыке отметили 6 чел. Онлайн-контент и социальные сети – 4 чел., т. е. наиболее эффективными для популяризации православия респонденты считают знакомство с православной культурой через культурные и образовательные мероприятия.

При ответе на вопрос 5 «*Как вы видите будущее православной церкви в Китае?*» большинство молодежи отметили, что возможен рост интереса – 12 чел. Однако и то, что православие «останется на периферии», указали 5 чел. Затруднились ответить – 3 чел.

В процессе диалога удалось выяснить, что большая часть опрошенных верит в потенциал православия как культурного и духовного компонента, но отмечает необходимость его адаптации к местным условиям.

В ходе устного опроса молодежи было выявлено, что именно интересует китайских молодых людей в православии:

1. Культурный обмен: мероприятия, фестивали, выставки, посвященные русским традициям, искусству.

2. Образование: молодежь все больше выбирает обучение в российских вузах, что позволяет более глубоко осваивать культуру и изучать русский язык.

3. Духовные поиски: в обстоятельствах быстрого изменения общества и культуры молодежь ищет глубокие смыслы и духовные ориентиры, что приводит их интерес к религии, отличной от их традиционных верований.

4. Культурное разнообразие: Православие, как часть русской культуры, привлекает внимание благодаря своей богатой истории, традициям и искусству. Через красоту соборов и церквей проявляется интерес к изучению русской иконописи, архитектуры, литературы.

Христианство вызывает интерес у китайцев, особенно у образованной молодежи в Харбине, где к нему относятся с должным уважением и интересом. Христиане в Китае пользуются симпатией, и простые жители осознают историческую значимость христианства в их стране.

Отчасти интерес составляют традиционные праздники и ритуалы. Китайские православные общины часто практикуют и находят адаптацию к местным культурным традициям. Примером этому является праздник «Пасхи», который отмечается с соблюдением традиционных обрядов, но может включать в себя местные элементы. Например, обмен красными яйцами является традицией и в китайской культуре. Красный цвет является символом красоты и классовой борьбы.

Стремясь осознать свое место в быстро изменяющемся современном обществе и обрести личную идентичность, молодые люди обращаются к различным религиозным традициям. Этот феномен можно объяснить несколькими причинами, среди которых – влияние глобализации, активизация культурных взаимодействий и усиление интереса к духовным поискам непреходящих, вечных ценностей на фоне динамичных изменений в мире. Православие привлекает молодежь Китая благодаря своим уникальным духовным практикам и философской основе, которые помогают находить ответы на фундаментальные вопросы жизни о смысле бытия человека в стремительно развивающемся мире, о роли семьи (родителей, детей) в его жизни, связи с обществом, государством и миром.

Согласно данным, представленным независимой консалтинговой компанией в области высшего образования «Shanghai Ranking Consultancy», «к настоящему времени в 181 китайском вузе есть специальность “русский язык”»[10]. Это способствует созданию благоприятных условий для углубленного изучения русского языка и литературы, предоставляя китайским студентам все необходимые ресурсы для качественного образования в области русской культуры и православной философии. В России обучается большое количество китайских студентов, значительная часть которых поступают на факультеты русского языка и философии, желающие из них могут обучаться церковнославянскому языку.

Одним из ключевых факторов влияния православия на молодых людей, как ни странно, остается использование церковнославянского языка в богослужениях, что создает своеобразную атмосферу и сохраняет связь с историей. «Изучение русского языка открывает китайскому народу доступ к глубинам философской мысли, литературного наследия и духовных ценностей России. Это взаимодействие обогащает обе культуры, создавая условия для укрепления взаимопонимания и сотрудничества», – об этом говорит Архимандрит Палладий (Кафаров) [Исаева, 2018].

[10] В 181 китайском вузе изучают русский язык. (2024). *СИНЬХУА Новости. RUSSIAN.NEWS.CN.* 02 дек. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.news.cn/20241202/8983f246a63f4de2a90fc250bf0414fa/c.html (дата обращения: 02.02.2025).

Сегодня в России открыто работают в вузах многие филиалы Института Конфуция, деятельность которых рассматривается не как «влияние мягкой силы», а как возможность получения молодежью знания о языке, культуре и менталитете народов дружеского государства.

В ходе исследования было установлено, что среди активно работающих конфессий на территории Китая, разрешена деятельность и Русской православной церкви. Выявлено, что христианство не запрещено, но деятельность религиозных организаций жестко регулируется государством. Несмотря на сложное положение православного христианства в Китае сегодня, оно вполне может занять достойное место среди ведущих конфессий этой страны. Любая помощь и содействие Российского государства православной миссии в Китае может способствовать налаживанию позитивных отношений между нашими народами.

Определено, что интерес китайской молодежи к русскому православию связан с объективными условиями: культурными мероприятиями в рамках обмена между российским и китайским государствами – это фестивали, выставки, посвященные русским традициям и искусству. Восприятие идей православия может проявляться через изучение иконописи, архитектуры церквей и литературы. Эти, относительно внешние атрибуты веры, помогают молодежи понять и внутреннее содержание идей и ценностей иной культуры.

Интерес китайской молодежи обусловлен и субъективными факторами: духовные поиски в условиях быстрого изменения общества и культуры приводят к тому, что молодежь ищет глубокие смыслы и духовные ориентиры не только в идеологии, но и в интересе к религии и философии, отличных от их традиционных верований. Православие, как часть русской культуры, привлекает внимание молодежи благодаря богатой истории, философии, традициям и искусству. Православие в основных своих ценностях близко китайским ценностям: верность семье, почитание старших поколений и руководства. Для повышения популярности православия необходимо проведение культурных и образовательных мероприятий, а также усиление присутствия в социальных сетях. Поскольку молодежь все больше выбирает обучение в российских вузах, это так же способствует изучению языка, культуры и религиозных традиций.

Перспективы развития православия в Китае в значительной степени зависят от отношений Китая с Россией, и не только от внутренней религиозной политики этого государства, но и от внешней политической, экономической и организационной поддержки России. В последние годы Россия и Китай демонстрируют рост сотрудничества в экономической и политической областях, что вполне может создать более благоприятные условия для служения православной церкви на благо укрепления взаимоотношений между нашими народами в культурной и духовной сферах.

Список литературы / References

Афонина, Л. А. (2018). «Положение о религиозной деятельности» 2018 года в КНР. *Проблемы Дальнего Востока.* №. 5. С. 138-154.

Afonina, L. A. (2018). “Regulations on Religious Activity” of 2018 in China. *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 5. Pp. 138-154. (In Russ.)

Ван Вэй, Дацышен, В. Г. (2024). *Енисейская Сибирь и Китай*. Красноярск: РАСТР. 304 с.
Wang Wei, Datsyshen, V. G. (2024). *Yenisei Siberia and China*. Krasnoyarsk. (In Russ.)

Го Сяобинь. (2024). Шелковый путь – Китайская православная церковь. *Литургия как синтез искусств. Знак-образ-символ в сюжетном и тематическом потенциале предметно-пространственной среды: XXXII Международные образовательные чтения «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего», 25 января 2024 г.* М.: РГХПУ им. С. Г. Строганова. С. 194-201.
Guo Xiaobin. (2024). Silk Road – Chinese Orthodox Church. *Liturgy as the Synthesis of Arts. Sign-image-symbol in the Narrative and Thematic Potential of the Objective Environment. XXXII International educational readings "Global Challenges of Modernity and the Spiritual Choice of Man"*. 25 January 2024. Moscow. Pp. 194-201. (In Russ.)

Дацышен, В. Г. (2007). *Христианство в Китае: история и современность*. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 240 с.
Datsyshen, V. G. (2007). *Christianity in China: History and Modernity*. Moscow. 240 p. (In Russ.)

Дацышен, В. Г. (2010). *История Российской духовной миссии в Китае*. Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла.
Datsyshen, V. G. (2010). *History of the Russian Spiritual Mission in China*. Hong Kong. (In Russ.)

Дацышен, В. Г., Чегодаев, А. Б. (2013). *Архимандрит Петр (Каменский)*. М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла. 360 с.
Datsyshen, V. G., Chegodaev, A. B. (2013). Archimandrite Peter (Kamensky). Moscow; Hong Kong. (In Russ.)

Жань Цзиньхун. (2023). Распространение Православной церкви в Китае и ее современное состояние. *XXX Международные образовательные чтения «К 350-летию со дня рождения Петра I: секулярный мир и религиозность». Церковь и историческое образование в России. Материалы конференции.* М. С. 60-69.
Jan Jinhong. (2023). The Spread of the Orthodox Church in China and its Current State. *XXX International Educational Readings "On the 350th Anniversary of the birth of Peter the Great: the Secular World and Religiosity". The Church and Historical Education in Russia. Conference materials*. Moscow. Pp. 60-69. (In Russ.)

Исаева, А. А. (2018). Свобода религии в Китае и в России: современные правовые рамки и система государственных ограничений. *Вестник Томского государственного университета. Право*. № 28. С. 41-58.
Isaeva, A. A. (2018). Freedom of religion in China and Russia: modern legal framework and system of state restrictions. *Tomsk State University Journal of Law.* No. 28. Pp. 41-58. (In Russ.)

Петровский, Д. И. (2022). Православие в Китае – история и современность. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* Т. 40. № 2. С. 84-104.

Petrovsky, D. I. (2022). Eastern Orthodoxy in China – History and Modernity. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. Vol. 40. No. 2. Pp. 84-104. (In Russ.)

Сафронов, Р. О. (2023). Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в религиозной сфере (2001–2023 гг.). *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* № 3. С. 184-199.

Safronov, R. O. (2023). The Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in the Religious Sphere (2001–2023). *Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. Pp. 184-199. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Ушаков Дмитрий Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ushakovdmitrii@mail.ru.

Дроздова Илона Константиновна – Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, 191, e-mail: ilonadrozdova68@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 09.12.2024
После доработки: 10.02.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

Ushakov Dmitry – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ushakovdmitrii@mail.ru

Drozdova Ilona –Siberian State Transport University, Novosibirsk, Dusi Kovalchuk St., 191, e-mail: ilonadrozdova68@gmail.com.

The paper was submitted: 09.12.2024
Received after reworking: 10.02.2025
Accepted for publication: 10.03.2025

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 323.2

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

М. А. Абрамова
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. Обращение к понятию «социальная политика» обусловлено необходимостью смены узконаправленного фокуса рассмотрения его содержания как мер по оказанию помощи отдельным группам населения для сохранения относительной видимости поддержания принципа социальной справедливости в обществе, на более широкое восприятие как стратегии организации социального взаимодействия и развития общества, обеспечивающей поддержание определенного уровня качества жизни населения, его благосостояние, и как следствие – стабильность государства. Автор на примере ретроспективного анализа показывает, какое участие в формирования модели социальной политики в России принимала система государственного администрирования, Церковь, общины и частные благотворители. Результаты анализа позволяют заключить, что социальная политика исторически рассматривалась в России как стратегия организации социального взаимодействия и развития общества.

Ключевые слова: социальная политика, политика, социальное государство, благотворительность, история социальной политики в России, история социальной политики в СССР.

Для цитирования: Абрамова, М. А. (2025). Социальная политика как стратегия организации социального взаимодействия и развития общества. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 88-105. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.88-105

SOCIAL POLICY AS A STRATEGY FOR ORGANIZING SOCIAL INTERACTION AND DEVELOPMENT OF SOCIETY

M. A. Abramova
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. The appeal to the concept of "social policy" is conditioned by the need to change the narrowly focused focus of considering its content as measures to assist certain groups of the population in order to maintain the relative visibility of maintaining the principle of social justice in society, to a broader perception of it as a strategy for organizing social interaction and development of society, the implementation of which ensures the maintenance of a certain level of quality of life of the population, its well-being, and as a result, the stability of the state. Using the example of a retrospective analysis, the author shows what part the system of state administration, the Church, communities and private philanthropists took in the formation of the social policy model in Russia. The results of the analysis allow us to conclude that social policy has historically been considered in Russia as a strategy for organizing social interaction and development of society.

Keywords: social policy, politics, welfare state, charity, history of social policy in Russia, history of social policy in the USSR.

For citation: Abramova, M. A. Social Policy as a Strategy for Organizing Social Interaction and Development of Society. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 88-105. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.88-105

Обращаясь к понятию «социальная политика» первоначально требуется упомянуть интерпретации термина «политика», который трактуется весьма неоднозначно: по Платону как искусство жить вместе; О. Шпенглер сопоставлял политику с жизнью («в высшем смысле есть жизнь, а жизнь есть политика»); К. Маркс рассматривал политику через отношение классов к государственной власти; Т. Парсонс в согласии с разрабатываемым структурно-функциональным подходом интерпретировал ее как совокупность способов организации определенных элементов тотальной системы для эффективного действия во имя достижения общих целей; М. Вебер в рамках своей концепции «понимающей социологии» рассматривал политику как стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей и пр. В России можно вспомнить работы В.И. Ленина, рассматривавшего внутреннюю политику как «…участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...» [1969. С. 340], что приближало понимание термина к социальной политике. Определение термина «политика», представленное в БСЭ, максимально близко подходит к содержанию термина «социальная политика»: «сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, сутью которой является определение форм, задач, содержания деятельности государства» [БСЭ, 217-218]. Сопоставим: П.В. Романов пишет, что социальная политика – это «система мер, осуществляемых государством, общественными организациями, местным самоуправлением и предприятиями по широкому кругу вопросов, связанных с общественным благополучием, а также сам процесс принятия решений» [Романов, 2003. С. 45]; «социальная политика – это система мер, обеспечивающая решения во всех сферах, представляющих социальные потребности общества и его слоев» [Васильева, 2008. С. 27]; «социальная политика – процедура согласования и реализации множества интересов различных социальных групп в социальной сфере, к которой традиционно относится образование, здравоохранение, вопросы социальной защиты, демографии» [БСЭ, 1975. С. 217-218]. Таким образом, если мы фокусируем внимание на аспекте регулирования государством внутренней политики относительно социальных групп, населения в целом, качества его жизни, благополучия, сохранности человеческого капитала, то мы фактически должны анализировать именно те меры, которые направлены на рост совокупных возможностей общества, обеспечение баланса общественных интересов, равных и справедливых возможностей для развития личности, то есть социальную политику. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что «любая общественная проблема приобретает политический характер, если её решение, прямо или опосредованно, связано с классовыми интересами, проблемой власти» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 360]. Вполне логично предположить, что именно эти меры обеспечивают устойчивое развитие государства, независимо от того, какую форму правления оно имеет. И потому обращение к истории социальной политики лишь с момента формирования идеи «социального государства»[1], как это традиционно принято, является на наш взгляд не совсем корректным.

[1] Предполагается, что появление термина «социальная политика» скорее связано не с выделением какого-то сегмента внутренней политики, который бы отвечал именно за взаимодействие общества и государства,

Принятие тезиса о непосредственной взаимосвязи между политикой как сферой деятельности, регулирующей, в том числе, отношения между социальными группами, позволяет нам не согласиться с тем, что первыми примерами реализации социальной политики являются благотворительные мероприятия, организованные церковью для поддержки бедных слоев населения, и первые нормативные акты, обеспечивающие в индустриальную эпоху права трудящихся. История, с одной стороны, позволяет нам найти и более ранние примеры попыток регулирования взаимоотношений между государством и социальными группами, например государственное устройство ацтеков, Законы царя Хаммурапи старовавилонского периода (1750-х годы до н.э.), являющиеся одним из древнейших памятников существования Права в мире или Указ Князя Владимира, возложившего на Церковь обязанность по обеспечению нуждающихся, что по сути уже можно рассматривать как меру, имеющую государственный характер [Древнерусские…, 1976]. С другой – при принятии в качестве отправной точки развития «социальной политики» примеры XIX в. мы остаемся на уровне восприятия термина как некой вспомогательной практики, позволяющей государству «выравнивать» баланс за счет мер поддержки бедных слоев населения и социального попечения отдельных групп граждан. При этом источники формирования потенциальных проблем общественного развития, которые потребуют в будущем организации государством «спасательных» действий, в том числе по латанию дыр в бюджете или восстановлению прав незащищенных групп населения, останутся вне поля нашего внимания.

Одной из причин существующего разрыва между принятием очевидной взаимосвязи социальной политики и устойчивого развития страны с традиционным освещением истории появления первых документов и проведения благотворительных мероприятий в данной области, является, как мы полагаем, длительная трансформация роли, а соответственно и прав различных социальных слоев населения в процессе становления государства. Неподлежащая сегодня обсуждению позиция о необходимости защиты прав всех граждан и реализации принципа равноправия, еще недавно, по меркам истории, была достаточно революционной темой для обсуждения.

Другой не менее значимой, но менее очевидной причиной является недостаточное освещение взаимосвязи специфики формирования социальной политики в рамках социокультурного развития конкретного государства, обусловленной доминирующим типом вероисповедания, моделью взаимодействия между правителем, системой государственного администрирования и народом. Рассмотрим последнее на примере истории развития социальной политики в России.

Одной из форм проявления ценностей православия еще со времен Крещения Руси была благотворительность, что чаще всего демонстрировалось деятельностью Церкви и монастырей. И как мы уже отметили выше, это являлось и служением Богу, и выполнением возложенной правителем миссии. Традиция восходит к византийской системе государственного управления, в которой одной из задач Церкви являлось воспитание

а скорее с появлением новой модели государства – социального, что произошло по историческим меркам сравнительно недавно. Необходимость учета мнений разнообразных групп населения, в том числе трудящихся повлияло на потребность введения специальных мероприятий, которые и были объединены под названием «социальная политика».

населения в духе истинного христианства и участие в поддержании идеологии единства государства [см.: Абрамова, 2016]. При этом отличительной особенностью и древнерусской церкви, и древнерусской школы была общесословность [Курочкина, 2012].

Кроме благотворительности существовала и другая практика социальной поддержки в России – взаимопомощь, сначала «одним миром», затем внутри определенного сословия, так, крестьянские семьи объединялись в общины для облегчения ведения хозяйства и оказания помощи друг другу.

По велению Ивана Грозного в 1551 г. для нуждающихся нищих были организованы богадельни, содержавшиеся за счет милостыни. В качестве социальных работников в них выступали трудоспособные нищие, а контроль над ними должны были осуществлять священники и чиновники [Стоглав, 1862, с. 58].

Как отмечает В. А. Подольский, учреждение патриаршества в России повлекло за собой попытку централизации социальных функций церкви. На патриаршего была возложена ответственность по управлению богадельнями [Подольский, 2021, с. 129]. Но необходимо подчеркнуть, что финансирование строительства богаделен по Приказу 1670 г. осуществлялось из средств Большого Дворца, т.е. управления делами царя [Фирсов, 2012, с. 165]. Алексей Михайлович вводит дополнительную меру по содержанию отставных военнослужащих за счет государства на территории монастырей [Гусаков, 2015, с. 19]. Участие в благотворительности высокопоставленных чиновников до возникновения купечества в XVIII в. было основным. Так, во второй половине XVII века окольничий Федор Ртищев содержал в Москве больницу для бедных, а глава Посольского приказа Ордин-Нащокин – богадельню в Пскове [Фирсов, 1999, с. 60]. Первое упоминание о создании в Москве богаделен по европейскому образцу для обучения детей нищих ремеслам относится к 1682 г., когда был издан Указ царя Фёдора Алексеевича [Кононова, 2014, с. 65].

Петр I по примеру Европы постепенно переводит вопросы попечения о бедных и здравоохранения в компетенцию светских властей. В 1712 г. им был подписан Указ, инициирующий создание во всех губерниях «гошпиталей», т. е. богаделен, для попечения о пожилых и инвалидах из числа военнослужащих [Подольский, 2021, с. 130]. Как отмечает В. А. Подольский, для укрепления военно-морского флота как наиболее важного инструмента внешней политики, Петр I вносит в «Морской устав» в 1720 г. гарантии социальной поддержки не имевшим дохода отставным морякам, вдовам и сиротам погибших моряков. Пенсионные расходы оплачивались из тех же средств Адмиралтейской коллегии, что и жалования [Полное собрание законов Российской Империи… Т. VI: 1720–1722 гг., 1830, с. 57-58]. В 1758 году по аналогии социальные гарантии получили служащие сухопутных войск. Источники финансирования казны Военной коллегии, выплачивавшей пенсии и содержавшей богадельни были монастыри, а после секуляризации монастырских земель в 1764 году – государственная казна и благотворители [Бокарев, 2018, с. 16].

Усиление роли государства в сохранении социального баланса происходит при Екатерине II, по величайшей воле которой был построен первый воспитательный дом в Москве (Манифест об учреждении издан 1 сентября 1763 г. [Детская помощь, 1894]), затем открыты еще в Нижнем Новгороде и других городах. Кроме этого она фактически положила начало региональной системе благотворительности. 7 (18) ноября 1775 г. было издано «Учреждение для управления губерний Российской империи», в соответствии с которым в течение последующих десяти лет была проведена кардинальная реформа

административно-территориального деления Российской империи. В задачи губернской реформы входило скорее усиление власти на местах для предотвращения крестьянских восстаний, чем собственно создание системы социальной поддержки. Но поскольку в рамках реформы была создана не только новая система администрирования, ведения судебно-исполнительных дел, а и особые приказы общественного призрения, в задачи которых входили координация и реализация мер по благотворительности, то это способствовало социальной поддержке населения в уездах [Полное собрание законов Российской Империи… Т. XX. 1775–1780 гг., 1830, с. 229-304]. Данным решением правительство в некоторой степени освободило казну от крупных расходов[2], переложив задачу по финансированию на местное дворянство, и тем самым создало прецедент по неявному распределению ответственности за ситуацию в регионах. Еще одним скрытым эффектом этой реформы стал рост частной благотворительности. Величайший манифест, прочитанный в 1763 г. во всех приходских церквах Империи, обеспечил прилив пожертвований, позволивший заложить здание в Москве, а деятельность таких образованных людей как И.И. Бецкой при участии которого были основаны: Воспитательное общество благородных девиц (1764), мещанское училище (1765) и воспитательные дома для призрения подкидышей в Москве (1764) и в Санкт-Петербурге (1770 г.) – стала примером для подражания. В результате, если в конце XVIII века в ведении 55 региональных отделений Департамента призрения находилось всего лишь несколько десятков социальных учреждений, то к концу 1850-х годов, их число возросло более чем в 20 раз, составив 769 заведений [Тевлина, 2011, с. 153].

В 1827 г. Николай I на основе обобщения прежнего законодательства утвердил «Устав о пенсиях и единовременных пособиях», в согласии с которым пенсии платились из казны, пополнявшейся за счет вычетов от 1 до 2 % из жалований служащих на выплаты пенсий вдовам и сиротам госслужащих [Гусаков, 2015, с. 58-71].

Данные факты свидетельствуют о том, что истоками формирования социальной поддержки населения в России являются ценности православия, их трансляция посредством личного и общинного взаимодействия, участие Церкви и частной благотворительности, а также меры предпринимаемые Государством. Данный вывод указывает на то, что формируемой системе социальной поддержки в России был присущ, в том числе, и государственный характер, который проявляет себя несколько раньше, чем принято об этом упоминать, ставя в пример принятие в 1834 г. закона о бедных и программы защиты прав трудящихся в 1897 году в Европе [Huff, 2002; Levenstam, 1981].

Как отмечает В. В. Тевлина, усиление внимания к вопросам социальной помощи происходит в эпоху правления Александра I (1801–1825), когда стали определяться «концептуальные подходы к социальной политике» [Тевлина, 2011, с. 152], в том числе и благодаря появлению в 1809 г. конституционного проекта М. М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов», который представлял собой кодекс законов общественного и государственного устройства, и имел высшую юридическую силу [Иванов, 2010, с. 288]. Благодаря реализации проекта М. М. Сперанского происходит, хоть и косвенное, но допущение различных слоев населения посредством создания

[2] По мнению Адель Линденмейр, лишь ограниченность ресурсов заставила правительство передать дело заботы о бедных благотворительным обществам и органам самоуправления при сохранении общего контроля за их деятельностью (см. [Lindenmeyr, 1996]).

дум (системы местного самоуправления) к участию в управлении государством. Возникает система выборных органов власти, что значительно расширило электоральное право. Несмотря на то, что реформы по проекту не были осуществлены в полном мере, важно признать, участие власти в качестве координирующего центра, направлявшего и согласовывавшего деятельность различных министерств [Yaney, 1973, с. 265-275]. Так Джордж Йени, в исследовании эволюции высших и центральных правительственных учреждений, подчеркивает роль правительства в имперской России, ставшего основным инициатором радикальных социальных изменений, в том числе в разработке и реализации реформ, имеющих социальный характер.

При сохранении в сфере социальной политики государственного патернализма, важную роль в формировании гражданского общества сыграли благотворительные организации [Lindenmeyr, 1996]. Кроме этого расширялась практика использования касс взаимопомощи. Так, в 1814 и 1823 гг. по указанию императора Александра I были созданы комитеты помощи, получавшие средства из сборов, пожертвований, процентов с судебных взысканий и премий, и выдававшие пенсии, пособия на съем жилья и на медицинские услуги [Гусаков, 2015, с. 43-48]. Органами власти с одобрения императора создавались эмеритальные кассы (лат. «emeritus» – «заслуженный»), собиравшие пожертвования в размере 3–6 % от жалования и выдававшие пенсии служащим и членам их семей в размере 25–100 % жалования. Таким образом, появилась возможность увеличить пенсионные выплаты при сокращении быстро росших трат казны на государственные пенсии [Подольский, 2021, с. 132].

Появление социальных учреждений связано не только с инициативой со стороны государства, но и частных лиц, готовых вкладывать свои средства в благотворительность, в том числе в создание общественных организаций.

К 1850-м годам общественная благотворительность в России уже занимает более значимую позицию и, хотя политику «в социальной сфере определял царь и подчиненный ему “Департамент Общественного призрения” [Тевлина, 2011, с. 152] значительный вклад в социальную работу вносят подвижники и общественные организации [Андреевский, 1889; Ануфриев, 1913; Благотворительная Россия…, 1901]. “Департамент Общественного призрения” оказывал помощь наиболее нуждающимся служащим, вдовам, ветеранам войн, детям. Эта помощь заключалась в лечении их в больницах, содержании в приютах или выплате единовременных пособий» [Тевлина, 2011, с. 152].

Если же рассматривать ситуацию в целом, участие государства в решении социальных вопросов, хоть и было с точки зрения затрачиваемых финансов не столь значительным по сравнению с затратами на другие нужды, например, военные компании, но личная помощь, которую оказывали члены царской семьи, дворяне и купцы скорее становилась примером проявления ценностей православия, таких как милосердие. В условиях существовавшего до 60-х гг. XIX в. ограничения на открытие общественных организаций, которые бы могли выполнять функцию социальной поддержки, такая форма участия была ценна.

С 1862 года упрощается процедура получения разрешения на ведение такой деятельности, поскольку достаточно было подать прошение уже только в Министерство внутренних дел. С 1864 года открывается возможность создавать сельские (земства), а с 1870 года городские органы самоуправления (думы), которые также могли заниматься социальной помощью [Тевлина, 2011, с. 153].

Борис Горшков, анализируя эволюцию российского законодательства, приходит к заключению, что еще до создания выборных законодательных институтов общество имело возможность участвовать в законодательных процессах [Gorshkov, 2009, p. 171]. Это означает его потенциальное влияние на формирование общей концепции государственной социальной политики, выбор ее приоритетных направлений и их реализацию на общеимперском и региональном уровнях. Как отмечает Н.С. Моторова, общество выступало как полноценный субъект, оказывавший «влияние на формирование и реализацию различных аспектов внутренней политики, участвовавший в разрешении острых социальных проблем» [Моторова, 2020, с. 197-198]. Появившийся Закон 1861 года предписывал создавать товарищества взаимопомощи на казённых горных заводах для выплаты пособий нетрудоспособным, затем такие же кассы были созданы в других отраслях. В 1897 г. был принят Закон о правилах создания касс для частных компаний. Министерства внутренних дел и финансов утверждали уставы и контролировали работу всех видов касс [Гусаков, 2015, с. 95-107].

Расширение возможностей ввиду проводимых реформ, а также роста критики со стороны общественности существующей практики оказания социальной помощи приводят в конце 90-х гг. XIX в. к созданию по инициативе правительства Комиссии для пересмотра законодательства об общественном призрении, руководство которой было возложено на Константина Грота, одного из основателей системы призрения слепых в России. Работу комиссии критиковал К.П. Победоносцев, считая, что она слепо копирует европейские образцы, созданные в протестантской, фабрично-городской среде и не учитывает традиционную для России форму призрения – приходскую, которая более подходит для деревень и сел [Победоносцев, 1898, с. 13]. В комиссии К.К. Грота не было представителей духовного ведомства [Горнов, 2008]. К.П. Победоносцев считал, что в России нищих становится все меньше и только не знающие России горожане думают, что их все больше: «Много у нас в деревнях бедных, но это не нищие, нуждающиеся в призрении; нищими они становятся в неурожай и другие годины испытаний, стихиями производимые. Но в этих случаях гамбургская система не поможет: в этих случаях нужна немедленная помощь пострадавшим или деньгами, или предоставлением им заработка: обедневший хозяин стыдится протягивать руку за подаянием как нищий» [Победоносцев, 1898, с. 14]. Результатом работы комиссии стало утверждение основного принципа оказания социальной помощи – адресность.

Важно отметить, что идеи служения народу, которыми были отмечены многие труды известных философов, деятелей культуры и науки того времени создали благодатную почву для развития частной инициативы. Так, Н.К. Михайловский, который, по характеристике российского «энциклопедиста» С.А. Венгерова, стал идеологом поколения 1870-х годов [Венгеров, 1896, с. 492] «очеловечивает» идею прогресса, выдвигая на первый план принципы служения обществу и принесения себя в жертву для общего блага. Способность к такому подвижничеству отличает развитую личность, выделяет ее из толпы [Горнов, 2008]. Как отмечает В. А. Горнов, социально-психологическая модель «кающегося дворянина» становится сутью деятельности освободительного движения 40-60-х годов XX века в России, и показывает его отличие от западноевропейского демократизма, созданного классовой борьбой, а не чувством вины.

Мы полагаем, что благоприятной почвой для развития данной идеи, ее духовным родником стали ценности православия, которые изначально не учитывали сословные отличия, что и проявилось ранее в развитии системы народного образования, а позднее системы здравоохранения. Во многом на их становление как отмечает В.В. Тевлина, повлияло развитие самоуправления. К тому же система деятельности земских и городских органов самоуправления оказалась намного эффективнее: «по количеству учреждений она превосходила всю государственную систему призрения почти в 2 раза» [Тевлина, 2002, с. 64-67]. Важно отметить, что помощь, оказываемая органами самоуправления имела разные форматы: от предоставления земельного надела («более того, 38 млн. сельских и городских жителей, т. е. каждый третий в стране, получили надел земли от сельского или городского местного управления» [Тевлина, 2011, с. 153]) до вложений в образование, здравоохранение и социальную поддержку населения, «составившими основную статью расходов бюджета земств, рост которого между 1864 и 1913 годами вырос с 14,7 до 253,8 млн. рублей» [Polunov, 1995, p. 144].

Кроме этого для защиты прав рабочих в 1901 г. был издан указ о получении пенсии из казны при утрате трудоспособности, а в Законе 1903 года была зафиксирована обязанность работодателей «выплачивать пособия и пенсии фабричным и горнозаводским рабочим при несчастных случаях, компенсировать им расходы на лечение» [Гусаков, 2015, с. 144].

К 1914 г. общественное попечение о детях в России соответствовало европейскому. В Петербурге в 1902 г. работали 393 бесплатные и дешевые столовые, которые были открыты благотворителями и благотворительными обществами [Елефренко, 2008, с. 67-80]. Обществом попечения о бедных и больных детях «Синий крест» было организовано не только питание, обучение в «Трудовом убежище», воскресные занятия «на духовные, литературные и научные темы», но и летний отдых для наиболее слабых детей, где они «отдыхали на чистом воздухе от трудов и пыли города» [Отчет первой детской столовой…, 1906]. Общество за время своего существования увеличило число призреваемых с 25 до 1000 человек. Фребелевское общество на рубеже веков организовало в Санкт-Петербурге первые детские сады и летние колонии для малолетних [Курочкина, 2012]. Как заключает И.Н. Курочкина, по созданию специализированных учебных заведений для детей, родившихся инвалидами, Россия в начале XX века занимала одно из передовых мест в мире. Более того, Анатолий Безкоровайны подчеркивает государственный характер оказания в имперской России медицинской помощи, что значительно отличает социальный характер поддержки, оказываемой государством населению от западного мира [Bezkorovainy, 2018, p. 46].

Таким образом, к началу XX века модель социальной политики в России представляла симбиоз государственного администрирования, активной деятельности общественных организаций, органов местного самоуправления и частных лиц. Данная модель вполне соответствовала идее В.И. Герье, положившего начало сравнительно-историческому изучению различных систем и национальных моделей общественной помощи. Изучая благотворительность и социальное обеспечение в странах Западной Европы, таких, как Англия, Франция, Германия, Австрия, Швейцария, Италия, Бельгия, государствах Скандинавии и сопоставляя их системы с российской, он отмечал общность их исторических корней: «В соразмерном участии и стройном взаимодействии общины, области и государства заключается условие правильной организации и успешного хода дела в призрении бедных» [Герье, 1897a, Герье, 1897b, с. 174]. В.И. Герье рассматривал общественное призрение как культурную форму благотворительности, отличавшуюся от более ранних и примитивных

ее форм организацией, мотивами и целями, поскольку субъектом общественного призрения является уже «коллективное лицо» – община или земская единица, организованная в общину (территориально-административную основу призрения) [Горнов, 2008], а целью – «разумное обеспечение нуждающихся и предупреждение нищеты, мотивируемое общественным интересом, сознанием гражданской солидарности между членами общины и заботой правительства о благе подданных» [Герье, 1897b, с. 174].

Данное понимание В.И. Герье системы общественного призрения фактически совпадает с более широким пониманием социальной политики, которое мы рассматриваем как стратегию организации социального взаимодействия и развития общества, обеспечивающую поддержание определенного уровня качества жизни населения и его благосостояние. Оно было также созвучно идеям, доминировавшим в России на рубеже XIX-XX вв., создавшим благоприятную почву для рассмотрения социальной поддержки как одной из приоритетных социально-политических задач общественности и государственной власти одновременно [Тевлина, 2011, с. 154].

Подчеркнем, что многие механизмы социальной поддержки населения, созданные к началу XX века нашли продолжение и развитие после 1917 г. Так, по мнению Анатолия Безкоровайны система бесплатной и доступной медицинской помощи в Советском государстве не была самостоятельным явлением, а выступала своеобразной модификацией модели медицинской помощи, сложившейся в имперскую эпоху [Bezkorovainy, 2018, с. 47]. Можно лишь отметить, что изменения в социальной политике, произошедшие после октябрьской революции сменили детерминанты в ее организации от принципов демократизации и адресности к государственно-централизованной парадигме [Тевлина, 2011, с. 154]. Это было закреплено в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года.

Период до 30-х гг. XX в. ознаменовался поиском концептуальных подходов по организации социальной помощи гражданам и механизмов стабилизации социальной обстановки. С этой целью были созданы специальные органы ответственные за социальную помощь и поддержку людям. 31 октября 1918 года было принято «Положение о социальном обеспечении трудящихся» заложившего основные принципы социальной политики, подразумевавшие принятие молодым государством ответственности за социальное обеспечение всех без исключения граждан РСФСР, источником существования которых являлся лишь собственный труд, социальное обеспечение трудящихся за счет государства и через органы власти [60 лет…, 1977]. Принцип социальной справедливости, который был заложен в основу реализации социальной политики стал приоритетным во время хрущевских реформ (1956–1964 гг.). Это позволило системе социального обеспечения в отношении равенства доступа и объема услуг стать одной из лучших в мире, несмотря на то, что в среднем уровень жизни населения был не очень высоким. Важно отметить, что советская модель социальной политики была взята за основу многими государствами, в том числе и Европы.

В 80-е гг. XX в. усиливаются противоречия в реализации принципа «социальной справедливости» [Гринберг, 2012; Гринберг, 2016; Заславская, 1986], проявляющиеся в распределении и начислении заработной платы, премий по формальным признакам, уравниловке. Как отмечают А.И. Гретченко и Н.А. Каверина «в период перестройки уравнительный принцип в распределении социальных благ стал трактоваться как источник социальной несправедливости и социальной напряженности» [Гретченко, Каверина, 2020, с. 73], что привело на фоне социально-экономических изменений, произошедших

в конце 1980-х гг. (внедрение хозрасчета, кооперативов, платных услуг) и начале 1990-х (дефицит товаров, экономический кризис), к смене самого понимания социальной справедливости [Гретченко, Каверина, 2020, с. 73; Наумова, Роговин, 1987], которую перестали рассматривать в рамках сохранения общественного баланса, сфокусировав все внимание на личных приобретениях индивида, которые демонстрировало его экономическое положение.

Данные тенденции в России совпадают с происходящим в это время общемировым кризисом идеи социального государства, что нашло отражение в Конституции 1993 г., где появляется термин «социальное государство» как отражение концепции рыночной экономики welfare state [Esping-Andersen, 1990], полностью отвергающей социал-демократическую модель, сформированную в СССР. Е.Н. Данилова отмечает: «Социальные расходы, как неэффективные и порождающие иждивенчество, рассматривались как бремя для экономики; социальное равенство ушло на задний план, а дифференциация стала важным критерием справедливости» [Данилова, 2018, с. 44].

Таким образом, постсоветский период характеризуется разрушением всех достижений, сделанных Россией в отношении формирования собственной модели социальной политики, основанной на ценностях православия, активном участии личных инициатив и достаточно либеральной поддержке со стороны государства многих начинаний. Переход к рыночным условиям сопровождался приватизацией учреждений, предоставлявших социальные услуги, и развитием рынка платных услуг, прежде всего в сферах здравоохранения, образования и жилья. Государственное финансирование социальной сферы и отдельных направлений социальной политики было заменено обязательными страховыми взносами, для которых создавались внебюджетные социальные фонды [Данилова, 2018]. Подмена ценности «общежития» на доминирование индивидуализма было закреплено на уровне Конституции 1993 г., где были зафиксированы требования обеспечения индивида свободой выбора, равными возможностями для достижения благополучия, что, несомненно, обязывало отказаться от советской патерналистской системы и иждивенчества в сторону ответственности личности за сделанный ею выбор. Это фактически сняло с государства ответственность за все риски, а введение в тоже время платных услуг (например, медицинских), институтов страхования и адресной социальной помощи – по мнению экспертов, должно было дисциплинировать население, воспитывать более ответственное отношение и к своему здоровью, и к использованию социальных услуг [Данилова, 2018, с. 45]. Мы же полагаем, что ориентир на индивидуализм скорее способствовал формированию непомерных ожиданий от государства предоставления разнообразного спектра «выбора», что фактически и явилось катализатором роста иждивенческих настроений в обществе. Восприятие себя изолированно от социума стало источником не только неадекватного восприятия действительности, порождающего завышенные требования и построение оторванных от реальности планов, но и препятствовало установлению позитивной коммуникации для реализации имеющегося потенциала личности. Как следствие, нарастание депрессивных настроений в обществе, у одних как следствие ниспровержения общественных идеалов советского периода, подпитываемого насаждением этики рыночных отношений, а у других уже в более позднем периоде разочарование из-за крушения «воздушных замков».

Подмена социальных ориентиров привела к кардинальному изменению статуса социальной политики, которая из составляющей внутренней политики перешла в разряд политики «неотложных мер» [Offe, 1993]. В итоге осуществленных реформ 90-х гг. XX в. 70-90 % населения оказались на границе нищенского существования. Впервые за послевоенные годы (1945–1989 годы) в пятидесяти территориях России смертность превысила рождаемость, а задолженность по выплате заработной платы работникам различных предприятий и организаций составила 4,2 трлн. рублей [Россия на пороге 21 века…, 2006 с. 143-145]. Социально-экономическая ситуация спровоцировала не только снижение уровня жизни населения, но поставила под угрозу институт семьи, спровоцировала разрушение вековых ценностей традиционных для российского общества.

Анализ трансформаций, происходящих с социальной политикой в России вначале XXI в. не входит в задачи данной статьи, поскольку мы пытались выявить тот момент, когда происходит смена концептуальных подходов к рассмотрению ее тесной взаимосвязи с определением внутренней политики. Вторым значимым для нас моментом при ретроспективном анализе формирования модели социальной политики характерной для России было выявление ее специфики в рамках социокультурного развития государства, обусловленного доминирующим типом вероисповедания, определенными отношениями между правительством и народом. Результаты анализа показали, что критическое отношение к исторически сложившейся модели в России, обвинения ее в формировании потребительского, иждивенческого отношения населения к государству, отсутствию условий для стимуляции активности человека [Кузьмен, 2013, с. 64], скорее обусловлено недостаточным вниманием к роли идеологической составляющей, а именно ценностей православия. Мы полагаем, что именно данный фактор обусловил воспитание коллективной ответственности, проявлявшейся в разнообразных формах благотворительности, распространении идеологии «кающегося дворянина» и нарождающемся сегодня волонтерском движении, активизировавшем деятельность многочисленных благотворительных обществ, фондов и объединений, среди которых Красный Крест (1864) и др. Попытки привлечения народной инициативы к решению разнообразных задач общественного развития являются, по нашему мнению, свидетельством возврата к политико-идеологической ориентации на приоритет общечеловеческих ценностей и ценностей православия в том числе. Реализация же пропагандируемой «субсидиарной» модели социальной политики, в которой «роль государства сводится к созданию механизмов регулирования и к самому регулированию этих отношений» [Социальная политики государства…, 2003, с. 44] как раз более соответствует модели политики «неотложных мер», что лишь благоприятствует увеличению разрыва между формированием внутренней политики и социальной.

Полагаем, что в современных условиях социальная политика должна быть приоритетна для властных структур любого государства. Если мы признаем, что ухудшение благосостояния населения, снижения уровня его жизни, нарушение баланса в обществе, подрывает устойчивость страны и может спровоцировать ее внутренние кризисы, а как следствие – невозможность противостоять внешним угрозам, то разделять управление государством в целом, с последствиями выбранных стратегий в отношении внутренней политики, и социальной, в том числе, является крайне недальновидным.

Таким образом, считаем, что рассмотрение феномена социальной политики в отрыве от системы выстраивания взаимоотношений между государством и обществом провоцирует рост социального неравенства, социальных беспорядков приводящих к конфликту и проявлению недовольства населением. Необходим учет взаимосвязи между формированием вертикали управления государством и появлением будущих социальных проблем, с которыми призвана работать социальная политика в рамках ее восприятия как составной части внутренней политики государства, воплощенной в его социальных программах и практике регулирования отношений в обществе, чтобы создавать эффективные долгосрочные программы по развитию государства в целом. Но кроме этого, важно учитывать преемственность с исторически сформировавшейся моделью социальной политики в России, которая идеологически основывалась на реализации принципов взаимопомощи, общежития, благотворения, синтезе государственного администрирования, деятельности общественных организаций, органов местного самоуправления и частных лиц.

Список литературы / References

60 лет советского здравоохранения. (1977). М.: Медицина. 416 с.
60 years of Soviet health care. (1977). Moscow. 416 p. (In Russ.)

Абрамова, М. А. (2016). *Мультикультурализм как социокультурный феномен: историческая динамика, трансляция моноэтничными и межэтническими семьями*. Новосибирск: Параллель.
Abramova, M. A. (2016). Multiculturalism as a sociocultural phenomenon: historical dynamics, transmission by mono-ethnic and interethnic families. Novosibirsk. (In Russ.)

Андреевский, И. Е. (1889). О первых шагах деятельности С.-Петербургскаго приказа общественного призрения. (На основании архивных документов). Читано на торжественном акте археологического института 14-го мая 1889 г. *Русская старина*. Т. 63. № 8. С. 447-456. [Электронный ресурс]. URL: http://memoirs.ru/texts/Andreevsk_RS89T63.htm (дата обращения: 10.02.2025).
Andreevsky, I. E. (1889). On the first steps of the activities of the St. Petersburg Prikaz of Public Welfare. (Based on archival documents). Read at the ceremonial act of the archaeological institute on May 14, 1889. *Russkaya Starina*. Vol. 63. No. 8. Pp. 447-456. [Online]. Available at: http://memoirs.ru/texts/Andreevsk_RS89T63.htm (Accessed: 10.02.2025). (In Russ.)

Ануфриев, К. И. (1913). *Нищенство и борьба с ним. Материалы для подготовительной комиссии для разработки вопроса по реорганизации борьбы с нищенством в С.-Петербурге*. СПб.
Anufriev, K. I. (1913). *Beggary and the fight against it. Materials for the preparatory commission for the development of the issue of reorganizing the fight against beggary in St. Petersburg*. St. Petersburg. (In Russ.)

Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. (1901). Т. 1. Ч. 1, 2. СПб.

Charitable Russia. History of state, public and private charity in Russia. (1901). Vol. 1. Part 1, 2. St. Petersburg. (In Russ.)

Бокарев, Ю. П. (2018). Первые пенсионные системы Российской империи. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки.* № 4. С. 15-24.

Bokarev, Yu. P. (2018). The First Pension Systems of the Russian Empire. *Bulletin of the South Ural State University. Series 'Humanities and Social Sciences'*. No. 4. P. 15-24. (In Russ.)

БСЭ. (1975). 3-е изд. тт. 1-30. Т. 20. М.: Советская энциклопедия. 650 с.

The Great Soviet Encyclopedia. (1975). 3rd ed. Vols. 20. Moscow. 650p. (In Russ.)

Васильева, Е. Г. (2008). «Социальное государство» и новая модель социальной политики в России. *Власть*. 2008. № 11. С. 27-30.

Vasilyeva, E. G. (2008). "The Social State" and the New Model of Social Policy in Russia. *Vlast'*. No. 11. Pp. 27-30. (In Russ.)

Венгеров, С. (1896). Михайловский. *Энциклопедический словарь.* Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 19: А. СПб.

Vengerov, S. (1896). Mikhailovsky. In Brockhaus, F. A. Efron, I. A. (eds.). *Encyclopedic Dictionary*. Vol. 19: A. St. Petersburg. (In Russ.)

Герье, В. И. (1897a). *Записки об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки*. М.

Guerrier, V. I. (1897a). *Notes on the historical development of methods of charity in foreign countries and on the theoretical principles of its correct formulation*. Moscow. (In Russ.)

Герье, В. И. (1897b). Призрение общественное. *Энциклопедический словарь.* Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 21. СПб.

Guerrier, V. I. (1897b). Public charity. In Brockhaus, F. A. Efron, I. A. (eds.). *Encyclopedic dictionary*. Vol. 21. St. Petersburg. (In Russ.)

Горнов, В. А. (2008). Из истории развития общественного призрения в российской социальной мысли второй половины XIX – начала XX века. *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. № 20. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-obschestvennogo-prizreniya-v-rossiyskoy-sotsialnoy-mysli-vtoroy-poloviny-xix-nachala-hh-veka (дата обращения: 10.02.2025).

Gornov, V. A. (2008). From the history of the development of public charity in Russian social thought of the second half of the XIX – early XX century. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* No. 20. [Online]. Available at: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-razvitiya-obschestvennogo-prizreniya-v-rossiyskoy-sotsialnoy-mysli-vtoroy-poloviny-xix-nachala-hh-veka (дата обращения: 10.02.2025). (In Russ.)

Гретченко, А. И., Каверина, Н. А. (2020). Реализация принципов социальной справедливости в современной социальной политике (на примере национального проекта «человеческий капитал»). *Вестник НГУЭУ. Общество и экономика: проблемы развития*. № 2. С. 71-85. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-2-071-085

Gretchenko, A. I., Kaverina, N. A. (2020). Implementation of the principles of social justice in modern social policy (on the example of the national project "human capital"). *Vestnik NSUEM. Society and Economy: Problems of Development*. No. 2. Pp. 71-85. DOI: 10.34020/2073-6495-2020-2-071-085. (In Russ.)

Гринберг, Р. С. (2012). *Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора*. М.

Greenberg, R. S. (2012). *Freedom and Justice. Russia's Temptations of False Choice*. Moscow. (In Russ.)

Гринберг, Р. С. (2016). *В поисках равновесия*. М.

Greenberg, R. S. (2016). *In Search of Equilibrium*. Moscow. (In Russ.)

Гусаков, Д. Б. (2015). *Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой аспект*. Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб.

Gusakov, D. B. (2015). *Genesis of state pension provision and social insurance in the Russian Empire: historical and legal aspect*. Dissertation of cand. of law. St. Petersburg. (In Russ.)

Данилова, Е. Н. (2018). Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России. *Мир России*. Т. 27. № 2. С. 36–61. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61

Danilova, E. N. (2018). Transformations of Social Policy and Discourse of Social Justice in Russia. *Universe of Russia (Mir Rossii)*. Vol. 27. No. 2. Pp. 36–61. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-36-61. (In Russ.)

Детская помощь. № 11. (1894). СПб.

Children's aid. No. 11. (1894). St. Petersburg. (In Russ.)

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. (1976). Отв. ред. акад. Л. В. Черепнин. М.: Наука.

Cherepnin, L. V. (ed.). (1976). *Old Russian Princely Charters of the 11th–15th*. Moscow. (In Russ.)

Елефренко, И. О. (2008). Некоторые аспекты социальной политики в России в досоветский период. *Гуманитарное знание. Сб. ст*. СПб.: Астерион. С. 67-80.

Elefrenko, I. O. (2008). Some aspects of social policy in Russia in the pre-Soviet period. In: *Humanitarian knowledge. Collection of articles*. St. Petersburg. Pp. 67-80. (In Russ.)

Заславская, Т. И. (1986). Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость. *Коммунист*. № 13. С. 61-73.

Zaslavskaya, T. I. (1986). The human factor in economic development and social justice. *Kommunist*. No. 13. Pp. 61-73. (In Russ.)

Иванов, В. С. (2010). Проект конституционного преобразования М. М. Сперанского. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. № 3. С. 288-291

Ivanov, V. S. (2010). The project of constitutional transformation of M. M. Speransky. *Intellectual potential of the XXI century: stages of knowledge*. № 3. Pp. 288-291. (In Russ.)

Кононова, Т. Б. (2014). *История социальной работы*. М.: Юрайт.

Kononova, T. B. (2014). *History of social work*. Moscow. (In Russ.)

Кузьмен, О. В. (2013). Анализ эволюции модели социальной политики государства в РФ. *Идеи и идеалы*. Т. 2. № 1 (15). С. 63-69.

Kuzmen, O. V. (2013). Analysis of the evolution of the model of social policy of the state in the Russian Federation. *Ideas and Ideals*. Vol. 2. No. 1 (15). Pp. 63-69. (In Russ.)

Курочкина, И. Н. (2012). *Русская педагогика. Страницы становления (VIII–XVIII вв.)*. М.: Флинта. 112 с.

Kurochkina, I. N. (2012). *Russian pedagogy. Pages of formation (VIII–XVIII centuries)*. Moscow. 112 p. (In Russ.)

Ленин, В. И. (1969). Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 33. М.: Госполитиздат.

Lenin, V. I. (1969). *Complete Works,* 5th ed. Vol. 33. Moscow. (In Russ.)

Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. Т.1. М.: Госполитиздат.

Marx, K., Engels, F. (1955). *Works*. 2nd ed. In 50 vols. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Моторова, Н. С. (2020). Отражение социальной политики российской империи в 1861–1914 годах в англо-американской историографии. *Известия Смоленского государственного университета. Исторические науки и археология*. № 2 (50). С. 189-202.

Motorova, N. S. (2020). Reflection of the Social Policy of the Russian Empire in 1861–1914 in Anglo-American Historiography. *Bulletin of Smolensk State University. Historical Sciences and Archeology*. No. 2 (50). Pp. 189–202. (In Russ.)

Наумова, Н. Ф., Роговин В. З. (1987). Задача на справедливость. *Социологические исследования*. № 3. С. 12–23.

Naumova, N. F., Rogovin V. Z. (1987). The task of justice. *Sociological Studies*. No. 3. Pp. 12-23. (In Russ.)

Отчет первой детской столовой Литейно-Рождественского отдела попечения о бедных и больных детях, состоявшего под покровительством Ее императорского Высочества великой княгини Елизаветы Маврикиевны за 1905 год. (1906). СПб.

Report of the first children's canteen of the Liteino-Rozhdestvensky Department for the Care of Poor and Sick Children, under the patronage of Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Mavrikievna for 1905. (1906). St. Petersburg. (In Russ.)

Победоносцев, К. П. (1898). *Организация общественного призрения в России*. СПб.

Pobedonostsev, K. P. (1898). *Organization of public charity in Russia.* St. Petersburg. (In Russ.)

Подольский, В. А. (2021). Социальная политика в Российской империи. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. Вып. 3 (844). С. 126-139. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_126

Podolsky, V. A. (2021). Social Policy in the Russian Empire. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. Iss. 3 (844). Pp. 126-139. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_126 (In Russ.)

Полное собрание законов Российской Империи 1649–1825: в 45 т. Т. VI: 1720–1722 гг. (1830). Под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. № 14252. С. 57-58

Speransky, M. M. (ed.) (1830). *Complete collection of laws of the Russian Empire 1649–1825*. In 45 vols. Vol. VI. 1720–1722. St. Petersburg. № 14252. Pp. 57-58 (In Russ.)

Полное собрание законов Российской Империи 1649–1825: в 45 т. Т. XX. 1775–1780 гг. (1830). *Под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.* № 14392. С. 229

Speransky, M. M. (ed.) (1830). *Complete collection of laws of the Russian Empire 1649–1825*. In 45 vols. Vol. XX. 1775–1780. St. Petersburg. No. 14392. Pp. 217 (In Russ.)

Романов, П. В. (2003). Социальные изменения и социальная политика. *Журнал исследований социальной политики*. Т. 1. № 1. С. 45-67.

Romanov, P. V. (2003). Social Change and Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 45-67. (In Russ.)

Россия на пороге 21 века. Оглядываясь на век минувший. (2000). М.: Наука. 342 с.

Russia on the threshold of the 21st century. Looking back at the past century. (2000). Moscow. 342 p. (In Russ.)

Социальная политики государства: учеб. пособие (2003). Науч. рук. Н. Д. Вавилина; отв. ред. О. В. Кузьмен. Новосибирск: СибАГС.

Social policy of the state: a textbook (2003). N. D. Vavilina, O. V. Kuzmen (eds.). Novosibirsk. (In Russ.)

Стоглав. (1862). Казань: Типография губернского правления.
Stoglav. (1862). Kazan. (In Russ.)

Тевлина, В. В. (2002). *Образование в области социальной работы в России: история, тенденции, опыт*. Архангельск: Издательский центр СГМУ. 398 с.
Tevlina, V. V. (2002). *Education in the field of social work in Russia: history, trends, experience*. Arkhangelsk. 398 p. (In Russ.)

Тевлина, В. В. (2011). Социальная политика России в исторической ретроспективе. *Ученые записки СПбГИПСР*. Т. 16. Вып. 2. С. 152-157.
Tevlina, V. V. (2011). Social Policy of Russia in Historical Retrospect. *Scientific notes journal of St. Petersburg state institute of psychology and social work*. Vol. 16. Iss. 2. Pp. 152-157. (In Russ.)

Фирсов, М. В. (1999). *История социальной работы в России: учебное пособие*. М.: ВЛАДОС.
Firsov, M. V. (1999). *History of social work in Russia: a textbook*. M. (In Russ.)

Bezkorovainy, A. (2018). *Science and Medicine in Imperial Russia*. Chicago: Lily Enterprises, Inc. XIX. 468 p.

Esping-Andersen, G. (1990). *Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton.

Gorshkov, B. B. (2009). *Russia's Factory Children: State, Society, and Law, 1800–1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. XII. 216 p.

Huff, D. (2002). *The Social Work history station*. New York: Boise State University. 110 p.

Levenstam, T. (1981). Kyrklig diakoni och samhallets sociala omsorgsarbete. Alvsjo: Skeab/Verbum. 367 p.

Lindenmeyr, A. (1996). *Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press. XIV. 335 p.

Lindenmeyr, A. *Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia*. Princeton: Princeton University Press, XIV. 335 p.)

Offe, C. (1993). The Politics of Social policy in East European Transitions: Antecedents, Agenda, and Agenda of Reform. *Social research*. Vol. 60. No 4. Pp. 193-219. DOI:10.1007/978-3-658-22263-5_11

Polunov, Al. (1995). *Russia in the nineteenth century. Autocracy, reform, and social change, 1814–1914*. New-York – London. 286 p.

Yaney, G. L. (1973). *The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Urbana: University of Illinois Press, XVI. 430 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: marika24@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6923-3564

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025
После доработки: 12.03.2025
Принята к публикации: 24.03.2025

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: marika24@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6923-3564

The paper was submitted: 14.02.2025
Received after reworking: 12.03.2025
Accepted for publication: 24.03.2025

УДК 314

ИЗУЧЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Н. В. Потапова
Сахалинский государственный университет (г. Южно-Сахалинск)
napotapova@yandex.ru

Аннотация: Цель статьи – представление обзора изучения демографических и миграционных процессов в Сахалинской области в конце XX – начале XXI вв. Для достижения цели были обобщены и систематизированы результаты социогуманитарных исследований (в области истории, социологии, этнографии, экономики, политологии), затрагивающие выбранную тему, как в историческом контексте, так и на современном этапе. На основе обобщения подходов составлена периодизация изучения демографических и миграционных процессов в регионе. Исследование базируется на принципах объективности, историзма и системности, в основе авторской периодизации истории изучения темы лежит проблемно-хронологический подход. Отмечается недостаточная изученность темы, отсутствие комплексных систематических исследований по тематике статьи.

Ключевые слова: Сахалинская область, демография, миграции, история изучения, исследования.

Для цитирования: Потапова, Н. В. (2025). Изучение демографических и миграционных процессов в Сахалинской области в конце XX – начале XXI вв. *Respublica Literaria.* Т. 6. № 1. С. 106-120. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.106-120

STUDY OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES IN THE SAKHALIN REGION AT THE END OF THE XX – XXI CENTURIES

N. V. Potapova
Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk)
napotapova@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to determine the degree of study of demographic and migration processes in the Sakhalin Region from the beginning of research on this topic to the present day. To achieve this goal, all socio-humanitarian studies (in the field of history, sociology, ethnography, economics, political science) affecting issues of demography and migration in the Sakhalin Region, both in the historical context and at the present stage, were identified and systematized; an analysis of scientific literature was conducted, the main author's approaches and topics were identified; a periodization of the study of demographic and migration processes in the region was compiled. The study is based on the principles of objectivity, historicism and consistency; the author's periodization of the history of studying the topic is based on the problem-chronological approach. Insufficient study, the absence of comprehensive systematic studies of demographic and migration processes in the region are noted.

Keywords: Sakhalin Region, demography, migration, history of study, research.

For citation: Potapova, N. V. (2025). Study of Demographic and Migration Processes in the Sakhalin Region in the XX–XXI centuries. *Respublica Literaria.* Vol. 6. No. 1. Pp. 106-120. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.106-120

Введение

Сахалинская область – единственный в Российской Федерации островной регион, включающий остров Сахалин и Курильские острова. Это регион периферийный, максимально отдаленный от центральной России, пограничный, фронтирный, слабозаселенный (средняя плотность населения 5,6 чел. на 1 кв. км, что ниже среднероссийского показателя 8,57 чел. на 1 кв. км.), находящийся в неблагоприятных природно-климатических условиях, и в то же время – ресурсный. Особенности его демографической истории и современности предопределены комплексом объективных внешних и внутренних факторов. Внешними геополитическими и военно-политическими факторами можно считать: необходимость заселения Сахалина в середине XIX в. для укрепления здесь геополитического положения Российской империи; массовый отъезд российского населения в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.; передачу южной половины острова Японии и массовое заселение юга Сахалина японцами и корейцами (по трудовой принудительной мобилизации), а после 1945 г. – репатриацию японского населения и айнов. Внутренние обстоятельства, определявшие демографические и миграционные процессы на островах – необходимость освоения островных территорий (каторжный тип колонизации, начало разработки здесь угольных месторождений); мобилизационный характер советской экономической системы; депортация корейского населения в 1930-е гг. в Среднюю Азию; трудовая миграция из Северной Кореи после 1945 г.; миграции по программе переселения из регионов СССР, разоренных войной; приезд на остров высококвалифицированных специалистов по распределению из ведущих вузов страны в послевоенный период. В конце XX – начале XXI в. определяющими в развитии демографической ситуации в регионе стали депопуляционные процессы и массовая трудовая миграция из стран Центральной Азии. В связи с этим не вызывает сомнений особенная актуальность не только комплексного исследования демографических и миграционных процессов на островах, но и истории их изучения, определения степени их изученности.

Цель статьи – представление обзора материалов, посвященных изучению демографических и миграционных процессов в Сахалинской области в конце XX – начале XXI вв. Задачи: обобщение и анализ научной литературы по теме; систематизация и анализ информации об исследователях, занимающихся этой проблематикой, выявление их основных подходов и тем; составление периодизации изучения демографической и миграционной проблематики. Предмет исследования – научная литература, посвященная демографическим и миграционным процессам в Сахалинской области. Исследование основано на принципах объективности, историзма и системности, анализ научной литературы основан на проблемно-хронологическом подходе, ставшем основой авторской периодизации истории изучения темы.

Результаты

Период «перестройки» и начальный этап постсоветской истории науки (конец 1980-х – 1990-е гг.) связаны с включением в сферу интересов исследователей новой научной проблематики, разработкой новых теоретико-методологических оснований исследований.

Вклад в исследование демографических и миграционных процессов в исторической ретроспективе внесли ученые, занимающиеся вопросами освоения региона, переселений, его этнической историей. С середины 1980-х гг. историк и этнограф М. И. Ищенко изучала русских старожилов Сахалина. Она стремилась не только найти районы исхода и проследить маршруты переезда русского населения, заселявшего остров в период каторги, но и показать, что, несмотря на господствующую в публицистической и научной литературе «теорию всеобщего бегства» с каторжного острова, уже к началу XX в. здесь было постоянное, старожильческое население, хранящее русские традиции, ставшее основой русского присутствия на фронтирной территории [Ищенко, 1985; Ищенко, 1993]. Историк А. И. Костанов в книге 1990 г. впервые исследовал освоение Сахалина русскими людьми [Костанов, 1990], завершающей фазой освоения он считал «народохозяйственное использование территории», напрямую связанное с заселением и строительством населенных пунктов [Костанов, 1990, с. 6]. Фактически его небольшое исследование, охватившее только «дооктябрьский» период и выполненное в формационном методологическом ключе, поставило важную научную проблему – необходимость изучения процессов заселения, миграций, исторической демографии на всех этапах истории островного региона в тесной связи с реализуемой государственной социально-экономической политикой и внешнеполитическими процессами в регионе. В этот же период рост этнического самосознания в корейском сообществе приводит к появлению работ по истории возникновения и развития корейской диаспоры на Дальнем Востоке и в Сахалинской области. Работы сахалинского ученого-экономиста Бок Зи Коу на рубеже 1980–1990-х гг. посвящены переселению корейцев на остров, их жизни при колониальном японском режиме и при советской власти. Он первым дает обоснованные оценки депортации, прослеживает миграционные процессы, динамику численности, отражает проблемы разделенных семей и репатриации на историческую родину в 1990-е гг., приводит периодизацию насильственной трудовой мобилизации и завоза корейцев на Сахалин японскими властями [Бок Зи Коу, 1989; Бок Зи Коу, 1993]. В этом же направлении с начала 1990-х гг. ведет исследования сахалинский историк А. Т. Кузин, издавший в 1993 г. обзорную книгу о дальневосточных (в частности, о сахалинских) корейцах, история которых исследуется в контексте миграций [Кузин, 1993].

В конце 1990-х гг. – первом десятилетии XXI в. в условиях демографического кризиса, связанного с активным оттоком населения из региона, начинается целенаправленное комплексное изучение историко-демографических и миграционных процессов на островах. Статьи, диссертация, посвященная эволюции государственной политики формирования населения Сахалинской области в XX в. (1999), и монография по исторической демографии были написаны В. В. Щегловым [Щеглов, 1999; Щеглов, 2000а; Щеглов 2000б; Щеглов, 2001; Щеглов, Саламатова, 2005]. В монографии «Население Сахалинской области в XX веке» [Щеглов, 2002] исследуется социально-демографическое развитие региона в посткаторжный период, в XX в. выявляются факторы, повлиявшие на процесс формирования населения островов. Главным понятием, вокруг которого концентрируется исследование, стало понятие «государственной политики формирования населения Сахалинской области», под ним автор понимает «комплекс государственных социально-экономических и политических мероприятий, влияющих на численность населения, уровень его жизни, социально-демографический и национальный состав, продолжительность проживания

(“уровень закрепления”) и миграционную подвижность» [Щеглов, 2002, с. 5]. Высокий уровень миграционной активности он считает характерной чертой населения Сахалинской области. Отмечая тенденцию депопуляции, как свойственную всему российскому Дальнему Востоку в 1990-е гг., В. В. Щеглов считал ее критической для Сахалинской области и связанной именно с отсутствием адекватной государственной демографической политики [Щеглов, 2002, с. 4]. Историк корейской диаспоры А. Т. Кузин в этот период изучает естественные, насильственные и вынужденные процессы миграции в среде корейского населения Сахалина на протяжении всей истории его пребывания здесь, результатом исследования становится издание в 2009–2010 гг. 3-х томной работы «Исторические судьбы сахалинских корейцев» [Кузин, 2009; Кузин, 2010а; Кузин, 2010б]. А. Т. Кузин в методологическом плане рассматривает Дальний Восток как «контактную зону», не заявляя напрямую об использовании этой теории, разработанной сахалинскими исследователями А. А. Василевским, М. С. Высоковым и др. (см. об этом далее в тексте). Он понимает Дальний Восток, как огромное пространство, которое «являлись зоной, свободной для спонтанных и вынужденных миграций населения, зоной межэтнических, цивилизационных, экономических и культурных контактов» [Кузин, 2009, с. 7]. М. И. Ищенко в начале XXI в. результаты своих многолетних исследований миграционных и демографических процессов в среде русского населения Сахалина в дореволюционный период представила в формате обобщающей монографии, где убедительно доказала, что в условиях сахалинской каторги сложилось старожильческое русское население острова [Ищенко, 2007].

В 1990-х гг. начинают издаваться учебные пособия по истории региона. Пособие «Экономика Сахалинской области» 1998 г., написанное историком М. С. Высоковым и экономистом Бок Зи Коу, содержит значительный статистический материал, касающийся демографического развития области, который используется как иллюстрация к анализу исторического развития. Поскольку издание было посвящено обзору истории формирования экономики региона, то и статистический материал был раскрыт лишь в данном контексте [Экономика Сахалина …, 1998]. В 2003 г. теми же авторами было опубликовано учебное пособие «Экономика Сахалина», представляющее собой расширенную версию предыдущего издания [Экономика Сахалина ..., 2003]. Миграционные процессы в этом пособии упоминаются с точки зрения обеспечения экономики острова трудовыми ресурсами на каждом историческом этапе экономического развития Сахалина вплоть до начала XXI в. Однако до анализа и обобщений авторы не дошли, ограничившись приведением статистических данных и констатацией основных тенденций.

В 2008 г. было издано учебное пособие для студентов вузов по истории региона [Высоков и др., 2008], авторами стали М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко. Методологической основой учебного пособия стала концепция «контактной зоны», достаточно подробно описанная в пособии. В основе ее лежит понимание того, что «острова, лежащие у северо-восточной оконечности Евразии на протяжении многих столетий, являлись своеобразным перекрестком, где встречались представители различных этнических групп, культур и цивилизаций. Населявшие их в разные времена народы испытывали на себе колоссальное воздействие мощных миграционных потоков, которые время от времени буквально захлестывали острова, оставляя на них носителей новых, часто абсолютно чуждых аборигенам культур и цивилизаций» [Высоков и др., 2008, с. 549]. В этом ключе рассматриваются в пособии демографические и миграционные процессы

в главах, посвященных этнической истории региона, заселению, хозяйственному освоению территории, советской переселенческой политике на Северном Сахалине, репатриации японского населения и переселению на Сахалин и Курильские острова советских граждан. Важными стали такие проблемы, как социально-демографические последствия борьбы Хрущева с северными льготами и позднее – возвращение северных льгот, и новый рост численности населения Сахалинской области. Описывая 1990-е гг., авторы отмечают проблему стремительного сокращения населения области вследствие резкого падения рождаемости, роста смертности и оттока населения из региона на фоне бедности, безработицы, социальных конфликтов.

На новом этапе изучения демографических и миграционных проблем (второе – начало третьего десятилетия XXI в.) наиболее острой темой становится изучение трудовой миграции из стран СНГ и в связи с этим межкультурной коммуникации. Дальнейшее развитие историко-демографических исследований представлено в книге В. В. Щеглова «Опыт сахалинских переселений» [Щеглов, 2019]. Ключевым понятием в ней становится «опыт переселений», понимаемый автором как «теория и практика в большей степени упорядоченного перемещения значительных масс людей на Сахалин и Курильские острова из других регионов страны», в объем этого понятия автор включает и указанное в предыдущей книге понятие «государственной политики формирования населения Сахалинской области» [Щеглов, 2019, с. 8]. В этой книге целая глава посвящена теоретико-методологическим основам и понятийному аппарату исследования: автор рассматривает колонизационные теории и содержание понятия «колонизация», сопоставляя его с понятием «освоение», отмечая методологические проблемы его использования [Щеглов, 2019, с. 10-15]. К послевоенному периоду (после 1945 г.) автор применяет термины «инкорпорация», «интеграция», «абсорбция» и дает им толкование [Щеглов, 2019, с. 17]. В статье В. В. Щеглова, посвященной влиянию миграций на национальный состав населения Сахалинской области в 1990-е – начале 2000-х гг., автор обращает внимание на размывание исторически обусловленного большинства славянского населения региона в условиях активизации миграционных процессов, прежде всего миграции представителей стран Центральной Азии [Щеглов, 2021]. Автор данной статьи также внес свой вклад в изучение исторических и современных демографических и миграционных процессов в религиозном и этническом аспектах данного периода [Потапова, 2019; Потапова, 2022; Потапова, 2023], рассматривая исторические аспекты реализации на островах государственной демографической политики, современные демографические тенденции, этно-конфессиональные особенности региона, направления современной государственной национальной политики. Исследование, проведенное нами в 2020–2022 гг. при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А, позволило собрать актуальную информацию о религиозной и этнической ситуации в регионе и, обобщив имеющиеся данные, представить процесс формирования сегодняшней картины поликонфессионального и полиэтничного сообщества региона, в частности, с учетом демографической и миграционной составляющей, современное состояние и основные тенденции его развития. Ю. И. Дин [Дин, 2013; Дин, 2015], обращаясь в своих статьях, диссертации (2015 г.) и монографиях к истории корейской диаспоры на Сахалине, рассматривая исторические аспекты миграционных процессов в среде сахалинских корейцев, разработала авторскую периодизацию этих процессов, выявила особенности переселения корейцев на Сахалин и Курильские острова,

проблему репатриации в советский и постсоветский периоды, проблемы самоидентификации и адаптации переселившихся в Южную Корею сахалинских корейцев и т. п. Ключевым термином, применение которого Ю. И. Дин обосновывает в своих работах, по отношению к сахалинским корейцам, является термин «диаспора» (этническая группа, постоянно проживающая вне территории изначального расселения того этноса, к которому она принадлежит) [Дин, 2015, с. 227].

На этом этапе исследования демографических и миграционных процессов в регионе начинают проводить социологи и экономисты. Особое внимание уделяли ученые этнической миграции, что объяснялось актуальностью проблемы в связи с резким, беспрецедентным по масштабам притоком в регион трудовых мигрантов из стран СНГ. Сахалинский социолог А. Т. Коньков в эти годы исследует проблемы интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области [Коньков, 2013; Коньков, 2015]. Он обосновывает концепцию «новой этнической миграции» как социального конструкта, противопоставляя его феномену этнической миграции периода существования СССР. Особое внимание исследователь обращает на проблему культурной, экономической и социальной интеграции этнических мигрантов в российское общество, отмечая, что интеграция этнических мигрантов включает в себя: а) аккультурацию или приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; б) привыкание принимающего общества к мигрантам; в) натурализацию мигрантов (установление правил и условий приобретения мигрантом статуса постоянного жителя или гражданина принимающей страны) [Коньков, 2015, с. 207, 219]. Социолог Г. В. Боровской в своих статьях неоднократно обращался к теме этнических миграций в контексте изучения проблем экстремизма и межнациональных отношений [Боровской, 2012; Боровской, 2014а; Боровской, 2014б]. Его исследования выявили тенденцию формирования нетерпимого отношения местного населения к приезжим из стран Центральной Азии, существенное число конфликтов между мигрантами и «местными». Г. В. Боровской отмечал высокий уровень агрессии в молодежной среде по отношению к этническим мигрантам, обусловленный как ростом численности приезжих, так и конкуренцией между ними и местной молодежью на местном рынке труда. В среде мигрантов им было отмечено стремление к национально-культурному, религиозному и даже территориальному обособлению. Сахалинский историк-архивист и социолог А. Н. Ким, отмечая тенденцию сокращения населения региона и ростом в его составе доли мигрантов из стран Центральной Азии, также обратился к теме этнической миграции в Сахалинской области. В 2017 г. он провел исследование среди жителей областного центра на тему «Отношение жителей Южно-Сахалинска к проблеме этнической миграции» и пришел к выводу, что значительная часть горожан «находится в состоянии перманентного стресса» вследствие быстрого роста численности мигрантов и высокой их концентрации [Ким, 2021].

Экономист Л. В. Ким в ходе экономико-демографических исследований проводит статистическую оценку, анализ и прогнозирование демографической ситуации в Сахалинской области [Ким, Потапкина, 2018а; Ким, Потапкина, 2018б], охватывая период второго десятилетия XXI в. (2010–2017 гг.). В ее статьях были проанализированы факторы (естественный и миграционный прирост и др.), оказывающие наибольшее влияние на численность населения территории. Отмечая отрицательный темп прироста населения России, Дальнего Востока России и Сахалинской области, автор пришла к выводу, что в регионе он был более интенсивным, чем в макрорегионе и в стране в целом

[Ким, Потапкина, 2018а, с. 7]. Главная причина демографического неблагополучия, по мнению Л. В. Ким, – низкая продолжительность жизни, связанная с низкой эффективностью островного здравоохранения. Другими причинами снижения численности населения в регионе, по ее мнению, являются нехватка рабочих мест, низкая обеспеченность жильем и недостаточный размер прожиточного минимума [Ким, Потапкина, 2018б, с. 131].

Исследование миграционных процессов на островах проводят и ученые, находящиеся за пределами Сахалинской области. М. А. Дудин в статье, посвященной актуальным социально-демографическим проблемам Дальнего Востока России, на основании анализа статистических данных за 2012–1015 гг., в частности по Сахалинской области, пришел к выводу, что в развитии отрицательных демографических тенденций основной причиной стала миграция населения, которая в большей степени дестабилизирует ситуацию в регионе, нежели отрицательный демографический прирост [Дудин, 2016]. В статье Е. Г. Маклашовой описание миграционно-демографической ситуации в Сахалинской области «включается» в макрорегиональный контекст, вследствие чего в ее описании представлен анализ последних статистических данных основных показателей социально-экономического развития и демографических процессов, в частности миграции в регионах Дальневосточного федерального округа. Данные по Сахалинской области автор анализирует в сравнении с другими регионами в контексте внутрирегиональной, внутрироссийской и внешней миграции. Отмечая снижение численности населения региона ввиду высокого уровня оттока и низкого уровня естественного прироста, автор приходит к выводу, что «регионы ДВФО, несмотря на устойчивые хорошие статистические показатели социально-экономического развития … не в состоянии обеспечить достойный комфортный уровень жизни для оставшегося “сокращающегося” населения». Е. Г. Маклашова справедливо подчеркивает, что депопуляция и нехватка трудовых ресурсов на фоне массовой иностранной трудовой миграции в регион приводит к скрытым конфликтам между принимающим сообществом и мигрантами [Маклашова, 2016, с. 71, 73]. К похожим выводам приходят А. В. Ярашева и С. В. Макар, изучающие влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока. Они обратили внимание на сокращение доходов населения Сахалинской области и низкое качество жизни [Ярашева, Макар, 2019].

Ж. М. Баженова и Г. Г. Ермак изучают миграционные процессы в аспекте этнической истории Сахалина, в качестве теоретической модели используя теорию фронтира, они отмечают, что Сахалин является прекрасным полем для исследования проблем колониальной политики, миграции, репатриации, этничности и идентичности. Важной характеристикой фронтирных территорий является миграционная составляющая, высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных практик, поэтому фронтир – это всегда «контактная зона», где происходит обмен социальным опытом [Баженова, Ермак, 2018]. Социолог Ю. К. Ахатов делает акцент на изучении социокультурных характеристик мигрантов в Сахалинской области, дает всесторонний анализ восприятия жителями Сахалинской области миграционных процессов, протекающих на территории островного региона, определяет характерные особенности отношения местного социума к трудовым мигрантам [Ахатов, 2011; Ахатов, 2012; Ахатов, 2014]. Рассматривая миграционные процессы не только как «движение рабочей силы, но и как важнейший процесс, способствующий территориальному перераспределению населения и трудовых ресурсов», автор отмечает необходимость регулирования региональных миграционных процессов [Ахатов, 2012, с. 99].

Анализ, проведенный Ю. К. Ахатовым в рамках данного исследования, позволил определить наиболее болезненные точки соприкосновения во взаимоотношениях мигрантов с сахалинским обществом. Региональные этнополитические процессы, связанные с миграционными и демографическими проблемами, изучает В. А. Трофимов [Трофимов, 2024]. Он отмечает, что массовый приток людей из других государств несет в себе риски для принимающей стороны в виде роста социальной напряженности и конфликтов на этнической и религиозной почве. Автор приходит к выводу, что на современном этапе основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию единственного в России островного региона в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней процессы образования замкнутых диаспор и анклавизации этнополитического пространства области [Трофимов, 2024, с. 52-53]. Анализируя основные медико-демографические показатели в Сахалинской области, исследователи Хе Ми Ран и Л. В. Солохина, занимающиеся проблемами рождаемости, изучая женщин фертильного возраста Сахалинской области, на основе поведения социологических опросов, анализа данных официальной статистики, описали половозрастные характеристики и выявили существующие проблемы сохранения населения Сахалинской области, сфокусировав внимание на особенностях репродуктивного поведения женщин. Отмечая так называемый «западный дрейф» населения Сахалинской области (отъезд жителей островов в другие регионы России), ученые признают, что одним из основных источников восполнения нехватки трудовых ресурсов и улучшения демографической ситуации является миграция, но рассматривают миграцию как явление, существенно влияющее на национально-культурную идентичность региона [Хе Ми Ран, Солохина, 2024].

Выводы

Демографические и миграционные процессы на Сахалине и Курильских островах включены в предмет исследований историков, социологов, экономистов и политологов. Представленное обобщение выполненных исследований по данному направлению в конце XX – начале XXI вв. позволяет выявить в истории изучения темы три периода.

Первый охватывает конец 1980-х – 1990-е гг., совпадая с начальным этапом постсоветских научных исследований, когда впервые в отечественной науке демографические и миграционные проблемы в историческом контексте начинают изучаться историками, этнографами, экономистами. Материалы по демографической истории включаются в исследования вопросов освоения, переселений, этнической истории региона. Значение этих работ – в постановке научной проблемы, создании научного задела по данной проблематике.

На втором этапе (конец 1990-х гг. – первое десятилетие XXI в.) продолжается изучение историко-демографических и миграционных процессов в регионе историками и этнографами с учетом обострившихся демографических проблем, связанных с депопуляционными процессами в регионе. Исследования приобретают целенаправленный и комплексный характер, а результаты отражены в фундаментальных работах: серии статей, диссертациях, монографиях. Накопление научного материала позволило перейти к его обобщению и теоретическому осмыслению, что дало возможность включения его в учебные пособия.

Третий период охватывает второе и начало третьего десятилетия XXI в., когда наиболее острой темой становится изучение массовой миграции из стран Центральной Азии и связанные с ней проблемы сахалинского социума, а также негативные демографические тенденции в регионе. На этом этапе исследования ведутся преимущественно в социологическом ракурсе, продолжаются и историко-демографические изыскания, к изучению предмета подключаются экономисты и политологи. Изучение демографических и миграционных проблем региона включается в исследования с более широкими территориальными (макрорегиональными) рамками.

На сегодняшний день, в условиях неблагоприятных демографических тенденций и массовой трудовой миграции из стран Центральной Азии, необходимо отметить недостаточность комплексных, систематических исследований демографических и миграционных процессов в регионе. Результаты социологических исследований, которые заказывает Правительство Сахалинской области, носят закрытый характер и предназначены исключительно для служебного пользования госслужащими. При этом современные демографические и миграционные тенденции в Сахалинской области вызывают тревогу у местного населения, ученых и требуют незамедлительного и всестороннего изучения.

Список литературы / References

Ахатов, Ю. К. (2011). Сахалинская область в разрезе миграционных процессов. *Политика и общество*. № 12. С. 132-143.

Akhatov, Yu. K. (2011). Sakhalin Oblast in the Context of Migration Processes. *Politics and Society*. No. 12. Pp. 132-143. (In Russ.)

Ахатов, Ю. К. (2012). Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет. *Политика и общество*. № 11. С. 99-115.

Akhatov, Yu. K. (2012). Ethnic Migrant of the Sakhalin Oblast. Sociological Portrait. *Politics and Society*. No. 11. Pp. 99-115. (In Russ.)

Ахатов, Ю. К. (2014). Социологический анализ отношения местного населения к трудовым мигрантам в полиэтничном регионе: на примере Сахалинской области. *Политика и общество*. № 9. С. 1032-1041.

Akhatov, Yu. K. (2014). Sociological Analysis of the Attitude of the Local Population to Labor Migrants in a Multiethnic Region. On the Example of the Sakhalin Oblast. *Politics and Society*. No. 9. Pp. 1032-1041. (In Russ.)

Баженова, Ж. М., Ермак, Г. Г. (2018). К вопросу об этничности населения фронтирных территорий (на материалах о-ва Сахалин). *Россия и АТР*. № 4. С. 57-74.

Bazhenova, Zh. M., Ermak, G. G. (2018). On the Ethnicity of the Population of Frontier Territories (Based on the Materials of Sakhalin Island). *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 4. Pp. 57-74. (In Russ.)

Бок Зи Коу. (1989). *Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы*. Южно-Сахалинск.

Bok Zi Kou. (1989). *Sakhalin Koreans: Problems and Prospects*. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Бок Зи Коу. (1993). *Корейцы на Сахалине.* Южно-Сахалинск.
Bok Zi Kou. (1993). *Koreans on Sakhalin*. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Боровской, Г. В. (2012). Экстремизм и проблема межнациональных отношений в Сахалинской области (на примере города Южно-Сахалинска). *Сахалинская область: история, современность, перспективы.* Материалы международной научно-практической конференции (г. Южно-Сахалинск, 17-18 октября 2012 г.). Сборник научных статей. Южно-Сахалинск. С. 124-132.
Borovskoy, G. V. (2012). Extremism and the Problem of Interethnic Relations in the Sakhalin Oblast (Based on the City of Yuzhno-Sakhalinsk). In *Sakhalin Oblast: History, Modernity, Prospects.* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Yuzhno-Sakhalinsk, 17-18 October 2012). Collection of scientific articles. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 124-132. (In Russ.)

Боровской, Г. В. (2014а). Проблемы межэтнического взаимоотношения этнических мигрантов и местного населения в Сахалинской области (социологический анализ). *XLIII научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета*. Южно-Сахалинск. С. 20-24.
Borovskoy, G. V. (2014a). Problems of Interethnic Relations between Ethnic Migrants andLocal Population in Sakhalin Oblast (Sociological Analysis). In *XLIII Scientific and Practical Conference of Teachers, Postgraduate Students and Staff of Sakhalin State University*. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 20-24. (In Russ.)

Боровской, Г. В. (2014б). Факторы и формы проявления экстремизма в молодежной среде Сахалинской области. *XLIII научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета*. Южно-Сахалинск. С. 18-22.
Borovskoy, G. V. (2014b). Factors and Forms of Extremism Among the Youth of Sakhalin Oblast. In *XLIII Scientific and Practical Conference of Teachers, Postgraduate Students and Staff of Sakhalin State University*. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 18-22. (In Russ.)

Высоков, М. С., Василевский, А. А., Костанов, А. И., Ищенко, М. И. (2008). *История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности «История». Отв. ред. М. С. Высоков. Южно-Сахалинск.
Vysokov, M. S., Vasilevsky, A. A., Kostanov, A. I., Ishchenko, M. I. (2008). In *History of Sakhalin and the Kuril Islands from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century*. A Textbook for Students of Higher Education Institutions of the Region Majoring in History. Vysokov, M. S. (ed.). Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Дин, Ю. И. (2013). Миграция корейского этнического населения на Южный Сахалин в период японского правления (1905-1945 гг.). *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 4. С. 34-42.

Din, Yu. I. (2013). Migration of the Korean Ethnic Population to South Sakhalin during the Period of Japanese Rule (1905-1945). *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*. No. 4. Pp. 34-42. (In Russ.)

Дин, Ю. И. (2015). *Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество*. Южно-Сахалинск.

Din, Yu. I. (2015). *The Korean Diaspora of Sakhalin: The Problem of Repatriation and Integration into Soviet and Russian Society*. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Дудин, М. Н. (2016). Современные аспекты социально-демографической ситуации в Дальневосточных регионах России. *Региональная экономика: теория и практика*. № 11. С. 160-169.

Dudin, M. N. (2016). Modern aspects of the socio-demographic situation in the Far Eastern regions of Russia. *Regional Economy: Theory and Practice*. No. 11. Pp. 160-169. (In Russ.)

Ищенко, М. И. (1985). Жилые и хозяйственные постройки русского населения Северного Сахалина (конец XIX – начало XX вв.). *Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX вв*. Южно-Сахалинск. С. 44-64.

Ishchenko, M. I. (1985). Residential and utility buildings of the Russian population of Northern Sakhalin (late 19th – early 20th centuries). In *Russian People on Sakhalin and the Kuril Islands in the 18th – early 20th centuries*. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 44-64. (In Russ.)

Ищенко, М. И. (1993). Формирование русского населения Сахалина. *Краеведческий бюллетень*. № 1. С. 50-92.

Ishchenko, M. I. (1993). Formation of the Russian population of Sakhalin. *Local History Bulletin*. No. 1. Pp. 50-92. (In Russ.)

Ищенко, М. И. (2007). *Русские старожилы Сахалина. Вторая половина XIX – начало XX вв.* Южно-Сахалинск.

Ishchenko, M. I. (2007). *Russian Old-Timers of Sakhalin. Second half of the 19th – early 20th centuries*. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Ким, А. Н. (2021). Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска. *Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина)*. Южно-Сахалинск. С. 109-117.

Kim, A. N. (2021). Ethnic migration in the Sakhalin region through the eyes of Yuzhno-Sakhalinsk residents. In *Second Local History Readings (in Memory of A. K. Klitin)*. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 109-117. (In Russ.)

Ким, Л. В., Потапкина, Е. К. (2018а). Статистическая оценка демографической ситуации территории на примере Сахалинской области. *Экономика и бизнес: теория и практика.* № 3. С. 69-85.

Kim, L. V., Potapkina, E. K. (2018a). Statistical assessment of the demographic situation of the territory on the example of Sakhalin Oblast. *Economy and Business: Theory and Practice.* No. 3. Pp. 69-85. (In Russ.)

Ким, Л. В., Потапкина, Е. К. (2018б). Анализ и прогнозирование численности населения Сахалинской области. *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 11-12. С. 122-132. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10129

Kim, L. V., Potapkina, E. K. (2018b). Analysis and Forecasting of the Population of Sakhalin Oblast. *Economy and Business: Theory and Practice.* No. 11-12. Pp. 122-132. DOI: 10.24411/2411-0450-2018-10129 (In Russ.)

Коньков, А. Т. (2013). Этническая миграция и потребности устойчивого демографического развития российского Дальнего Востока. *Глобализация, региональное развитие и проблемы окружающей среды*. Сборник материалов международной научно-практической конференции (сентябрь 2013 г.). Южно-Сахалинск. С. 166-169.

Konkov, A. T. (2013). Ethnic Migration and the Needs of Sustainable Demographic Development of the Russian Far East. In *Globalization, Regional Development and environmental problems*. Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference (September 2013). Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 166-169. (In Russ.)

Коньков, А. Т. (2015). Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и ее особенности в Сахалинской области. *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. № 1. С. 206-220.

Konkov, A. T. (2015). The problem of integration of ethnic migrants in the Russian Far East and its features in the Sakhalin Region. *Bulletin of Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science*. No. 1. Pp. 206-220. (In Russ.)

Костанов, А. И. (1990). *Освоение Сахалина русскими людьми*. Южно-Сахалинск.

Kostanov, A. I. (1990). *Development of Sakhalin by Russian people*. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ).

Кузин, А. Т. (1993). *Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы*. Южно-Сахалинск.

Kuzin, A. T. (1993). *Far Eastern Koreans: Life and Tragedy of Fate*. Yuzhno-Sakhalinsk.

Кузин, А. Т. (2009). *Исторические судьбы сахалинских корейцев*. В 3-х кн. Кн. 1: Иммиграция и депортация (вторая половина XIX в. – 1937 г.). Южно-Сахалинск.

Kuzin, A. T. (2009). *Historical destinies of Sakhalin Koreans*. In 3 books. Book 1. Immigration and Deportation (second half of the 19th century – 1937). Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Кузин, А. Т. (2010а). *Исторические судьбы сахалинских корейцев*. В 3 кн. Кн. 2: Интеграция и ассимиляция (1945-1990 гг.). Южно-Сахалинск.

Kuzin, A. T. (2010a). *Historical destinies of Sakhalin Koreans*. In 3 books. Book 2. Integration and Assimilation (1945–1990). Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Кузин, А. Т. (2010б). *Исторические судьбы сахалинских корейцев*. В 3 кн. Кн. 3: Этническая консолидация на рубеже XX–XXI вв. Южно-Сахалинск.

Kuzin, A. T. (2010b). *Historical destinies of Sakhalin Koreans*. In 3 books. Book 3. Ethnic consolidation at the turn of the 20th-21st centuries. Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Маклашова, Е. Г. (2016). Дальний Восток в разрезе статистики: основные социально-экономические показатели и движение населения. *Региональные проблемы*. Т. 19. № 2. С. 66–74.

Maklashova, E. G. (2016). The Far East in the Context of Statistics: Main Socioeconomic Indicators and Population Movement. *Regional Problems*. Vol. 19. No. 2. Pp. 66-74. (In Russ.)

Потапова, Н. В. (2019). Народы сахалинской области сегодня. *Народы Сахалинской области*. Сборник статей. Сост. П. А. Павликова. Южно-Сахалинск. С. 65-91.

Potapova, N. V. (2019). The Peoples of the Sakhalin Oblast Today. In Pavlikova, P. A. (comp.). *The Peoples of the Sakhalin Oblast.* Collection of Articles. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 65-91. (In Russ.)

Потапова, Н. В. (2022). Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. № 2. С. 55-63. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-2/55-63

Potapova, N. V. (2022). The Religious Situation in the Sakhalin Oblast: Current Stage. *Oikumena. Regional Studies.* No. 2. Pp. 55-63. DOI: 10.24866/1998-6785/2022-2/55-63 (In Russ.)

Потапова, Н. В. (2023). Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX — начале XXI в. *Россия и АТР*. № 4. С. 80-95. DOI 10.24412/1026-8804-2023-4-80-95

Potapova, N. V. (2023). Ethnic Self-Identification of the Population of the Sakhalin Oblast in the Late 20th – Early 21st Century. *Russia and the Asia-Pacific Region.* No. 4. Pp. 80-95. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-4-80-95(In Russ.)

Трофимов, В. А. (2024). Проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте региональных этнополитических процессов. *Этносоциум и межнациональная культура*. №. 4 (190). С. 51-64.

Trofimov, V. A. (2024). Problems of Sustainable Socio-Political Development of the Sakhalin Region in the Context of Regional Ethnopolitical Processes. *Ethnosociety and Interethnic Culture.* No. 4 (190). Pp. 51-64. (In Russ.)

Хе Ми Ран, Солохина, Л. В. (2024). Демографическая ситуация Сахалинской области: проблемы и перспективы. [Электронный ресурс]. *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России*. № 2. URL: http://www.fesmu.ru/voz/20242/2024202.aspx (дата обращения: 11.11.2024).

He Mi Ran, Solokhina, L. V. (2024). Demographic situation of the Sakhalin region: problems and prospects. [Online]. *Bulletin of public health and healthcare of the Russian Far East.* No. 2. Available at: http://www.fesmu.ru/voz/20242/2024202.aspx (Accessed: 11 November 2024). (In Russ.)

Щеглов, В. В. (1999). Развитие миграционно-демографической ситуации в Сахалинской области в 90-е гг. *Краеведческий бюллетень*. № 4. С. 16-26.

Shcheglov, V. V. (1999). Development of the Migration and Demographic Situation in the Sakhalin Region in the 90s. *Local History Bulletin.* No. 4. Pp. 16-26. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2000а). Миграционная ситуация на Северном Сахалине в 1905–1917 гг. *Краеведческий бюллетень*. № 2. С. 32-62.

Shcheglov, V. V. (2000a). Migration Situation in Northern Sakhalin in 1905–1917. *Local History Bulletin.* No. 2. Pp. 32-62. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2000б). Переселение советских граждан на Южный Сахалин и Курильские острова в середине 40-х – начале 50-х гг. XX в. *Краеведческий бюллетень*. № 4. С. 12-24.

Shcheglov, V. V. (2000b). Resettlement of Soviet Citizens to Southern Sakhalin and the Kuril Islands in the mid-40s – early 50s of the XX century. *Local History Bulletin.* No. 4. Pp. 12-24. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2001). Влияние инвестиционной деятельности на социально-демографическое развитие северных районов Сахалинской области. *Материалы первой международной научно-практической конференции на базе ЮСИЭПиИ (27-29 сентября 2001 г.)*. Южно-Сахалинск. С. 22-30.

Shcheglov, V. V. (2001). The influence of Investment Activity on the Socio-Demographic Development of the Northern Regions of the Sakhalin Region. In *Proceedings of the first international scientific and practical conference based on Yuzhno-Sakhalinsk Institute of Economics, Law and Informatics (27-29 September 2001).* Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 22-30. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2002). *Население Сахалинской области в XX веке*. Южно-Сахалинск.

Shcheglov, V. V. (2002). *Population of the Sakhalin Region in the twentieth century.* Yuzhno-Sakhalinsk.

Щеглов, В. В., Саламатова, С. Н. (2005). Эволюция половозрастной структуры населения Сахалинской области. *Краеведческий бюллетень*. № 3. С. 20-25.

Shcheglov, V. V., Salamatova, S. N. (2005). Evolution of the Age and Sex Structure of the Population of the Sakhalin Region. *Local History Bulletin*. No. 3. Pp. 20-25. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2019). *Опыт сахалинских переселений (1853–2002 гг.).* Южно-Сахалинск.

Shcheglov, V. V. (2019). *Experience of Sakhalin resettlements (1853–2002).* Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Щеглов, В. В. (2021). Влияние миграций на национальный состав населения Сахалинской области в 1990-е – начале 2000-х гг. *Труды Института истории, археологии иэтнографии ДВО РАН*. Т. 33. С. 166-178.

Shcheglov, V. V. (2021). The influence of migrations on the national composition of the population of the Sakhalin Region in the 1990s – early 2000s. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS.* Vol. 33. Pp. 166-178. (In Russ.)

Экономика Сахалина: учебное пособие для студентов вузов Сахалинской области. (1998). Под ред. Бок Зи Коу и М. С. Высокова. Южно-Сахалинск.

Bok Zi Kou, Vysokov, M. S. (eds.). *Economy of Sakhalin.* A Textbook for Students of Higher Education Institutions of the Sakhalin Region. (1998). Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Экономика Сахалина: учебное пособие для вузов. (2003). Под ред. Бок Зи Коу, М. С. Высокова. Южно-Сахалинск.

Bok Zi Kou, Vysokov, M. S. (eds.). *Economy of Sakhalin.* A Textbook for Higher Education Institutions. (2003). Yuzhno-Sakhalinsk. (In Russ.)

Ярашева, А. В., Макар, С. В. (2019). Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока. *Экономика. Налоги. Право.* Т. 12. № 2. С. 103-114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114

Yarasheva, A. V., Makar, S. V. (2019). The impact of Demographic Factors on Labor Potential of the Far East Regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law.* Vol. 12. No. 2. Pp. 103-114. DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–2-103-114. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Потапова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, e-mail: napotapova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5658-9243

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025
После доработки: 10.03.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Potapova Natalia – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and World History Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin St., 290, e-mail: napotapova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5658-9243

The paper was submitted: 10.02.2025
Received after reworking: 10.03.2025
Accepted for publication: 20.03.2025

УДК 004.8+130.2

ЭТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

С. З. Семерник
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (г. Гродно)
semernik@grsu.by

Аннотация. В статье исследуется проблема этико-антропологической составляющей социокультурных новаций, приводящих к кризису современной культуры. Цель статьи – раскрыть содержание основных концептуальных подходов к пониманию сущности человека, рассматривающих возможности современной культуры воспроизводить анторопологическую идентичность индивидуума в условиях технологически осуществимых трансформаций человеческой природы. Во введении утверждается, что в динамике современных общественных процессов стремительно нарастает роль субъективного фактора, осуществляя идеи конструирования социума и человека в прямом инженерном их воплощении (социальная инженерия, антропологическая инженерия, культурная инженерия и т. п.). В этой ситуации возникает угроза усиления дегуманизирующих тенденций инновационного развития, способствующих созданию условий для реализации пост(вне)человеческих отношений между субъектами социального взаимодействия. В заключении делается вывод о необходимости поиска оснований для воспроизводства традиционных форм человеческой идентичности.

Ключевые слова: эскалация перемен, технологические вызовы, форсайт, антропологическая идентичность, цифровизация, виртуальная реальность.

Для цитирования: Семерник, С. З. (2025). Этико-антропологический кризис культуры в условиях современных технологических вызовов. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 121-133. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.121-133

THE ETHICAL AND ANTHROPOLOGICAL CRISIS OF CULTURE IN THE CONTEXT OF MODERN TECHNOLOGICAL CHALLENGES

S. Z. Semernik
Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno)
semernik@grsu.by

Abstract. The article examines the problem of the ethical and anthropological component of socio-cultural innovations leading to the crisis of modern culture. The purpose of the article is to reveal the content of the main conceptual approaches to understanding the essence of man, considering the possibilities of modern culture to reproduce the anthropological identity of an individual in the context of technologically feasible transformations of human nature. The introduction argues that the role of the subjective factor is rapidly increasing in the dynamics of modern social processes, realizing the ideas of constructing society and man in their direct engineering embodiment (social engineering, anthropological engineering, cultural engineering, etc.). In this situation, there is a threat of increasing dehumanizing trends in innovative development, contributing to the creation of conditions for the implementation of post (outside) human relations between subjects of social interaction. In conclusion, it is concluded that it is necessary to find grounds for the reproduction of traditional forms of human identity.

Keywords: escalation of change, technological challenges, foresight, anthropological identity, digitalization, virtual reality.

For citation: Semernik, S. Z. (2025). The Ethical and Anthropological Crisis of Culture in the Context of Modern Technological Challenges. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 121-133. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.121-133

Введение

Специфика развития современного общества определяется стремительным возрастанием динамики социальных процессов, имеющей решающее значение для функционирования важнейших сфер общественной жизни, а также для формирования и развития собственно самого человека. Ускорение социальных процессов сопровождается ростом неопределенности в их понимании, что в значительной степени затрудняет эффективный поиск оптимальной стратегии общественного развития. В этой ситуации особое значение приобретает осознание тех процессов, которые происходят с современным человеком, поскольку в условиях тотальной технизации и экономизации общественной жизни нарастают дегуманизирующие тенденции социализации личности. Человек как социоприродное существо и субъект социального действия стоит перед угрозой тотальной модификации. Эта идея становится сегодня центральной в социогуманитарной рефлексии [Бабич, 2015; Буйнякова, 2017; Войцехович и др. 2022; Плеснер, 2004; Хабермас, 2002].

Например, достаточно известные исследователи человеческого поведения и сущности человека Ю. Харари и Д. Канеман в одном из интервью, оценивая масштаб и последствия современных социальных изменений, отмечают их беспрецедентность. При этом они имеют в виду не только уровень осуществляющихся трансформаций, но и силу влияния их на человека. По мнению исследователей, происходящие сегодня изменения колоссальны: «… несоизмеримы ни с одной революцией в истории людей. Ибо поменяются не только экономика, политика или технологии, а сами люди: их тело, мозг, ментальная структура разума. Даже при самых кардинальных изменениях за всю историю человечества Homo sapiens всегда оставались собой. Теперь же начинает меняться наш вид»[1].

В связи с этим чрезвычайно актуальными являются следующие вопросы: каковы перспективы развития человека в условиях тотальной эскалации перемен? Сможет ли он адаптироваться к стремительно меняющимся условиям современной жизни, не утратив самотождественности, не превратившись в иное, пост(не)человеческое существо? В целом сохранится ли человек в цивилизации будущего? [Альтернативы цифровизации, 2025]. Для ответов на эти вопросы необходимо рассмотреть те перспективы развития, которые современное общество обозначает для себя как приемлемые, возможные и желательные.

Методология и методы

Обзор перспектив социокультурного развития невозможен вне понимания специфики социального детерминизма как такового. Как известно, в отличие от природного детерминизма, основывающегося на сугубо объективных закономерностях, раскрывающихся

[1] Лет через 100 главными на Земле будут уже не люди. Харари и Канеман о глобальных трендах, перекраивающих человечество. (2021). [Электронный ресурс]. *Дзен.* 15 апр. URL: https://dzen.ru/a/YHhOgL0aECLFyjOa?utm_campaign=dbr (дата обращения: 22.01.2025).

в законах природы, социальные закономерности характеризуются отсутствием жесткой определенности общественных процессов, опорой на двойную (субъективно-объективную) причинность. Наряду с объективно развивающимися тенденциями в социуме всегда присутствует субъективный фактор, свободная воля людей. Специфика современного состояния социума заключается в том, что субъективная составляющая общественного развития стремительно нарастает. Это означает, что сегодня возникла реальная технологическая возможность реализации замыслов, интересов, целей, индивидуальных планов субъектов социального развития, способных оказывать существенное влияние на объективные тенденции социальной эволюции. Соответственно, линейные модели, описывающие динамику общественного развития, сложившиеся в качестве исследовательской традиции в эпоху модерна, активно пересматриваются. Социальное прогнозирование и управление социальными процессами возможно сегодня лишь с учетом нелинейных стратегий общественного развития, наличия выбора, альтернативы, многовариантности их путей. Тем не менее, линейность как основа восприятия социальной динамики все еще является доминирующей установкой современного общественного сознания. В итоге «визитной карточкой» современности, по меткому замечанию представителей «Римского клуба» футурологов, становится «неосознанность происходящего» [Лейбин, 1997]. Это проявляется в том, что общество в своих основных познавательных стратегиях, раскрывающих суть происходящих социальных изменений, исходит из ошибочных презумпций и не способно сформировать адекватную реальности картину мира. Общественное сознание рассматривает события, происходящие в настоящем, сквозь призму социальных установок прошлого, применяет к современным событиям объяснительные модели вчерашнего дня (например, такие, как теории прогресса, экономического роста и т. п., предполагая восходяще-прогрессивное развитие социума единственно возможным эталоном общественного развития). Подобный «разрыв», существующий между социальным восприятием / пониманием осуществляющихся трансформаций и реальной социальной практикой, вполне объясним, если рассматривать его с учетом такой характеристики общественной динамики, как социальная инерция.

Социальная инерция рассматривается в современном социогуманитарном знании в основном как онтологический феномен, качественно определенное состояние социальной системы, суть которого сводится к препятствию процессам социального развития. В частности, в научной литературе встречается следующее определение социальной инерции: «… состояние социального процесса или объекта, при котором те или иные общественные силы направлены на торможение его развития, на нейтрализацию социальных нововведений»[2]. Однако в научном дискурсе присутствуют и коннотативно нейтральные дефиниции, усматривающие в социальной инерции, прежде всего, охранительные механизмы социального воспроизводства. Здесь социальная инерция рассматривается как «тенденция социальных систем к сохранению своего текущего состояния даже при наличии внешних или внутренних стимулов к изменению» [Гнатюк, 2023].

[2] Социальная инерция. [Электронный ресурс]. *Академик.* Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://sociology_encyclopedy.academic.ru/983/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%90%D0%AF_%D0%98%D0%9D%D0%95%D0%A0%D0%A6%D0%98%D0%AF (дата обращения: 08.12.2024).

В то же время исследование сущности социальной инерции в контексте гносеологического подхода позволяет увидеть в ней феномен общественного сознания, связанный с постижением действительности. В этом случае при определении социальной инерции акцент делается на таком состоянии общественного сознания, при котором происходит сохранение типичных, характерных для социальных субъектов паттернов восприятия действительности, связанных с воспроизводством ранее устоявшихся способов и принципов их понимания. Если применить гносеологический подход к пониманию социальной инерции, характерной для сегодняшнего социума, мы обнаружим следующую ситуацию. Социальные субъекты, жизненное становление которых происходило в течение XX в., усвоили в процессе социализации типичные для данного социального времени стратегии миропонимания, и сегодня, реально действуя в социокультурных условиях XXI в., они продолжают во многом воспроизводить смыслы, характерные для социальной действительности завершившегося XX столетия, выстраивая объяснительные модели социальных процессов по лекалам, сконструированным в общественном сознании в ушедшем веке. Это происходит вследствие того, что общество в своих действиях предпочитает опираться на ценности, нормы, идеи, паттерны поведения, прошедшие апробацию в культуре и закрепившиеся в культурной традиции. Отношение к названной характеристике общественной психологии у разных авторов также разнится. Одни авторы усматривают в этом препятствие к социальному благополучию, другие – условие процветания общества. Например, лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман писал: «Я уверен, единственными важными структурными преградами на пути к процветанию мира являются устаревшие доктрины, которые затуманивают мышление людей» [Кругман, 2009, с. 296].

Инерционность социального восприятия самым решительным образом влияет на происходящие в обществе социальные процессы, поскольку «ускоряющиеся ритмы истории» – стремительные социокультурные изменения – не находят объективной оценки со стороны социума. Это способствует росту иллюзорности общественного и индивидуального сознания, погружению общества в состояние неопределенности, эскалации рисков.

В то же время необходимо отметить, что, наряду с инерционностью общественного сознания, существует и такая его характеристика как инициативность, в большей степени свойственная молодежному сегменту социального сообщества. Оказывая существенное влияние на социальное восприятие, инициативность общественного сознания в условиях современности апеллирует не столько к отражению / пониманию социальной действительности, сколько к ее прогнозному конструированию – созданию определенных образов настоящего, а также будущего, активно влияющих на поведение социальной системы. Наиболее рельефно конструкторская направленность сознания современного социума проявляется в осуществляемых им технологиях форсайта. Форсайты, позволяющие реализовывать человеческую субъективность, воплотить ее в повседневность социальной жизни, являются сегодня наиболее востребованной технологией взаимодействия с будущим [Малинецкий, 2022]. Известный австралийский теоретик форсайт-проектов Бассен Маркус в своей книге “Futures Thinking for Social Foresight” указывает, что представления о будущем оказывают существенное влияние на поведение субъектов в настоящем [Slaughter, Bussey, 2005]. Следовательно, для человека и социума в целом совершенно

не безразлично, какие образы будущего формируются на уровне индивидуального и общественного сознания. Хорошо известный тезис К. Маркса о том, что овладевшая массами теория становится материальной силой, способной перевернуть общество, из теоретического постулата давно превратился в эмпирически осязаемый феномен.

Если обобщить форсайты, конструируемые на уровне общественного сознания, описывающие будущее современного социума, то здесь можно выделить несколько основных вариантов, условно обозначаемых следующим образом: «новое средневековье», «прорыв в виртуальную реальность», «общество космической экспансии» и т. п. Вероятность реализации названых форсайтов сегодня не определена. Мы живем в эпоху конкурирующих образов будущего. Тем не менее, содержательное наполнение конкретных форсайтов, описывающих перспективы развития социума, крайне интересно, поскольку оно намечает перспективы развития человека. Мысль о комплементарности человека и социума, соотнесенности личностных характеристик населяющих общество людей и характеристик самого общества является устоявшейся в современном социогуманитарном знании. К. Поланьи писал: «… если общество ожидает от ряда своих членов определенного поведения, а господствующие институты способны его навязывать, то представления о человеческой природе будут отражать этот идеал независимо от его отношения к реальности» [Поланьи, 2010 с. 40]. Следующая за данной мыслью идея указывает на то обстоятельство, что преобразования социума неизбежно влекут за собой изменения личности, моделей ее поведения и наоборот. Один из творцов Октябрьской революции 1917 г. выражал данную мысль следующим образом: «Выпустить новое “улучшенное издание” человека – это и есть дальнейшая задача коммунизма» [Троцкий, 1923]. Другими словами, лидеры революционного движения хорошо осознавали необходимость создания нового типа человека, восприимчивого к революционным новациям и способного закрепить данные новации в практике социальных отношений. Тем самым закономерно возникает вопрос: какие антропологические проекты, комплементарные каждому из предлагаемых социальных форсайтов, рождаются в недрах общественного сознания сегодня?

Антропологические форсайты современности: перспективы и угрозы

Идея будущего как «нового средневековья» зародилась в недрах интеллектуальной мысли несколько столетий назад, и с тех пор она периодически воспроизводится в разных вариациях, имеющих общую идейную направленность – выявление параллелей между современным и средневековым обществом [Бердяев, 1994; Губарева, 2023; Дин, 2019; Эко, 1994]. Во многом данное видение исторической динамики отражает идею реверсивных тенденций, возвращения к предшествующим способам развития социума, периодически проявляющихся в ходе общественного развития. Современные авторы, как правило, указывают на следующие основные направления возрождения средневековых тенденций общественного развития: фрагментацию суверенитета, новую квазисословную иерархию (экспоненциальный рост неравенства, замирание вертикальной мобильности), географическую поляризацию стран и регионов по принципу «центр-периферия», нарастание апокалиптических предчувствий, мистических интуиций на уровне индивидуального и общественного сознания [Валлерстайн, 2003; Дзарасов 2014]. Несмотря на то, что данные тенденции, характерные для европейского Средневековья,

сегодня принимают совершенно иные общественные и технологические формы, подобная технологичность выступает лишь внешним каркасом, аутентичным современному обществу, тем не менее не затеняющим сущностное сходство некоторых черт современного социокультурного развития с эпохой Средних веков. Человеческий тип, востребованный неосредневековой моделью общества, может быть обозначен как «служебный человек»[3], о чем сообщил в своем выступлении в парламенте РФ директор Курчатовского института М. Ковальчук. Российский ученый высказал тезис о том, что сегодня возникла реальная технологическая возможность моделировать сознание, поведение и даже генетику человека, с учетом запросов субъектов, осуществляющих социально-антропологическое конструирование. Как пишет об этом Г. С. Широкалова: «… выведение служебного подвида людей – единственный надежный способ сохранить сословность общества, сформировавшуюся за последние десятилетия» [Широкалова, 2020, с. 246].

Следующий форсайт-проект – «прорыв в виртуальную реальность» – реализуется в направлении тотальной цифровизации социокультурного пространства, затрагивающей все сферы общественного функционирования. Масштабное применение цифровых технологий способствует погружению человека в особую искусственно созданную среду, в которой трансформированы многие характеристики реальности, свойственные константному миру, создается принципиально новый онтологический и аксиологический образ реальности [Пуриш, Кораблева, 2015; Свидерский, 2021]. В частности, «жесткая модель» реальности, независимой от человека, объективной по отношению к нему, сменяется моделью «гибкой реальности», в которой пространство и время антропоцентричны, зависят от желаний, установок и предпочтений личности. Виртуальная реальность выступает сегодня своеобразной квинтэссенцией мира симуляций, о которых писал Ж. Бодрийяр [Бодрийяр, 2006].

Всеохватная изменчивость, неустойчивость виртуальной реальности, возможность ее конструирования практически в неограниченных комбинациях создает риск утраты связи личности с естественным миром, имеющим заданные характеристики и следующим объективным законам природы. В искусственном мире естественный человек громоздок, не столь пластичен и успешен как его виртуальная копия. В результате на смену естественному человеку приходит «цифровой человек» – цифровая копия личности, способная эффективно функционировать в мире утраченной естественности. Виртуальная среда предоставляет человеку возможность реализовывать цели и желания, недоступные ему для удовлетворения в реальном мире. Обозначенная классиком философской мысли К. Марксом проблема отчуждения достигает в виртуальном пространстве предельных значений [Маркс, 1951]. Мир цифровых симуляций практически полностью отчуждает человека от процесса труда. Делает труд непривлекательным, отталкивающим феноменом. Трудовая деятельность, связанная с усилиями, длительным напряжением физических, интеллектуальных и т. п. сил все менее востребована человеком. Погрузившись

[3] Глава «Курчатовского института» М. Ковальчук выступил на заседании СФ в рамках «Времени эксперта». (2015). [Электронный ресурс]. URL: https://rutube.ru/video/9c455b136137f7c4389d3c63fa4b0b64/?ysclid=m8sk8mo7xd375541280 (дата обращения: 03.02.2025).

На заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта» выступил директор «Курчатовского института» М. Ковальчук. (2015). [Электронный ресурс]. *Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации*. 30 сент. URL: http://council.gov.ru/events/news/59290/ (дата обращения: 03.02.2025).

в мир цифровых технологий, человек способен в короткие сроки и в игровой форме осуществить свои заветные желания. В итоге труд воспринимается сегодня исключительно как принуждение, как неприятная повинность, закрепляется антитрудовая этика в целом. Отчуждение от продуктов труда, описанное Марксом, сегодня выражается в культивировании этики потребительства. Легко воспроизводимые и тиражируемые во множественном числе вещи наполняют мир человека, трансформируя поведенческие нормы личности и общества. Пересмотру подвергается стратегия материального потребления: от нормы, ориентирующей субъекта на «достаток» (создание / приобретение того, что необходимо и достаточно для жизни), данная стратегия модифицируется в норму стремления к изобилию (обладать чем-либо в избытке). Отсюда возникает ценностная установка на роскошь, богатство, сверхдоход, гиперприбыль. Данная установка становятся типичным ориентиром личности, абсолютизирующей потребительство в качестве эталона культурного развития.

Следующий вид отчуждения – остракизм социальных связей. Стремление избегать непосредственного контакта при взаимодействии людей друг с другом также выступает неотъемлемой характеристикой цифрового мира. Возможность приблизить далекое (взаимодействовать с субъектом общения, находящимся на большой географической дистанции) по факту оказывается лишь иллюзией близости. Технические средства, обеспечивающие фактический контакт акторов социальной коммуникации, не способны верифицировать подлинность установленной коммуникации, погружают человека в мир игры, искусственно созданных суррогатов собственной личности (например, голограмм, аватаров и т. п.). В этой ситуации неизбежно возникает отчуждение человека от самого себя, наступает кризис его идентичности, нарушение целостности личностного самосознания, в предельном варианте ведущая к распаду личности [Федулин, Багдасарян, 2012].

Наконец, форсайт, связанный с мечтою о покорении космического пространства, о продвижении человеческой цивилизации в глубины Вселенной, ориентирует общество на разработку и внедрение в повседневную жизнь космических технологий. На сегодняшний день это привело к освоению ближнего космоса, созданию технологий навигации и определения местоположения субъектов в пространстве, а также иных изобретений. Антропологическим типом, комплементарным названному форсайту, может выступить синтетическое существо человека и машины – человек-киборг, естественные характеристики которого многократно усилены за счет аддитивных свойств, возникающих в результате соединения человека с машиной. Однако, как известно, синтез как процесс предполагает взаимообмен характеристиками тех объектов, которые вступают в тесную взаимосвязь. В случае реализации стратегии синтеза человека и машины, с одной стороны, будут нарастать тенденции антропоморфизации робототехники, с другой – усиливаться тенденции киборгизации человека, превращения его в иное, пост(не)человеческое существо. В данном случае дегуманизирующие тенденции развития социума будут активно нарастать, порождая, прежде всего аксиологические трансформации культуры. Неизбежное снижение уровня свободы личности, понижение статуса человека по мере укрепления статуса интеллектуальных машин в обществе – эти и другие аксиологические проблемы нуждаются сегодня в пристальном внимании.

Заключение

Таким образом, анализ возникающих в современном социуме социальных и антропологических форсайтов показывает, что значительная часть из них разрабатывается на основе антипрогрессистских идей. Антипрогресс – возникновение социально и технически усложняющегося мира, инициирующего развитие личности и общества в негативных по отношению к ним направлениях. Палитра форсайт-проектов антипрогрессистской направленности, разрабатываемых сегодня экономически ангажированными субъектами на площадках технологий будущего, несмотря на свое многообразие, не содержит возможности воспроизводства и сохранения в условиях современной социокультурной динамики человека естественного, сохраняющего черты антропологической инвариантности. Данная ситуация может рассматриваться как этико-антропологический кризис культуры, от преодоления которого зависит перспектива развития человека и социума. Воспроизводство идентичностей человека, аутентичных его антропологической сущности, с необходимостью основывается на этической составляющей, поскольку принципиальное решение проблемы сохранения человеческого в человеке может быть решено только с учетом этических императивов. Соответственно, сегодня возникает запрос на разработку новых культур-антропологических идей, способных создать теоретические модели, раскрывающие основания для верификации самотождественности человека, воспроизводства собственно человеческого бытия в мире тотальных технико-технологических трансформаций.

Решая названную задачу, прежде всего, следует учесть, что специфика идентификационной топики личности определяется неразрывной связью ее биосоцио-духовных характеристик. Это означает, что развитие каждой из данных характеристик является неотъемлемым условием установления / поддержания, сохранения и воспроизводства человеческого в человеке. Антропологический форсайт «человечного (биосоциодуховного) человека» созвучен презумпциям антропологического консерватизма [Кутырев, 2021; Лотарев, Шогенов, 2018], с необходимостью включает в себя условия, способствующие обеспечению целостности человеческой личности, неразрывного единства составляющих данную личность элементов. Это, например, следующие условия:

а) создание человеко-насыщенной среды существования особенно на ранних этапах социализации личности, препятствующей (способствующей преодолению) ее технолабильности, пост(вне)человечной направленности развития;

б) разработка методов определения уровня технорезистентности / технолабильности личности с установлением допустимых пределов данных показателей для развития и психосоциального здоровья личности и социума;

в) сбалансированное осуществление информатизации социального пространства, включающее в себя охранительные по отношению к человеку механизмы: «… формирование, сохранение и развитие автономности человеческих субъектов, социальных институтов для сохранения человеческого компонента современных общественных отношений и человекоразмерных систем» [Оконская и др., 2021].

Список литературы / References

Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего? (2025). Под ред. Г. Л. Белкиной; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 576 с.

Belkina, G. L., Frolova, M. I. (eds.). (2025). *Alternatives to Digitalization. Will People Survive in the Civilization of the Future?* Moscow. 576 p. (In Russ.)

Бабич, В. В. (2015). Идентичность человека в контексте современных проблем антропологического моделирования. *Ценности и смыслы*. № 5 (39). С. 47-56.

Babich, V. V. (2015). Human Identity in the Context of Modern Problems of Anthropological Modeling. *Values and Meanings*. No. 5 (39). Pp. 47-56. (In Russ.)

Бердяев, Н. А. (1994). Новое Средневековье. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. 1. М.: Искусство. С. 406-464.

Berdyaev, N. A. (1994). The New Middle Ages. In *Philosophy of Creativity, Culture and Art*. Vol. 1. Moscow. Pp. 406-464. (In Russ.)

Бодрийяр, Ж. (2006). *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Пер. с фр., послесл. и прим. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика. 269 с.

Baudrillard, J. (2006). *Consumer Society. His Myths and Structures*. Samarskaya, E. A. (transl.). Moscow. 269 p. (In Russ.)

Буйнякова, И. С. (2017). «Дизайнерские младенцы»: социально-этические проблемы биотехнологического проектирования будущих детей. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право.* № 10 (259). Вып. 40. С. 130-139.

Buinyakova, I. S. (2017). «Designer Babies»: Socio-Ethical Problems of Biotechnological Design of Future Children. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Philosophy. Sociology. Law*. No. 10 (259). Iss. 40. Pp. 130-139. (In Russ.)

Валлерстайн, И. (2003). *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. Пер с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 368 с.

Wallerstein, I. (2003). *The End of a Familiar World: Sociology of the XXI Century*. Inozemtsev, V. L. (ed., transl.). Moscow. 368 p. (In Russ.)

Войцехович, В. Э., Вольнов, И. Н., Малинецкий, Г. Г. (2022). На пути к сильному ИИ: антропо-социальные проблемы. *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*: труды 5-й международной конференции (г. Москва, 3-4 февраля 2022 г.). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша. С. 139-151.

Voitsekhovich, V. E., Volnov, I. N., Malinetsky, G. G. (2022). On the Way to a Strong AI. Anthroposocial Problems. In *Designing the Future. Problems of Digital Reality*. Proceedings of the 5th International Conference (Moscow, 3-4 February 2022). Moscow. Pp. 139-151. (In Russ.)

Гнатюк, М. А. (2023). Концепт социальной инерции: функциональные механизмы и проявление в социальности и социокультурных изменениях. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. Т. 12. № 5А-6А. С. 167-174. DOI: 10.34670/AR.2023.42.89.023

Gnatyuk, M. A. (2023). The Concept of Social Inertia. Functional Mechanisms and Manifestation in Sociality and Socio-Cultural Changes. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*. Vol. 12. No. 5A-6A. Pp. 167-174. DOI: 10.34670/AR.2023.42.89.023 (In Russ.)

Губарева, О. В. (2023). Новое Средневековье в культуре России XX века. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. № 3 (19). С. 192-204.

Gubareva, O. V. (2023). The New Middle ages in the Culture of Twentieth-Century Russia. *Proceedings of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. No. 3 (19). Pp. 192-204. (In Russ.)

Дзарасов, Р. С. (2014). Экономика «Насаждения отсталости». *Вестник Российской академии наук*. Т. 84. № 4. С. 291-303.

Dzarasov, R. S. (2014). Economics of «Planting Backwardness». *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 84. No. 4. Pp. 291-303. (In Russ.)

Дин, Д. (2019). Коммунизм или неофеодализм? *Логос*. Т. 29. № 6. С. 85-116.

Dean, J. (2019). Communism or neo-feudalism? *Logos*. Vol. 29. No. 6. Pp. 85-116. (In Russ.)

Кутырев, В. А. (2021). Человек как несовершенное совершенство (антропоконсерватизм contra трансгуманизм). *Философия хозяйства*. № 1 (133). С. 73-86.

Kutyrev, V. A. (2021) Man as Imperfect Perfection (Anthropo-Conservatism contra Transhumanism). *Philosophy of Economy*. No. 1(133). Pp. 73-86. (In Russ.)

Кругман, П. Р. (2009). *Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата*. Пер. с англ. В. Н. Егорова, под общ. ред. М. Г. Делягина, Л. А. Амелехина. М.: Эксмо. 336 с.

Krugman, P. R. (2009). *The Return of the Great Depression? The Global Crisis through the Eyes of a Nobel Laureate*. Egorov, V. N. (transl.), Delyagin, M. G., Amelekhin, L. A. (eds.). Moscow. 336 p. (In Russ.)

Лейбин, В. М. (1997). Римский клуб: хроника докладов. *Философия и общество*. № 6 [Электронный ресурс]. *Соционауки*. URL: https://www.socionauki.ru/journal/articles/1501909/ (дата обращения: 08.12.2024).

Leibin, V. M. (1997). The Roman Club: a Chronicle of Reports. *Philosophy and Society*. No. 6. [Online]. *Sociosciences*. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/articles/1501909/ (Accessed: 08 December 2024). (In Russ.)

Лотарев, К. А. Шогенов, К. В. (2018). Антропологический консерватизм как идеологическая основа консерватизма «Единой России». *Современные тенденции развития науки и образования*: материалы международной (заочной) научно-практической конференции (г Прага, 24 декабря 2018 г.). Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки» (ИП Вострецов Александр Ильич). С. 672-678.

Lotarev, K. A., Shogenov, K. V. (2018). Anthropological Conservatism as the Ideological Basis of United Russia Conservatism. In *Current Trends in the Development of Science and Education.* Proceedings of the International (correspondence) Scientific and Practical Conference (Prague, 24 December 2018). Neftekamsk. Pp. 672-678. (In Russ.)

Малинецкий, Г. Г. (2022). Не стоит возвращаться в XVI век. *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*: труды 5-й международной конференции (г. Москва, 3-4 февраля 2022 г.). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша. С. 139-151.

Malinetsky, G. G. (2022). It is not Worth Returning to the XVI century. In *Designing the Future. Problems of Digital Reality*. Proceedings of the 5th International Conference (Moscow, 3-4 February 2022). Moscow. Pp. 139-151. (In Russ.)

Маркс, К. (1951). *Наемный труд и капитал*. М.: Госполитиздат. 45 с.

Marx, K. (1951). *Wage Labor and Capital.* Moscow. 45 p. (In Russ.)

Оконская, Н. К. Внутских, А. Ю., Брылина, И. В. (2021). Человекоразмерные системы информационного общества и риски регресса общественных отношений. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* № 2. С. 191-201. DOI 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201.

Okonskaya, N. K. Intrash, A. Yu., Brylina, I. V. (2021). Human-Sized Information Society Systems and the Risks of Regression of Public Relations. *Perm University herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology.* No. 2. Pp. 191-201. DOI 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201. (In Russ.)

Плеснер, Х. (2004). *Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию*. Пер. с нем. М.: РОССПЭН. 368 с.

Plesner, H. (2004). *The Steps of the Organic and Man: An Introduction to Philosophical Anthropology*. Moscow. 368 p. (In Russ.)

Поланьи, К. (2010). *Избранные работы*. М.: Территория будущего. 200 с.

Polanyi, K. (2010). *Selected works*. Moscow. 200 p. (In Russ.)

Пуриш, И. С., Кораблева, Е. В. (2015). Виртуализация современного общества: деструкция ценностей или прогресс? *Кризис антропологических оснований современной культуры*: сборник научных трудов. Саратов; М.: ООО Издательство «КУБиК». С. 94-99.

Purish, I. S., Korableva, E. V. (2015). Virtualization of modern society: destruction of values or progress? In *The Crisis of the Anthropological Foundations of Modern Culture.* A Collection of Scientific Papers. Saratov. Moscow. Pp. 94-99. (In Russ.)

Свидерский, А. А. (2021). Виртуализация реальности техногенного общества. *Конструирование, использование и надежность машин сельскохозяйственного назначения*. № 1 (20). С. 295-301.

Svidersky, A. A. (2021). Virtualization of the Reality of a Technogenic Society. *Design, Use and Reliability of Agricultural Machinery*. No. 1 (20). Pp. 295-301. (In Russ.)

Троцкий, Л. (1923). *Литература и революция*. М.: Изд-во «Красная новь» 392 с.

Trotsky, L. (1923). *Literature and Revolution*. Moscow. 392 p. (In Russ.)

Федулин, А. А., Багдасарян, В. Э. (2012). *Сервис и ценности: вызов консьюмеризма*. Москва: Собрание. 264 с.

Fedulin, A. A., Bagdasaryan, V. E. (2012). Service and Values. The Challenge of Consumerism. Moscow. 264 p. (In Russ.)

Хабермас, Ю. (2002). *Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?* М.: Весь мир. 114 с.

Habermas, Y. (2002). *The Future of Human Nature. On the Way to Liberal Eugenics?* Moscow. 114 p. (In Russ.)

Широкалова, Г. С. (2020). Коронавирус и «служебные люди». *Философия хозяйства*. № 3 (129). С. 235-253.

Shirokalova, G. S. (2020). Coronavirus and “Service People” *Philosophy of Economy*. No. 3 (129). Pp. 235-253. (In Russ.)

Эко, У. (1994). Средние века уже начались. *Иностранная литература*. № 4. С. 258-267.

Eco, U. (1994). The Middle Ages Have Already Begun. *Russian Studies in Literature*. No. 4. C. 258-267. (In Russ.)

Slaughter, R., Bussey, M. (2005). *Futures Thinking for Social Foresight*. Taipei. Tamkang University Press. 195 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Семерник Снежана Здиславовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Захарова, 32, e-mail: semernik@grsu.by, https://orcid.org/0000-0003-4473-9774

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025
После доработки: 10.03.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Semernik Snezhana – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy Yanka Kupala State University of Grodno, Republic of Belarus, Grodno, Zakharova Str., 32, e-mail: semernik@grsu.by, https://orcid.org/0000-0003-4473-9774

The paper was submitted: 15.02.2025
Received after reworking: 10.03.2025
Accepted for publication: 20.03.2025

ПРАВО

УДК 347.122

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СИСТЕМУ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В. С. Каморный
Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
vs.kamor@bk.ru

Н. Ю. Чернусь,
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
preiudicia@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы современного развития системы объектов гражданских прав под воздействием инновационных технологий. Исследуется вопрос о значении определения понятия и перечня объектов гражданских прав. Обосновывается понимание объекта гражданских прав через благо. Рассматриваются изменения перечня объектов гражданских прав в связи с исключением из него информации и включением интеллектуальной собственности и «белых» цифровых объектов. Анализируется текущее положение объектов, которые потенциально могут стать объектами гражданских прав в будущем, – «серые» цифровые объекты, персональные данные и объекты соматических прав.

Ключевые слова: инновационные технологии, объект гражданских прав, информация, цифровой объект, персональные данные, соматические права.

Для цитирования: Каморный, В. С., Чернусь, Н. Ю. (2025). Влияние инновационных технологий на систему объектов гражданских прав. *Respublica Literaria.* Т. 6. № 1. С. 134-144. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.134-144

IMPACT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES ON THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

V. S. Kamornyj
Novosibirsk State University (Novosibirsk)
vs.kamor@bk.ru

N. Y. Chernus
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
preiudicia@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of the modern development of the system of objects of civil rights under the influence of innovative technologies. The article studies the question of the meaning of definition and the list of objects of civil rights. The author reasons the understanding of the object of civil rights as goods. The article analyses changes to the list of objects of civil rights in connection with the exclusion of information from it and the inclusion of intellectual property and “white” digital objects. The article sequentially analyses the current situation of objects that could potentially become objects of civil rights in the future – “gray” digital objects, personal data and objects of somatic rights.

Keywords: innovative technologies, object of civil rights, information, digital object, personal data, somatic rights.

For citation: Kamornyj, V. S., Chernus, N. Y. (2025). Impact of Innovative Technologies on the System of Objects of Civil Rights. *Respublica Literaria.* Vol. 6. No. 1. Pp. 134-144. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.134-144

Гражданские правоотношения представляют собой юридическую форму существования товарооборота и связанных с ним социальных взаимодействий. Экономические связи, обличенные в юридическую форму, наделяются такими качествами, как устойчивость, непротиворечивость и сбалансированность, именно благодаря их правовому регулированию. Правовое регулирование гражданских отношений, таким образом, выступает в роли механизма, способствующего развитию рыночной экономики, одновременно сдерживая, ограничивая проявления таких ее свойств, которые имеют негативные последствия, неблагоприятно воздействуют на социальные и экономические отношения, что обусловлено необходимостью соблюдения баланса интересов всех участников рынка.

Правовое регулирование осуществляется через установление условий для возникновения гражданских правоотношений. Эти условия можно охарактеризовать как юридический состав, который включает в себя требования к субъектам, объекту и значимым обстоятельствам, связанным с данными отношениями. Отсутствие требуемых условий исключает такое отношение из сферы гражданско-правового регулирования.

Следует отметить, что негативное правовое регулирование, проявляющееся в запрете на возникновение определенных отношений, не исключает эти отношения из области гражданско-правового регулирования. Запрещенные социальные отношения подлежат осуждению со стороны права, которое стремится их прекратить и восстановить первоначальное состояние. К неурегулированным же отношениям право проявляет нейтралитет – оно не стремится их прекратить, но и не предоставляет для них защиты. Неурегулированные отношения не обеспечены правовой поддержкой, по отношению к ним не могут использоваться механизмы юридической защиты.

В гражданском праве, в отличие от других отраслей, проблема неурегулированных отношений стоит наиболее остро, поскольку гражданское право исходит из общедозволительного (или диспозитивного) принципа правового регулирования – «разрешено все, что не запрещено». Данный принцип, в отличие от общезапретительного (или императивного) принципа, предполагает наличие безграничного множества вариантов отношений, только некоторые из которых – наиболее частые и «ценные» – получают достаточное правовое регулирование.

Вместе с тем, общественные отношения постоянно находятся в динамике и подчиняются тенденциям общественного развития. Время от времени они проходят через качественные изменения. В таких случаях структура системы общественных отношений изменяется – одни отношения устаревают и появляются реже, другие приходят им на смену и используются более интенсивно. Такие изменения на уровне элементов отношений могут происходить в субъектном составе (общество в целом признало права социальной группы внутри него), в объекте (появление потребности в обороте объекта нетипичной природы) или содержании (изменение представления общества о должном поведении).

Поэтому гражданское право вынуждено быть динамичной отраслью, подверженной изменениям, корреспондирующим динамике общества. И задачей исследователей на каждом этапе развития цивилистики является анализ системы общественных отношений и выявление новых общественных отношений, требующих правового регулирования. В настоящей статье мы рассмотрим объектный аспект изменения общественных отношений за последнее время, корреспондирующие изменения в гражданском праве и вектор его развития.

Итак, одним из условий возникновения гражданского правоотношения является соблюдение требований к объекту отношения – он должен быть объектом гражданских прав.

Определение объекта гражданских прав, которое содержало бы его признаки, отсутствует в законодательстве. В доктрине нет однозначного подхода к данному определению [Беспалов, 2019, с. 7-8]. Нет единства и в том, может ли у данного понятия быть единое определение. Так, представители договорного права отстаивают точку зрения о двойственности этого понятия [Брагинский, Витрянский, 1999, с. 278]. Мы же оставим этот вопрос за рамками настоящей статьи, но условимся, что объект гражданских прав един.

В доктрине объект гражданских прав определяется через благо (Г. Ф. Шершеневич, О. А. Красавчиков, С. С. Алексеев), через поведение (О. С. Иоффе, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, А. П. Сергеев) и через иные категории. Мы будем придерживаться первой позиции, отраженной в Гражданском кодексе РФ (ст. 128).

Рассмотрим смежное понятие. В гражданском праве понятия «объект гражданских прав» и «объект гражданского правоотношения» не равнозначны, но в большинстве случаев взаимозаменяемы. Различие их заключается в том, что в объем понятия «объект гражданских прав» включаются все и любые объекты, по которым потенциально могут возникнуть гражданские правоотношения. Объектами гражданских правоотношений же выступают те объекты гражданских прав, на которые такие гражданские права возникли. Другими словами, объект гражданских прав может находиться в обороте, а объект гражданских правоотношений уже находится в обороте.

В рамках цивилистической доктрины, целесообразно проанализировать детерминирующие факторы, обусловливающие квалификацию объекта гражданских прав как блага. С функциональной перспективы, объект гражданских прав выступает в качестве аксиальной точки правоотношения, аккумулирующей права и обязанности субъектов гражданского оборота. Он представляет собой предмет оборотоспособности, характеризующийся динамикой прав и обязанностей в процессе реализации правоотношения. Детерминантой оборотоспособности выступает объективная потребность в гражданском обороте рассматриваемого предмета, обусловленная его полезностью. Под полезностью понимается способность объекта удовлетворять определенную потребность, что позволяет квалифицировать его как «благо». Различные блага обладают потенциалом удовлетворения разнородных потребностей, в связи с чем, субъекты гражданского оборота, в процессе рыночного взаимодействия, осуществляют селекцию, определяя приоритетность благ. Иными словами, благо является ключевой категорией гражданского оборота. Само гражданское отношение возникает по поводу блага и регулируется в соответствии с признаками такого блага.

Поведение при этом может само выступать благом. Если лицо вступило в отношения исключительно для поведения другого лица без очевидного предоставления каких-либо благ со стороны другого лица, то само его поведение выступило для первого лица благом.

Сторонники «поведенческого» подхода к объекту гражданских прав указывают, что правовое регулирование как таковое может воздействовать только на поведение, а не на блага [Суханов, 2019, с. 335]. Соответственно, они приравнивают объект правового регулирования к объекту гражданских прав и наоборот, что представляется нам необоснованным. Правовое регулирование и его механизм не имеет практически ничего общего с механизмом правоотношения. Объектом правового регулирования являются общественные отношения в целом, содержанием которых является поведение субъектов. Гражданское правоотношение представляет собой общественное отношение, урегулированное правом. Оно имеет собственную структуру.

И последнее замечание к этому вопросу. Гражданское правоотношение является, как мы уже указывали выше, юридической формой товарооборота. Если в качестве объекта гражданских прав выступает поведение, то связь между юридической формой и экономическим содержанием разрывается, поскольку «оборот поведения» абсурден. Поведение, которое является желаемым или достигнутым результатом отношений, опосредует оборот и служит ему. Поэтому создание мысленной «прослойки» между правоотношением и товарооборотом представляется нам непрактичным.

Возвратимся теперь к определению объекта гражданских прав. По нашему мнению, таким объектом является (1) благо, которое (2) оборотоспособно объективно и (3) формально.

О первом признаке – объекте как благе – шла речь выше. Второй признак устанавливает, что благо должно быть объективно оборотоспособно, т. е. оно должно существовать в соответствующей форме, которая позволяет благу быть определенным, ограниченным, будь то физически (относительно материальных благ) или мысленно (относительно нематериальных благ). Это благо также должно быть достаточно устойчивым (т. е. существовать не краткосрочно). Так, например, воздух не является ограниченным сам по себе, но его можно ограничить герметичными контейнерами, и тогда он станет физически оборотоспособным.

Третий признак – формальная оборотоспособность – отделяет объекты в целом от объектов гражданских прав. Этот признак устанавливает, что объект должен быть признан правом, т. е. если объект не назван в законе в качестве объекта прав, то по поводу его оборота не могут возникать правоотношения, т. к. на его оборот не распространяется правовое регулирование.

Эта формальная оборотоспособность выражена в статье 128 ГК РФ. Законодатель прямо перечисляет виды объектов гражданских прав. Однако перечисление всех видов объектов не может быть полным, если такое перечисление не является дихотомическим, т. е. с использованием противопоставления. Например, так законодатель упустил из сферы правового регулирования неличные неимущественные отношения, установив разделение гражданских отношений на имущественные и личные неимущественные (если, конечно, читатель разделяет наше убеждение о существовании неличных неимущественных отношений, т. е. отношений, напрямую не связанных с материальным миром и личностью).

Таким образом, определение того, что является либо не является объектом гражданских прав, включает объект в юридическую реальность или исключает из нее. В одних случаях неурегулированность правом отношений не имеет негативного влияния на них. Отношения, которые в достаточной степени урегулированы другими социальными нормами, не требуют правового регулирования. Такими являются, к примеру,

межличностные, бытовые, религиозные и другие отношения. К тому же такие отношения могут все же частично подпадать под сферу гражданско-правового регулирования через призму гражданско-правовых принципов. Однако такая точка зрения не лишена изъянов – непонятно, как гражданское право может регулировать отношение, которое хоть и имеет признаки гражданского (равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность сторон), но возникло по поводу объекта, неизвестного гражданскому праву.

В других случаях неурегулированность правом отношений имеет негативные последствия. Так, например, организационные отношения, которые имеют своим объектом порядок или упорядоченность отношений сторон без имущественной составляющей, являются жизненно необходимыми для гражданского оборота. Но такой объект не признается объектом гражданских прав в ГК РФ. Следовательно, на организационные отношения распространяются только общие принципы гражданского права и в том числе принцип возмещения убытков. Но поскольку объект организационных отношений в виде неличного нематериального блага не может непосредственно влиять на имущественную сферу сторон, то неисполнение обязанностей по организационному договору может вызвать имущественные потери у другой стороны лишь косвенно, соответственно возмещение убытков в качестве способа защиты в большинстве случаев неприменимо. Единственный правовой механизм, который может стимулировать должника по организационному отношению, таким образом, это присуждение к исполнению обязательства в натуре. Но его применение не лишено своих вопросов за пределами настоящей работы.

Рассмотрим теперь изменения в системе объектов гражданских прав. За последнее время система объектов гражданских прав изменяется в основном вследствие влияния инновационных технологий на общественные отношения. И ответ правового регулирования на такие изменения может быть трех видов: расширение (отношение ранее не регулировалось, теперь регулируется), сужение (отношение ранее регулировалось, теперь не регулируется) и преобразование (отношение ранее регулировалось, но регулирование изменилось).

На текущий момент наблюдается тенденция к экспансии сферы объектов гражданских прав. С появлением новых общественных отношений по поводу новых благ законодатель стремится урегулировать наиболее «ценные» из них.

За последнее время произошли изменения относительно следующих объектов:

1) информация и интеллектуальная собственность;
2) «белые» цифровые объекты – цифровые права, цифровой рубль.

В настоящее время требуется правовое регулирование в отношении следующих объектов:

1) «серые» цифровые объекты – аккаунт, домен, игровые предметы, токены, «лиды»;
2) персональные данные;
3) объекты соматических прав – тело, органы, ткани.

Рассмотрим каждый из указанных случаев.

1. *Информация и интеллектуальная собственность.* Мы убеждены, что исключение из статьи 128 ГК РФ информации как объекта гражданских прав в связи с введением части четвертой ГК РФ было негативным сужением сферы правового регулирования. Внешне изменение схоже с преобразованием – на место информации пришла интеллектуальная собственность, хотя, полагаем, что это не совсем так.

На практике признание информации объектом гражданских прав было временной законодательной фикцией и отсылкой на разрозненное законодательство в сфере интеллектуальной собственности [Рожкова, 2019]. Природа интеллектуальной собственности не была на тот момент до конца ясна законодателю и потому вместо ее прямого включения в статью 128 ГК РФ при создании части первой ГК РФ было указано понятие, в содержание которого вся интеллектуальная собственность точно попадает.

Нам представляется верным, что информация без привязки к интеллектуальной собственности может в полной мере быть объектом гражданских прав. Информация представляет собой благо, поскольку имеет ценность – удовлетворяет потребность лиц в знании об определенных обстоятельствах, влияющих на принятие такими лицами решений. Информация оборотоспособна, поскольку является идеей, ограниченной определенным объемом и воплощаемой на определенном материальном носителе. Прекратился ли оборот информации как товара после исключения информации из статьи 128 ГК РФ? Нет. В юридической практике, напротив, появились соглашения о конфиденциальности (NDA). Как в случае с другими организационными договорами их правовое регулирование ограничивается общими принципами гражданского права и нормами об обязательствах.

Основными инновационными технологиями, которые изменили структуру общественных отношений и вызвали необходимость в товарообороте информации, были интернет, оптоволокно, спутники, мобильная связь и сами инновации как таковые. Указанные технологии не только повысили ценность информации, но и обеспечили ее высокую оборотоспособность.

2. *«Белые» цифровые объекты.* К ним относятся те цифровые объекты, которые уже получили достаточное юридическое закрепление, хотя в правоприменительной практике они все еще являются незнакомыми явлениями. Это цифровые права и цифровой рубль.

По существу, «белые» цифровые объекты представляют собой субъективное право в цифровой форме, т. е. у такого права есть «информационный» носитель – цифровой код, а у «информационного» носителя есть материальный носитель. В таком случае можно говорить о существовании сразу трех связанных прав – права на материальный носитель, права на код и права из кода – по аналогии с концепцией ценных бумаг. Сегодня оборот таких цифровых объектов в полной мере урегулирован гражданским законодательством и законодательством о цифровых финансовых активах.

Добавление цифровых объектов в перечень объектов гражданских прав является очевидным расширением регулирования. Основными инновационными технологиями, способствовавшими этим изменениям, выступили интернет, хэширование, децентрализация, разработка нового ПО в сфере передачи данных. Указанные технологии обеспечили физическую оборотоспособность цифровых объектов, а социум придал им ценность.

3. *«Серые» цифровые объекты.* Те же инновационные технологии привели к появлению «серых» цифровых объектов. К таким объектам относятся те цифровые объекты, оборот которых уже получил распространение и которые уже имеют возрастающую ценность вследствие развития технологий, но которые еще не регулируются гражданским правом. Среди таких можно назвать аккаунт, домен, игровые предметы, токены, «лиды».

Оборот аккаунтов на текущий момент полностью зависит от содержания пользовательского соглашения пользователя и сервиса. Возможность такого оборота чаще всего отрицается и при выявлении признаков оборота аккаунт блокируется. Устанавливая такие ограничения, сервисы руководствуются, в основном, этическими соображениями, а также ссылаются на требования федерального закона «О персональных данных». На практике это ограничивает возможность коммерциализации «раскрутки» аккаунта (развития аккаунта на начальном этапе, привлечения первой аудитории), что является все более распространенной практикой. Это также ограничивает возможность передачи аккаунта по наследству. В Германии такой спор имел место в 2018 г. и решение Федерального верховного суда ФРГ о возможности наследования нематериальных активов, даже напрямую связанных с личностью, полностью изменило правоприменительную практику (BGH, 12.07.2018).

Оборот доменных имен в России происходит по правилам, устанавливаемым Администратором национального домена в России – АНО «Координационный центр доменов.RU/РФ» – на основании соглашения с ICANN и Минкомсвязи России, а также операторами доменных имен, основным из которых является ООО «РЕГ.РУ». В данном случае можно говорить о делегированном правотворчестве, вызванном спецификой объекта регулирования. Являются ли в таком случае отношения по поводу доменов урегулированными? На наш взгляд, нет. Система актов администратора национального домена и оператора доменных имен существует практически независимо от гражданского права. Они пересекаются лишь в части регулирования гражданским правом обязательств. Однако иные институты гражданского права не могут быть с уверенностью применены к доменам. Так, например, на домены не распространяются положения о наследовании. Передача прав на домен правопреемнику происходит только на основании «соглашения о переходе прав администрирования доменного имени в случае смерти администратора». В случае его отсутствия регистрация домена аннулируется после смерти владельца на основании того, что договор оказания услуг, заключенный с ним, имел личный характер, и права по нему не переходят наследникам.

Оборот игровых предметов осуществляется по правилам торговых площадок и не регулируется законом напрямую. Поэтому правила торговых площадок имеют договорную природу, как и в случае с аккаунтом. Но в данном случае игровой предмет не является чем-то абсолютно незнакомым для права. По своей сути оборот игровых предметов идентичен обороту товаров в исключительно электронной форме. Однако в случае нарушения прав на игровые предметы российские суды чаще всего прибегают к применению статьи 1062 ГК РФ и лишают такие отношения защиты, что представляется нам негативной практикой. В этом вопросе мы согласны с М. А. Рожковой, что «этот сущностный признак [элемент выигрыша, зависящий от действий пользователя] является значимым только для внутриигровых отношений и отношений по поводу лутбоксов, тогда как в остальных случаях он не имеет ровным счетом никакого значения» [Рожкова, 2021]. Поскольку отношения, возникающие при обороте игровых предметов, чаще всего выходят за рамки внутриигровых отношений (являются отношениями на метаигровой торговой площадке), то у судов не должно быть оснований лишать их правовой защиты. Нам представляется правильным, что применять данный принцип следует только к отношениям, в которых есть элемент азартности (связанности с риском, случайностью). И в отношениях купли-продажи игровых предметов такого элемента мы не наблюдаем.

Токены (взаимозаменяемые (fungible) и невзаимозаменяемые (non-fungible)) являются наиболее новыми объектами в данном перечне. Они представляют собой определенную криптографическую запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке. Токены появились в результате развития технологии блокчейн – способа шифрования транзакции, в результате которого каждый последующий блок кода содержит информацию о предыдущем. Токены используются в самых разных качествах в связи с их основным свойством – они подтверждают определенную транзакцию. В совокупности со знанием о смарт-контракте (автоматически исполняемом коде, размещенном в той же блокчейн-сети) значение каждого токена может быть расшифровано в человеко-читаемый вид. Особую популярность получили такие виды токенов, как криптовалюта (взаимозаменяемые токены децентрализованного реестра) и NFT (невзаимозаменяемые токены). Оборот токенов регулируется несколькими видами источников. С одной стороны, он регулируется общими правилами блокчейн-сети, в которой эмитирован. С другой стороны, переход прав на токены происходит по правилам, устанавливаемым эмитентом в смарт-контракте, который по своей природе походит на договор присоединения с содержанием купли-продажи, мены, дарения и др.

«Лиды» – это основное понятие, вокруг которого строится договор лидогенерации. Договор лидогенерации – это договор, по которому лидогенератор по заказу рекламодателя размещает в Интернете определенные рекламно-информационные материалы с гиперссылкой на ресурс рекламодателя, а рекламодатель оплачивает такое размещение, исходя из количества «лидов». Под «лидом» понимается целевое действие, которое должен совершить пользователь. Это может быть переход по такой гиперссылке, регистрация на ресурсе рекламодателя или приобретение его продукта. Техническая реализация лидогенерации возможна благодаря технологии cookie-файлов. Это файлы, хранящие информацию о взаимодействиях пользователя, о его сеансе и прочую статистическую информацию. В таком файле хранится, в том числе, информация о том, «откуда» пользователь перешел на текущий ресурс. Владелец ресурса (чаще всего – рекламодатель) собирает информацию из этих файлов и формирует статистику. Договор лидогенерации не имеет аналогов в гражданском праве. Конструкция оплаты услуг в зависимости от действий третьих лиц имеет риск противоречить положениям гражданского законодательства об исполнении обязательств. Несмотря на то, что в ГК РФ была включена статья 327.1 об обусловленном исполнении обязательства, она не говорит напрямую о третьих лицах. Нам представляется обоснованным полагать, что поскольку законодатель позволяет обусловить исполнение обязательства наступлением каких-либо обстоятельств, в том числе зависящих от воли одной из сторон, то и действия третьих лиц могут служить таким допустимым условием. Однако стоит помнить о позиции Конституционного Суда РФ о недопустимости «гонорара успеха», т. е. зависимости оплаты услуг от обстоятельств, не зависящих напрямую от воли исполнителя. «По смыслу пункта 1 статьи 423 ГК РФ плата <...> по всякому возмездному договору, производится за исполнение своих обязанностей» (Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П). Вопросы в лидогенерации возникают и в порядке подсчета «лидов». Общего правила о том, кто ведет статистику – рекламодатель или лидогенератор – нет. На практике, если такое условие не было согласовано сторонами в договоре, правовой механизм разрешения такого спора отсутствует, что дестабилизирует отношения по лидогенерации.

4. *Персональные данные.* С развитием технологий больших данных, машинного обучения и ИИ возрастает ценность самих данных, особенно персональных данных. Персональные данные являются разновидностью информации с особым правовым режимом. На операторов персональных данных законом и актами Роскомнадзора возложен значительный объем обязанностей по сохранению конфиденциальности таких данных. Такой правовой режим обусловлен повышенной степенью «чувствительности» персональных данных для их субъектов. Персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу. С помощью таких данных можно узнать обстоятельства частной жизни лица, что нарушает конституционный принцип неприкосновенности частной жизни, а также личной и семейной тайны.

Однако это не исключает оборот персональных данных. Персональные данные передаются от субъекта оператору, а оператор может передать их по поручению на обработку другому лицу. Такое поручение имеет природу договора в силу прямого указания закона (пункт 3 статьи 6 федерального закона «О персональных данных»). Соответственно, возникает ситуация, при которой основы оборота персональных данных регулируются общими положениями об обязательствах, а специфика этого оборота – публичным правом.

Для дальнейшего развития технологий в сфере ИИ рано или поздно потребуются базы персональных данных. Но в то же время даже текущий строгий режим защиты персональных данных уже не способен предотвращать их утечки, которые возникают регулярно. Соответственно, законодателю придется принять решение – существенно ограничить перечень персональных данных или же обеспечить непрерывную разработку новых мер их защиты и ужесточить регулирование.

5. *Объекты соматических прав.* Соматические права сегодня находятся на грани права и этики. Многие ученые называют их четвертым поколением прав человека. Однако позиции, как в доктрине, так и в практике далеки от консенсуса [Нестерова, 2011]. Идея соматических прав человека происходит из юридической и философской логики и находит свое выражение в естественном праве человека на свое тело. Такое право предполагает возможность человека распоряжаться частями и органами своего тела, удалять и изменять их, модифицировать свой геном, прекращать свою жизнь. К таким возможностям нас приблизили новые медицинские технологии, криоконсервация, генетическая инженерия, технологии в области хирургии. Эти инновационные технологии обеспечили достаточную физическую оборотоспособность органов и тканей человека. Однако целью их развития были не соматические права, а лечение. И законодатель твердо признает, что единственным допустимым случаем оборота органов и тканей человека является донорство с целью излечения другого человека. Возмездность в таком случае исключается, хотя донору выплачивается компенсация. Такой подход законодателя обусловлен опасением, что свободный оборот органов и тканей человека приведет к эксплуатации людей и вынужденной (чем-то или кем-то) продаже органов. Кроме того, модифицирование генома без цели лечения влияет не только на лицо, геном которого модифицируется, но и на его потомков. А их права на жизнь и здоровье также необходимо учитывать и обеспечивать, поскольку искусственное изменение генома родителя может привести к неблагоприятным мутациям у потомков.

Вместе с этим, потребность в правовом определении соматических прав становится все более очевидной. Нам представляется, что их закрепление неминуемо, хоть и находится в далеком будущем. Большинство споров относительно соматических прав должны

разрешиться с нахождением правового баланса, который представляет собой разумное соотношение предоставляемых государством соматических прав и их ограничений. Следовательно, чтобы приблизиться к закреплению соматических прав, необходимо определить их ограничения. Это уже было предметом нашего рассмотрения ранее [Каморный, 2022].

Вывод. К системе объектов гражданских прав необходим системный подход в части перечня таких объектов. Изменение этой системы должно в полной мере отвечать изменениям структуры общественных отношений. На текущий момент наблюдается тенденция к экспансии сферы объектов гражданских прав. За последнее время произошли изменения относительно информации и интеллектуальной собственности, «белых» цифровых объектов (цифровые права, цифровой рубль). Пришло время определить правовой режим так называемых «серых» цифровых объектов (аккаунт, домен, игровые предметы, токены, «лиды»), персональных данных и объектов соматических прав (тело, органы, ткани).

Список литературы / References

Беспалов, Ю. Ф. (2019). Объекты гражданских и семейных прав: понятие, социально-правовая ценность, некоторые тенденции совершенствования законодательства РФ. *Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации.* Отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект. С. 6-17.

Bespalov, U. F. (2019). Objects of Civil and Family Rights: the Concept, Social and Legal Value, Some Trends to Improve the Legislation of the Russian Federation. In *Objects of civil and family rights under the legislation of the Russian Federation*. Bespalov, U. F. (ed.). Moscow. Pp. 6-17. (In Russ.)

Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. (1999). *Договорное право. Книга первая: Общие положения*. М.: Статут.

Braginskij, M. I., Vitrjanskij, V. V. (1999). *Contract Law. Book One. General Provisions*. Moscow. (In Russ.)

Каморный, В. С. (2022). Пределы осуществления соматических прав. *Научный аспект*. Т. 1. № 2. С. 50-57.

Kamornyj, V. S. (2022). Limitations of exercise of somatic rights. *Aspect of Science*. Vol. 1. No. 2. Pp. 50-57. (In Russ.)

Нестерова, Е. М. (2011). Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека. *Социально-экономические явления и процессы*. № 7 (29). С. 222-226.

Nesterova, E. M. (2011). Definition and Legal and Social Essence of Human Somatic Rights. *Socio-Economic Phenomena and Processes*. No. 7 (29). Pp. 222-226. (In Russ.)

Рожкова, М. А. (2019). Информация как объект гражданских прав. *III Сибирские правовые чтения: сборник научных статей*. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета. С. 42-47.

Rozhkova, M. A. (2019). Information as the object of civil rights. In *III Siberian Legal Reading. Collection of Scientific Articles*. Tyumen. Pp. 42-47. (In Russ.)

Рожкова, М. А. (2021). О применении ст. 1062 ГК РФ к отношениям по поводу многопользовательских онлайн-игр. *Хозяйство и право*. № 1 (528). С. 99-108.

Rozhkova, M. A. (2021). On Application of Article 1062 of the Civil Code of the Russian Federation to the Relations out of Multiplayer Online Games. *Economy and Law*. No. 1 (528). Pp. 99-108. (In Russ.)

Суханов, Е. А. (2019). Понятие и виды объектов гражданских правоотношений. *Гражданское право: учебник. Т. 1: Общая часть*. Отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут. С. 335-341.

Sukhanov, E. A. (2019). The Concept and Types of Objects of Civil Law Relations. In Sukhanov, E. A. (ed.). *Civil Law. Student Book. Vol. 1. General part*. Moscow. Pp. 335-341. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Каморный Виталий Сергеевич – магистрант кафедры гражданского права Института философии и права Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Пирогова, 1, email: vs.kamor@bk.ru.

Чернусь Надежда Юльевна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: preiudicia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9316-524X

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025
После доработки: 15.03.2025
Принята к публикации: 24.03.2025

Kamornyj Vitalij – Master's student of the Department of Civil Law of the Institute for the Philosophy and Law of Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova St., 1, email: vs.kamor@bk.ru.

Chernus Nadezhda – Candidate of Law Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: preiudicia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9316-524X

The paper was submitted: 15.02.2025
Received after reworking: 15.03.2025
Accepted for publication: 24.03.2025

УДК 347.633+173

«ИНТЕРЕСЫ РЕБЕНКА» В КОНТЕКСТЕ УСЫНОВЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Н. Е. Лукьянов
Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
nikolaylukyanov70@gmail.com

Д. А. Квашнина
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Новосибирск)
darya-blond@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья предлагает сравнительно-правовой анализ понятия «интересы ребенка», используемого в контексте международного и национального усыновления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью защиты прав детей – одной из наиболее уязвимых групп населения, а также возрастающим числом трансграничных усыновлений. В настоящее время в научной литературе отсутствует единая точка зрения на определение сущности понятия «интересы ребенка», что может привести к нескольким последствиям: правовой неопределенности; сложностям в международных отношениях, усиливающих риск субъективизма; недостаточности защиты прав ребенка.

На основе проведенного анализа научной литературы, авторы выделяют три точки зрения к определению сущности понятия «интересы ребенка». В дальнейшем предлагается рассматривать «интересы ребенка» на трех уровнях: макроуровне (универсальные потребности), мезоуровне (учет этнических, культурных и религиозных особенностей) и микроуровне (индивидуальные особенности ребенка). В статье подчеркивается динамика изменений интересов ребенка, трансформирующихся в зависимости от возраста, состояния здоровья и других факторов.

Ключевые слова: сравнительный анализ, усыновление, интересы ребенка, наилучшие интересы ребенка, права детей, ребенок, законодательство в области усыновления.

Для цитирования: Лукьянов, Н. Е., Квашнина, Д. А. (2025). «Интересы ребенка» в контексте усыновления: сравнительный анализ международного и национального права. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 145-158. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.145-158

"THE INTERESTS OF THE CHILD" IN THE CONTEXT OF ADOPTION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

N. E. Lukyanov
Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
nikolaylukyanov70@gmail.com

D. A. Kvashnina
Siberian Institute of Management – branch of RANEPA (Novosibirsk)
darya-blond@mail.ru

Abstract. This article offers a comparative legal analysis of the concept of "interests of the child" used in the context of international and national adoption. The relevance of the study is due to the need to protect the rights of children – one of the most vulnerable groups of the population, as well as the increasing number of cross-border

adoptions. Currently, there is no single point of view in the scientific literature on the definition of the essence of the concept of "the interests of the child", which can lead to several consequences: legal uncertainty; difficulties in international relations, increasing the risk of subjectivity; insufficient protection of the rights of the child.

Based on the analysis of scientific literature, the authors highlight three points of view on defining the essence of the concept of "interests of the child". In the future, it is proposed to consider the "interests of the child" at three levels: macro level (universal needs), meso level (taking into account ethnic, cultural and religious characteristics) and micro level (individual characteristics of the child). The article emphasizes the dynamics of changes in a child's interests, which are transformed depending on age, health status, and other factors.

Keywords: comparative analysis, adoption, interests of the child, the best interests of the child, children's rights, child, legislation in the field of adoption.

For citation: Lukyanov, N. E., Kvashnina, D. A., (2025). "The Interests of the Child" in the Context of Adoption: A Comparative Analysis of International and National Law. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 145-158. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.145-158

В современном мире, где права и благополучие детей становятся приоритетом международной и национальной политики, понятие «интересы ребенка» занимает центральное место в правовых, социальных и педагогических дискуссиях. Актуальность исследования обусловлена сразу несколькими моментами. Во-первых, дети – это особая категория населения, обеспечение прав которой является в первую очередь внутренним делом каждого государства. Сравнительный анализ понятия «интересы ребенка» позволяет выявить общие тенденции и национальные особенности, его интерпретации в различных правовых системах и культурных контекстах. Это особенно важно в условиях глобализации, когда международное сотрудничество в области защиты прав детей требует унификации стандартов, учитывающих как универсальные ценности, так и локальные традиции. Во-вторых, защита и обеспечение интересов детей ложится на плечи государственных органов и законных представителей, чье видение ситуации не всегда может совпадать с реальными интересами детей. В-третьих, в отечественной научной литературе понятию «интересы ребенка» уделяется мало внимания, по сути пик исследований пришелся на середину 2010-х гг., и в основном в них предпринимаются попытки сформулировать универсальное понятие. В-четвертых, актуальность исследования данного понятия обусловлена его многогранностью и значимостью для формирования эффективных механизмов защиты прав детей и для разработки стратегий, направленных на обеспечение их гармоничного развития. Актуальность исследования также связана с необходимостью совершенствования законодательства и практики его применения в сфере семейного, образовательного и социального права. Понимание того, как интерпретируются и реализуются интересы ребенка в разных странах, способствует выработке более эффективных инструментов для защиты прав несовершеннолетних, предотвращения их дискриминации и обеспечения их полноценного участия в общественной жизни.

Методология исследования. В исследовании используются системный метод и сравнительно-правовой анализ. Сравнительно-правовой анализ позволяет рассмотреть и сопоставить подходы к понятию «интересы ребенка» на международном, национальном и локальном уровнях. Системный метод позволяет интегрировать данные с разных уровней для формирования целостной картины. Такой многоуровневый анализ позволяет не только

выявить общие тенденции и различия в интерпретации «интересов ребенка», но и предложить рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения с учетом глобальных стандартов и локальной специфики. Для проведения сравнительного анализа понятия «интересы ребенка» в контексте законодательства, включая международное, национальное и локальное регулирование, используется анализ на нескольких уровнях, охватывающий макро-, мезо- и микроуровни, что позволяет комплексно изучить проблему, учитывая, как глобальные тенденции, так и специфику отдельных правовых систем и практик.

Все вышесказанное определило *цель* исследования – провести сравнительно-правовой анализ сущности понятия «интересы ребенка». Для начала определим, что понимается под «интересами ребенка». В отечественных исследованиях, посвященных определению сущности понятия «интересы ребенка», отсутствует общепринятая точка зрения. О. А. Бондаренко отмечает, что «“интересы ребенка”» – понятие, которое имеет различное наполнение и звучание в теории права и практике его применения» [Бонадренко, 2017, с. 46]. Такое состояние влечет, в свою очередь, по мнению О. Ю. Ильиной, «различное смысловое наполнение рассматриваемого понятия» [Ильина, 2017, с. 21]. Однако некоторые трактовки имеют определенные сходства, что позволяет выделить три основных точки зрения к определению понятия «интересы ребенка». Согласно первой точке зрения, под «интересами ребенка» понимаются жизненно важные потребности (условия), необходимые для существования ребенка. С такой позиции, «интересы ребенка» являются фиксированной величиной, с минимальными требованиями. В этом случае условия жизни ребенка могут либо «полностью соответствовать» указанным требованиям и интересам ребенка, либо «не соответствовать».

Так, О. Ю. Ильина определяет «интересы ребенка» как потребность ребенка в благоприятных условиях. Реализация же указанных условий, по ее мнению, является обязанностью родителей [Ильина, 2006, с. 27]. В указанном понятии можно обнаружить прямую связь между «интересами ребенка» и выполнением родителями своих обязанностей, установленных законодательством. Ю. Ф. Беспалов в своих работах под «интересами ребенка» понимал «условия, необходимые для его содержания и благополучного развития» [Беспалов, 2015, с. 12]. Похожей точки зрения придерживалась и М. В. Антакольская, которая рассматривала «интересы ребенка» как «объективные условия, необходимые для его выживания, развития и социализации, которые должны быть обеспечены государством, семьей и обществом» [Антакольская, 2013, с. 293]. А. В. Заряева и В. Д. Малкова так же определяли «интересы ребенка» как «жизненно важные потребности ребенка, без реализации которых он не может жить и развиваться» [Заряева, Малкова, 2005, с. 280].

Согласно второй точке зрения, «интересы ребенка» выступают качественной характеристикой, критерием для определения уровня жизни ребенка. В таком случае действия лиц или условия жизни могут соотноситься с интересами ребенка «лучше» или «хуже», но низкий уровень условий жизни ребенка при этом может соответствовать необходимому минимуму. Так О. Ф. Нечаева определяет «интересы ребенка» как «оптимальные и объективные условия проживания, содержания и воспитания ребенка, обеспечивающие его физическое, психическое, нравственное и духовное развитие» [Нечаева, 2012 с. 62]. Она так же отмечает, что «оценивать интересы ребенка необходимо

еще с точки зрения его развития (нравственного, духовного, физического)» [Нечаева, 2012, с. 63-64]. По мнению Н. В. Кравчука, под «интересами ребенка» следует понимать «систему координат, и в ее рамках должна рассматриваться ситуация, в которой находится ребенок, и действия, которые должны предпринимать окружающие его люди и уполномоченные органы» [Кравчук, 2017, с. 99]. «Интересы ребенка» при этом являются регулятором, которым, по его мнению, следует руководствоваться при возникновении различных коллизий. Среди зарубежных исследователей стоит отметить работу С. Сарджент, в которой «интересы ребенка» упоминаются как некий стандарт, ожидаемое поведение всех участников отношений в контексте усыновления [Sargent, 2009, p. 29]. Один из разработчиков проекта Конвенции о правах ребенка – Дж. Ван Бюрен – отмечает, что нельзя установить четкий, исчерпывающий перечень условий, соответствующих «интересам ребенка». Поэтому такое понятие должно быть максимально гибким, и каждое дело, где фигурируют «интересы ребенка», должно рассматриваться индивидуально [Van Bueren, 1998, p. 47].

Третья точка зрения является комбинацией первых двух. Например, О. Г. Миролюбова предлагает рассматривать «интересы ребенка» как «охраняемые законом потребности ребенка в материальных или духовных благах, обеспечивающих его гармоничное личностное развитие, либо (в зависимости от степени осознания) стремление к достижению этих благ, служащее регулятором деятельности ребенка, его родителей, законных представителей, иных субъектов, уполномоченных государственных органов, а также критерием осуществления и защиты прав» [Миролюбова, 2012, с. 58]. По сути, это довольно сложносоставное понятие О. Г. Миролюбовой включает в себя содержание «интересов ребенка» как жизненно важных потребностей, а также степень соответствия им условий. Важно отметить и акцент на учете мнения ребенка.

В отечественном законодательстве понятие «интересы ребенка» упоминается довольно часто. Только в 19 главе Семейного кодекса РФ, посвященной вопросам усыновления, понятие «интересы ребенка» можно встретить в статьях 124, 137, 141 и 143 СК РФ. В соответствии с семейным законодательством РФ, усыновление или удочерение является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и должно соответствовать «интересам ребенка»[1]. Однако в самом Семейном кодексе не содержится определение понятия «интересов ребенка» и не раскрывается их содержание. В утратившем силу Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.07.1997 № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления» упоминалось, что под «интересами ребенка», которые в силу п. 1 ст. 124 СК РФ обязательно должны быть соблюдены при усыновлении, следует понимать «обеспечение условий, необходимых для его полноценного физического, психического и духовного развития»[2]. В действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ под «интересами детей» понимается «создание, в частности, благоприятных условий (как материального, так и морального характера) для их воспитания и всестороннего развития, с учетом этнического происхождения,

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ, ст. 124 (с изменениями и дополнениями от 05.02.2025). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 07.02.2025).

[2] О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении усыновления: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 9, п. 15 (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15039/ (дата обращения: 07.02.2025).

принадлежности его к определенной религии и культуре, родного языка, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие»[3].

В законодательстве субъектов раньше закреплялось определение понятия «интересы ребенка». Так, в документах, регулирующих деятельность органов опеки и попечительства в республике Кабардино-Балкария[4], Чувашской республике[5], в Ивановской области[6] и в городе федерального значения Москва, под «интересами ребенка» понимались «совокупность личных неимущественных и имущественных прав и законных интересов ребенка, обеспечивающих его нормальную жизнедеятельность»[7]. В действующем в настоящее время законодательстве этих субъектов отсутствует определение «интересов ребенка»[8], что вызвано принятием нового Федерального закона «Об опеке и попечительстве» и последующем изменением регионального законодательства. Но при этом сам закон «Об опеке и попечительстве» понятие «интересы ребенка» не закрепляет и не раскрывает[9].

Понятие «интересы ребенка» присутствует в международном законодательстве. Впервые оно упоминается в Декларации прав ребенка, согласно которой государству следует руководствоваться «наилучшими интересами ребенка» при принятии законов, позволяющих ребенку развиваться физически, умственно, нравственно и духовно» (принцип 2), а родители или другие лица, ответственные за воспитание ребенка, должны рассматривать обеспечение наилучших интересов в качестве руководящего принципа (принцип 7)[10]. В Конвенции о правах ребенка в статье 3 указывается, что наилучшему обеспечению интересов ребенка

[3] О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8, п. 15 (с изменениями и дополнениями от 17.12.2013). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 07.02.2025).

[4] Об органах опеки и попечительства: закон Кабардино-Балкарской Республики от 19 мая 2000 г. № 21-РЗ, ст. 1 (с изменениями и дополнениями от 29.12.2004). [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/907001126 (дата обращения: 07.02.2025).

[5] Об организации работы по опеке и попечительству: закон Чувашской Республики от 19 декабря 1997 г. № 29, ст. 1 (с изменениями и дополнениями от 4.02.2008) (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: ttp://docs.cntd.ru/document/804959242 (дата обращения: 07.02.2025).

[6] Об органах опеки и попечительства и патронате над несовершеннолетними в Ивановской области: закон Ивановской области от 15 февраля 2007 г. № 33-ОЗ, ст. 1 (с изменениями и дополнениями от 10.04.2012) (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/882213271 (дата обращения: 07.02.2025).

[7] Об организации работы по опеке, попечительству и патронату в городе Москве: закон города Москвы от 4 июня 1997 г. № 16, ст.1 (с изменениями и дополнениями от 29.09.2004) (утратил силу). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MLAW;n=7563#07115181564589932 (дата обращения: 07.02.2025).

[8] Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве: закон города Москва от 14 апреля 2010 г. № 12 (с изменениями и дополнениями от 25.12.2024). [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/3718611 (дата обращения: 07.02.2025).

[9] Об опеке и попечительстве: федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 8.02.2024). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 07.02.2025).

[10] Декларация прав ребенка (принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 07.02.2025).

уделяется первоочередное внимание. Исходя из дальнейшего смысла указанной нормы, а также преамбулы конвенции, можно сказать, что интересам ребенка соответствует необходимая защита, содействие и забота со стороны государства, а также создание атмосферы семейного окружения, счастья, любви и понимания, необходимой для полного и гармоничного развития личности ребенка[11]. В «Замечании общего порядка № 14 о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов» отмечается, что такое понятие является «гибким и адаптируемым, и позволяет учитывать индивидуальные особенности развития, личные обстоятельства и потребности ребенка»[12]. В Гаагской Конвенции о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления учет интересов ребенка упоминается как «обязательное условие международного усыновления, так и обязательное условие для его отмены»[13]. Европейская конвенция об усыновлении детей также упоминает «интересы ребенка» как необходимое условие усыновления. При этом само понятие «интересы ребенка» (как и понятие «наилучшие интересы ребенка») ни в Европейской конвенции, ни в Гаагской Конвенции об усыновлении не раскрывается.

Стоит отметить, что в Конвенции о правах ребенка используется понятие «наилучшие интересы ребенка» (в статьях 18.1, 20.1, 21.1), на основе чего можно предположить, что в указанном случае они выступают как оценочная категория. Такую же идею можно обнаружить и в Декларации прав ребенка 1959 г. (принцип 2) и в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (статья 5 пункт b), а также в ряде иных документов ООН[14]. В законодательстве ряда европейских государств (например, Нидерландов) наилучшие интересы ребенка являются именно оценочной категорией [Старовойтова, 2017, с. 9]. Однако их приоритет установлен не в отношении других прав ребенка, а в отношении иных лиц. В решениях ЕСПЧ обычно используется понятие «интересы ребенка» без упоминания «наилучших»[15]. В отечественном законодательстве, например, в Семейном кодексе РФ (глава 19), как было сказано выше, также используется понятие «интересы ребенка». Согласно В. В. Дориной, «ссылки на наилучшие интересы в международных актах касаются только детей, и ни к одной другой категории субъектов прав человека исследуемый принцип не применяется и не упоминается»

[11] Конвенция о правах ребенка: конвенция от 20 ноября 1989 г. (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/8dd76fa744c4a215c388d6a7b97017be1e8fe80d/ (дата обращения: 07.02.2025).

[12] Комитет ООН по правам ребенка (КПР), *Замечание общего порядка №14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3)*, 29 мая 2013, CRC /C/GC/14. [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html (дата обращения: 07.02.2025).

[13] Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления Гаага: конвенция от 29 мая 1993 г. (подписана Российской Федерацией 7 сентября 2000 года). [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902311(дата обращения: 07.02.2025).

[14] Например, такое упоминание можно встретить в упоминаемых выше Замечаниях общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов, изданных Комитетом ООН по правам ребенка (КПР) (п. 1, ст. 3). 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: ttps://www.refworld.org.ru/docid/528b2c874.html (дата обращения: 07.02.2025).

[15] Примерами такой практики можно назвать дело «Каруссиотис против Португалии». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/12190388/. И дело «Мэр (Maire) против Португалии». [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/55093883/ (дата обращения: 07.02.2025).

[Дорина, 2021, с. 114]. В связи с этим, и с учетом того, что РФ ратифицировала Конвенцию, на наш взгляд следует считать понятия «интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» тождественными по смыслу.

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что «интересы ребенка» определяются как жизненно необходимые потребности (условия) существования ребенка, либо некие критерии для определения уровня жизни ребенка. Третья точка зрения предполагает сочетание обеих озвученных выше.

Есть возможность, проинтерпретировать существование «интересов ребенка» на нескольких уровнях, где «интересы ребенка» как жизненно важные потребности находятся на макроуровне и охватывают всех детей. «Интересы ребенка» как совокупность условий, в большей степени соответствующих индивидуальным особенностям развития ребенка, находятся на микроуровне. Также, на наш взгляд, представляется логичным выделить мезоуровень, где «интересы ребенка» соответствуют в большей или меньшей степени определенным группам, например, этническим.

Соответственно, на макроуровне «интересы детей» выражены через требования к усыновителям, усыновляемым и к процедуре усыновления. Удовлетворение указанных интересов представляет тот минимальный набор требований, при котором усыновление в принципе возможно. Указанная группа интересов устанавливается государством и выступает как условия усыновления в отношении всех детей, участвующих в усыновлении. Кроме интересов ребенка данные нормы также отражают интересы государства (ст. 124, 127 СК РФ) и интересы иных лиц, в частности, бывших родителей, опекунов (ст. 129, 131 СК РФ) и других родственников (ст. 137 СК РФ). Однако в некоторых ситуациях данные требования могут вступать в конфликт с интересами ребенка. Так, О. Ю. Ильина утверждает, что «государственное регулирование направлено в первую очередь на увеличение численности детского населения и его оздоровление – государственные интересы в области демографии ставятся над интересами ребенка в их широком, международно-правовом понимании» [Ильина, 2015, с. 53]. Зарубежные авторы придерживаются схожей точки зрения. Так, британский юрист Дж. Ван Бюрен резюмирует, что «семейная жизнь не всегда отвечает интересам ребенка» [Van Bueren, 1998, p. 189]. С. Сарджент указывает на влияние государственных и иных интересов на международное усыновление, отмечая, что такое усыновление в первую очередь соответствует государственным интересам, вне зависимости от того, принимает такое государство детей или отдает [Sargent, 2009, p. 103]. Н. Кэнтуэлл отмечает, что «наилучшие интересы ребенка учитываются в процессе создания законодательства и системы органов, реализующей интересы ребенка» [Cantwell, 2014, p. 42].

Существуют условия для усыновления детей по российскому законодательству, без соблюдения которых усыновление невозможно в принципе. Такие условия соответствуют интересам детей на макроуровне. Примерами таких условий можно назвать:

– усыновление только несовершеннолетних детей (п. 2, ст. 124 СК РФ);

– запрет на усыновление братьев и сестер разными лицами (п. 3, ст. 124 СК.РФ);

– преимущественное усыновление детей российскими гражданами, и запрет на усыновление гражданами США (п. 4, ст. 124);

– запрет посреднической деятельности при усыновлении детей (ст. 126.1);

– запрет на усыновление определенными лицами (ст. 127 СК РФ);

– наличие разницы в возрасте между усыновителем, не состоящем в браке, и усыновляемым не менее 16 лет (ст. 128 СК РФ);

– наличие согласия на усыновление родителей ребенка, опекунов, попечителей (ст. 129, ст. 131 СК РФ);

– согласие супруга при усыновлении ребенка одним из супругов, если ребенок не усыновляется обоими супругами (п. 1, ст. 133 СК РФ);

– согласие ребенка достигшего возраста 10 лет на усыновление (ст. 132 СК РФ);

– соблюдение тайны усыновления (ст. 139 СК РФ).

На мезоуровне соответствие усыновления интересам ребенка рассматривается с учетом его этнических, культурных и религиозных особенностей. В российском законодательстве судам рекомендуется при рассмотрении соответствия усыновления интересам ребенка учитывать его этническое происхождение, принадлежность его к определенной религии и культуре, родной язык, возможности обеспечения преемственности в воспитании и образовании (ст. 123 СК РФ). Подобные положения можно найти в законодательстве других стран и в различных межгосударственных соглашениях [Кабанов, 2016, с. 212].

Например, в США усыновление детей – представителей коренного населения – регулируется отдельными федеральными законами, так, усыновление детей коренных американцев регулируется отдельным законом «О социальном благополучии индейских детей» (Indian Child Welfare Act-ICWA). Индейским ребенком считается неженатый человек до 18 лет либо член индейского племени, либо человек, обладающий правом состоять в племени. При усыновлении индейского ребенка приоритет отдается в следующем порядке:

1) член семьи индейского ребенка;

2) другие члены племени ребенка;

3) другие индейские семьи[16].

На микроуровне «интересы ребенка» рассматриваются с учетом индивидуальных особенностей ребенка. Указанные интересы могут вступать в конфликт с интересами на макроуровне или мезоуровне. В таком случае, интересы конкретного ребенка на микроуровне обладают приоритетом в зависимости от ситуации, возраста ребенка и других заслуживающих внимания обстоятельств. Однако указанные интересы требуют подробной регламентации для устранения возможности злоупотребления интересами детей. Например, Семейный кодекс РФ устанавливает возможность раздельного усыновления братьев и сестер, если такое усыновление соответствует интересам детей (п. 3, ст. 127 СК РФ). Так же допускается усыновление иностранными гражданами (за исключением граждан США). Хотя запрета на усыновление иностранцами нет, приоритет отдается российским гражданам, за исключением случаев, когда между иностранным гражданином и ребенком установлены родственные отношения (п. 4, ст. 127 СК РФ). Возможно усыновление лицами, имевшими судимость по деяниям, указанным в п 9, ст. 127 СК РФ. В таком случае суд учитывает индивидуально все обстоятельства и соответствие такого усыновления интересам ребенка, и возможность в полной мере обеспечить усыновляемому ребенку полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие без риска для жизни ребенка и его здоровья. Рассматривая далее личность усыновителя, отметим,

[16] Более подробно можно познакомиться: NICWA: National Indian Child Welfare Association. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nicwa.org/about-icwa/ (дата обращения: 07.02.2025).

что допускается усыновление лицами, имеющими заболевания, указанные в п. 6, ст. 127 СК РФ, и лицами, не имеющими достаточного дохода, а также лицами, не прошедшими необходимой подготовки, если такое усыновление соответствует интересам ребенка. В некоторых случаях допускается усыновление лицами, чья разница в возрасте с усыновляемым составляет менее 16 лет, опять же в случае соответствия такого усыновления интересам ребенка ст. 128 СК РФ. Как правило, усыновление в указанных выше случаях допускается в случае наличия фактически сложившихся семейных отношений.

Также стоит отметить, что суд может спросить мнение ребенка младше 10 лет, если придет к выводу, что ребенок способен сформулировать свои взгляды по вопросам, касающимся его усыновления. При наличии оснований полагать, что присутствие ребенка в суде может оказать на него неблагоприятное воздействие, суд выясняет по этому поводу мнение органа опеки и попечительства[17]. Суд также может разрешить общение ребенка с бывшими родственниками (бабушкой и дедушкой) (ст. 137 СК РФ).

Тайна усыновления в некоторых случаях может вступить в противоречие с правом ребенка знать своих родителей. В таком случае, в интересах ребенка ему может быть предоставлена информация о бывших родителях. По сути, решающее слово в данной ситуации отдается усыновителям.

Обратим внимание на то, что, хотя не установлено ограничение на усыновление для детей, болеющих различными заболеваниями, суду необходимо выяснить, известно ли усыновителям об имеющихся у ребенка заболеваниях, а также смогут ли они обеспечить такому ребенку надлежащий уход и соответствующее лечение[18]. Такая же точка зрения встречается и в зарубежных работах [Appell, Boyer, 1995, pp. 72-73].

Обобщая, можно сказать, что на микроуровне соответствие интересам ребенка рассматривается по следующим категориям:

а) личность и статус усыновителя;

б) согласие заинтересованных лиц;

в) индивидуальные особенности усыновляемого (возраст, здоровье, культура, этнические особенности, прошлый жизненный опыт ребенка);

г) взаимоотношения с бывшей семьей или иными лицами, с которыми у ребенка возникло чувство привязанности;

д) материальная обеспеченность усыновителя.

Определение интересов ребенка на индивидуальном уровне по указанным критериям еще не означает, что можно считать их идентичными интересам детей в целом. В зарубежном законодательстве можно проследить похожую тенденцию. Так, в США в каждом штате существует свое законодательство, регулирующее процедуру усыновления, но при этом существует федеральный единый акт, устанавливающий общие правила, касающиеся вопросов усыновления (Uniform adoption act). Кроме того, как было сказано выше, отдельными актами регулируются вопросы усыновления коренных жителей США (индейцы и жители Аляски).

---

[17] О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8, п. 4 (с изменениями и дополнениями от 17.12.2013). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59826/ (дата обращения: 07.02.2025).

[18] Там же, п. 15.

В заключение отметим, что Н. В. Кравчук предлагает похожую классификацию, разделяя факторы, оказывающие влияние на соответствие усыновления интересам ребенка, на объективные (социально-экономические) и субъективные (мнения лиц, участвующих в усыновлении). По его мнению, социально-экономические факторы в целом обладают большим приоритетом, чем субъективные, которые учитываются при соблюдении объективных факторов [Кравчук, 2017, с. 70]. С данным утверждением можно поспорить, поскольку выше нами было определено, что не всегда социально-экономические факторы предшествуют субъективным. Однако само разделение факторов на объективные и субъективные представляет интерес, и можно предположить возможный приоритет объективных факторов на макроуровне и приоритет субъективных факторов на мезо- и микроуровне.

С учетом всего вышесказанного, можно утверждать, что в отечественной научной литературе существует три точки зрения относительно определения «интересов ребенка»: как жизненно необходимых потребностей (условий) существования ребенка, либо неких критериев для определения уровня жизни ребенка, либо синтез обоих этих вариантов.

В работе представлена интерпретация указанных точек зрения как трех уровней анализа понятия «интересы ребенка». Если рассматривать понятие на макроуровне, то под «интересами ребенка» необходимо понимать совокупность условий, обеспечивающих его жизнедеятельность, нравственное и физическое воспитание. Иначе говоря, без соблюдения этих условий, усыновление или иные действия в отношении ребенка становятся невозможными (если конечно отдельные условия не противоречат интересам ребенка на микроуровне). На мезоуровне «интересы ребенка» представлены с учетом его этнических, культурных или религиозных особенностей. На микроуровне «интересы ребенка» рассматриваются в каждом случае отдельно, по определенным категориям. Это обусловлено воздействием на процесс формирования интересов факторов объективного (уровень дохода, наличие жилья, приоритет усыновления семейной парой) и субъективного характера (например, согласие родителей или согласие усыновляемого). В зависимости от ситуации приоритетом могут обладать как объективные, так и субъективные факторы. Указанная гибкость понятия «интересов ребенка» и сочетание государственных и индивидуальных интересов в процессе определения «интересов ребенка» на макроуровне может допускать возможность манипулирования указанным понятием. В качестве примера можно назвать запрет на усыновление гражданами определенных государств или ограничение усыновления детей представителями другой народности или культуры. Оценка интересов ребенка на микроуровне происходит по следующим категориям: а) личность и статус усыновителя; б) согласие заинтересованных лиц; в) индивидуальные особенности усыновляемого (возраст, здоровье, культура, этнические особенности, прошлый жизненный опыт ребенка); г) взаимоотношения с бывшей семьей или иными лицами, с которыми у ребенка возникло чувство привязанности; д) материальная обеспеченность усыновителя.

Можно отметить динамичный характер «интересов ребенка», т. к. они меняются в зависимости от возраста, здоровья, возникших потребностей, уровня психического развития. Международные акты намеренно не ограничивают принцип обеспечения «наилучших интересов ребенка», чтобы сохранить его гибкость и адаптируемость к каждому конкретному случаю. Работы как отечественных, так и зарубежных исследователей в целом

имеют сходство в постановке проблемы и в выводах, но при этом большинство исследователей рассматривают «интересы ребенка» лишь на одном из уровней. Что касается анализа законодательства, можно отметить, что понятия «интересы ребенка» и «наилучшие интересы ребенка» тождественны по своему смыслу, но при этом понятие «интересы ребенка» не закреплено в настоящее время в федеральном законодательстве, но в прошлом присутствовало в правовых актах субъектов РФ.

Понятие «интересы ребенка» в настоящее время отражено в международном законодательстве (Конвенция о правах ребенка) и в актах судебных органах (Постановление Пленума Верховного суда № 8 от 20 апреля 2006 г.). Также отметим, что «интересы ребенка» выступают основой для принятия решений при формировании законодательства, установлении процедуры усыновления, формировании национальных стратегий и при координации деятельности различных органов. Любые процессуальные действия должны соответствовать интересам ребенка (подача жалоб, отмена усыновления, мониторинг, проведение учебно-информационных и просветительских мероприятий). В случае же коллизии «интересов ребенка» на различных уровнях следует руководствоваться интересами ребенка на уровне, в большем степени учитывающим его индивидуальные особенности и условия жизни (соответственно мезо- и микроуровне).

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных определению сущности понятия «интересы ребенка» в контексте усыновления, а также национального и международного законодательства позволяет выделить различные классификации интересов ребенка. Например, «интересы ребенка» могут быть классифицированы по временной перспективе (краткосрочные и долгосрочные), по сфере жизни (физическое здоровье, эмоциональное благополучие, образование, социальная адаптация), по субъекту, определяющему эти интересы (сам ребенок, его законные представители, государственные органы опеки и попечительства, суд). Важно отметить, что правовые системы США и стран Европейского Союза часто акцентируют внимание на участии самого ребенка в процессе определения его интересов, особенно при достижении им определенного возраста и уровня развития. В этих странах широко применяется практика привлечения специалистов, например, детских психологов и психиатров, для оценки благополучия ребенка и определения его истинных интересов.

В отличие от зарубежных правовых систем, российское законодательство, хотя и декларирует приоритет интересов ребенка, часто сталкивается с трудностями в их конкретном определении и реализации на практике. Здесь важно отметить, что «интересы ребенка» в российском законодательстве часто трактуются широко, порой не оставляя четкого понимания, какие именно потребности ребенка являются приоритетными в конкретной ситуации усыновления. Это приводит к необходимости более детальной разработки критериев оценки интересов ребенка, с учетом индивидуальных особенностей каждого случая. Исследование выявляет сложную, как правило, двухуровневую систему «интересов ребенка» при усыновлении. Первый уровень – это непосредственные потребности ребенка, связанные с обеспечением его физического и психического здоровья, безопасностью и развитием. Второй уровень – это долгосрочные интересы, ориентированные на формирование гармоничной личности, социальную адаптацию и самореализацию. Важно подчеркнуть, что баланс между этими уровнями должен определяться с учетом всех обстоятельств конкретного случая, и не всегда краткосрочные потребности должны

превалировать над долгосрочными целями. Кроме того, работа демонстрирует необходимость учета интересов других субъектов процесса усыновления: биородителей, усыновителей, органов опеки и попечительства. Гармонизация этих интересов является одной из ключевых задач для обеспечения успешного усыновления и благополучия ребенка. Результаты представленного в статье анализа показывают необходимость дальнейшей работы в России по совершенствованию законодательной базы и практики усыновления с целью более четкого определения «интересов ребенка» и обеспечения его максимального благополучия.

Список литературы / References

Антокольская, М. В. (2013). *Семейное право:* учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.

Antokolskaya, M. V. (2013). *Family Law.* Textbook. 3th ed., revised and expanded. Moscow. (In Russ.)

Беспалов, Ю. Ф. (2015). *Рассмотрение и разрешение судами гражданских и семейных дел с участием ребенка:* учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.

Bespalov, Y. F. (2015). *Consideration and Resolution of Civil and Family Cases Involving Children by Courts.* Educational and Practical Guide for University Students Specializing in "Jurisprudence". Moscow. (In Russ.)

Бондаренко, О. А. (2017). «Интересы ребенка» как правовая категория. *Legal Concept*. № 1. С. 44-49. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7

Bondarenko, O. A. (2017). "Interests of the Child" as a Legal Category. *Legal Concept*. No. 1. Pp. 44-49. DOI: https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.1.7. (In Russ.)

Дорина, В. В. (2021). Понятие «наилучший интерес ребенка» в международном праве. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки.* № 5. С. 113-119. DOI: 10.52928/2070-1632-2021-56-5-113-119

Dorina, V. V. (2021). The Concept of "Best Interests of the Child" in International Law. *Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences.* No. 5. Pp. 113-119. DOI: 10.52928/2070-1632-2021-56-5-113-119. (In Russ.)

Заряева, А. В., Малкова, В. Д. (2005). *Ювенальное право.* М.

Zaryaeva, A. V., Malkova, V. D. (2005). *Juvenile Law.* Moscow. (In Russ.)

Ильина, О. Ю. (2006). *Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации*. М.

Ilyina, O. Yu. (2006). *Interests of the Child in Family Law of the Russian Federation*. Moscow. (In Russ.)

Ильина, О. Ю. (2017). *Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации*. М.

Ilyina, O. Yu. (2017). *The Problem of Harmonizing Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation.* Moscow. (In Russ.)

Кабанов, В. Л. (2016). *Реализация общепризнанного международно-правового принципа, обеспечивающего наилучшие интересы ребенка: универсальные и региональные аспекты*. М.

Kabanov, V. L. (2016). *Implementation of the Generally Recognized International Legal Principle Ensuring the Best Interests of the Child. Universal and Regional Aspects*. Moscow. (In Russ.)

Кравчук, Н. В. (2017). Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России. *Актуальные проблемы российского права.* № 5. С. 97-103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103

Kravchuk, N. V. (2017). The Best Interests of the Child. The Content of the Concept and Its Place in Family Legislation of Russia. *Actual Problems of Russian Law*. No. 5. Pp. 97-103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103. (In Russ.)

Миролюбова, О. Г. (2012). О семейно-правовом понятии «интересы ребенка». *Вестник ЯрГУ. Сер.: Гуманитарные науки*. № 4 (1). С. 56-58.

Mirolyubova, O. G. (2012). On the Family-Legal Concept of “Children's Interests”. *Bulletin of Yaroslavl State University. Series: Humanities*. No. 4 (1). Pp. 56-58. (In Russ.)

Нечаева, А. М. (2012). Защита интересов ребенка в многодетной семье. *Законы России: опыт, анализ, практика*. № 6. С. 59-67.

Nechaeva, A. M. (2012). Protection of Children's Interests in a Large Family. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. No. 6. Pp. 59-67. (In Russ.)

Старовойтова, К. В. (2017). Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка и границы его признания зарубежными государствами. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 8-9. С. 1-12

Starovoitova, K. V. (2017). The Principle of the Best Interests of the Child and the Limits of Its Recognition by Foreign States. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. No. 8-9. Pp. 1-12. (In Russ.)

Appell, A. R., Boyer, B. A. (1995). Parental Rights vs Best Interests of the Child. A False Dichotomy in the Context of Adoption. *Duke Journal of Gender Law & Policy*. No. 1. Pp. 63-83.

Cantwell, N. (2014). *The Best Interests of the Child in Intercountry Adoption.* United Nations Children’s Fund (UNICEF). Florence.

Marquard, O. (1976). Kompensation. *Historisches Woerterbuch der Philosophie*. No. 4. Pp. 912-918.

Sargent, S. (2009). *The Best Interests of the Child in Intercountry Adoption. A Constructivist and Comparative Account.* Dissertation PhD Law. De Montfort University. Leicester. 306 p.

Van Bueren, G. (1998). *The International Law on the Rights of the Child.* Toronto.

Сведения об авторах / Information about the authors

Лукьянов Николай Евгеньевич – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4068-8340

Квашнина Дарья Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: darya-blond@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-8428-7103

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025
После доработки: 15.03.2025
Принята к публикации: 25.03.2025

Lukyanov Nikolay – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: nikolaylukyanov70@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4068-8340.

Darya Kvashnina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management – branch of RANEPA, Moscow. Novosibirsk, Nizhny Novgorod St., 6, e-mail: darya-blond@mail.ru, https://orcid.org/0009-0001-8428-7103

The paper was submitted: 15.02.2025
Received after reworking: 15.03.2025
Accepted for publication: 25.03.2025

УДК 347.77.043.2

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Ю. З. Озманян, Я. А. Карунная
Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
ozmanyan.y@mail.ru; advokat2631@bk.ru

Аннотация. В статье представлен анализ принудительного лицензирования как инструмента для обеспечения национальных интересов и доступа к критически важным технологиям. Рассматриваются судебные прецеденты о выдаче принудительных лицензий и законодательные инициативы последних лет, направленные на расширение использования этого механизма. Подчеркивается, что, хотя принудительное лицензирование способно решать точечные задачи, оно не способствует развитию отечественных инноваций и науки.

Ключевые слова: принудительное лицензирование, интеллектуальная собственность, патентное право, злоупотребление патентными правами, ограничения исключительных прав, бездоговорное использование исключительных прав.

Для цитирования: Озманян, Ю. З., Карунная, Я. А. (2025). Принудительное лицензирование результатов интеллектуальной деятельности как мера обеспечения национальных интересов научно-технического прогресса. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 159-169. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.159-169

COMPULSORY LICENSING OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AS A MEASURE TO SECURE THE NATIONAL INTERESTS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS

Yu. Z. Ozmanyan, Ya. A. Karunnaja
Novosibirsk State University (Novosibirsk)
ozmanyan.y@mail.ru; advokat2631@bk.ru

Abstract. The article analyses compulsory licensing as a tool to ensure national interests and access to critical technologies. The article considers court precedents on issuing compulsory licenses and legislative initiatives of recent years aimed at expanding the use of this mechanism. It is emphasized that although compulsory licensing is capable of solving point tasks, it does not contribute to the development of domestic innovation and science.

Keywords: compulsory licensing, intellectual property, patent law, abuse of patent rights, limitations of exclusive rights, non-contractual use of exclusive rights.

For citation: Ozmanyan, Yu. Z., Karunnaja, Ya. A. (2025). Compulsory Licensing of the Results of Intellectual Activity as a Measure to Secure the National Interests of Scientific and Technological Progress. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 1. Pp. 159-169. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.159-169

Принудительное лицензирование – это уникальный пример обретения правовым инструментом «новой жизни». Указанный институт появился еще в Патентном законе 1992 г.[1], но до 2019 г. он не вызывал широкого научного интереса. На практике нормы о принудительном лицензировании также не применялись и считались «мертвыми». Причиной тому могли быть как трудноисполнимые основания для выдачи принудительных лицензий, так и широта используемых в правовых нормах оценочных категорий. Однако за последние несколько лет заметно возрос интерес законодателя и научного сообщества к исследуемой теме. Причин тому несколько.

Первой причиной является появление судебной практики о применении исследуемых механизмов. Вызвало резонанс в научном сообществе судебное дело по иску ООО «Натива» к дочерним компаниям Pfizer о принудительном лицензировании «Сунитиниба» – противоопухолевого средства, поворотной точкой которого стало принятие Судом по интеллектуальным правам постановления, подробно раскрывающего условия предоставления принудительной лицензии[2]. В 2023 г. Девятым арбитражным апелляционным судом также была выдана принудительная лицензия на препарат «Трикафта» от муковисцидоза[3].

Второй причиной является потребность отечественной экономики в результатах интеллектуальной деятельности иностранных правообладателей, ушедших с отечественного рынка после начала специальной военной операции. Исследователи отмечают, что повышенный интерес к принудительному лицензированию отдельных результатов интеллектуальной деятельности, например, программного обеспечения, связан с тем, что западные разработки либо не имеют отечественных аналогов, либо значительно эффективнее таких аналогов [Поляков, 2022]. За последние годы было внесено несколько законопроектов, которые расширяли бы сферу применения принудительного лицензирования (о них в работе будет изложено позднее). В средствах массовой информации неоднократно появлялись новости о том, что тем или иным профильным ведомством рассматривается возможность точечного распространения принудительного лицензирования на ту или иную сферу объектов интеллектуальной собственности: программное обеспечение[4], патенты, связанные с медицинскими препаратами[5]. Более того,

---

[1] Патентный закон Российской Федерации: Федеральный Закон от 23.09.1992 № 3517-1 (ред. от 02.02.2006). (1992). *Российская газета*. № 225.

[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017. (2019). [Электронный ресурс]. *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. URL: consultant.ru (дата обращения: 18.01.2025)

[3] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2023 № 09АП-47957/2023-ГК по делу № А40-185112/2022. (2023). [Электронный ресурс]. *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. URL: consultant.ru (дата обращения: 18.01.2025)

[4] Программное проявление: в РФ разрешат принудительное лицензирование ПО. (2023). [Электронный ресурс]. *Сайт мультмедийного информационного центра «Известия»*. 13 марта. URL: http://iz.ru/1526187/evgeniia-pertceva-valerii-kodachigov/programmnoe-proiavlenie-v-rf-razreshat-prinuditelnoe-litcenzirovanie-po (дата обращения: 18.01.2025)

[5] Чем обернется для российской фармы появление комиссии по принудительному лицензированию? (2024). [Электронный ресурс]. *Сайт средства массовой информации «GxP News»*. 10 апр. URL: https://gxpnews.net/2024/04/chem-obernetsya-dlya-rossijskoj-farmy-poyavlenie-komissii-po-prinuditelnomu-liczenzirovaniyu/ (дата обращения: 18.01.2025)

в марте 2024 г. была создана подкомиссия по использованию патентов при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции[6]. Подкомиссия действует по принципу «одного окна» для российских компаний, которым иностранные патентообладатели необоснованно отказали в праве использования объектов патентных прав. В открытом доступе решений такой подкомиссии нет, но с учетом того, что правительственную комиссию возглавляет министр обороны, сфера основных интересов подкомиссии кажется заранее известной.

Очевидно, что государственный интерес прикован к этому механизму, поскольку он преодолевает противодействие правообладателей, желающих сохранить правовую охрану своих объектов, но не желающих их коммерциализировать в РФ. Государство заинтересовано во внедрении в экономику различных технических решений для ее роста. Однако насколько принудительное лицензирование может способствовать достижению этой цели?

Для решения этого вопроса в первую очередь требуется единообразное понимание того, что представляет собой принудительная лицензия с точки зрения правовой природы. Однако в научной среде можно встретить несколько подходов к тому, что представляет собой принудительная лицензия.

Согласно А. С. Ворожевич, принудительное лицензирование представляет собой инструмент воздействия на правообладателей, вышедших за пределы осуществления исключительных прав, заключающийся в разрешении третьему лицу использовать патентоохраняемый объект без согласия на то правообладателя с выплатой соразмерного вознаграждения. Позиция вышеприведенного автора заключается в том, что принудительное лицензирование, с одной стороны, способствует инновационному развитию, увеличивает конкуренцию на рынке, повышает удовлетворенность рядового потребителя. В то же время этот институт не препятствует коммерциализации разработки со стороны правообладателя, оставляя за ним исключительное право, возможно и вопреки его воле, но обеспечивает имущественные интересы «вынужденного лицензиара» при предоставлении прав на изобретение третьим лицам – лицензиатам [Ворожевич, 2021].

По мнению Н. А. Шебановой, принудительная лицензия выступает в качестве ограниченной государственной меры, которая подлежит использованию в случае сбоя функционирующего рыночного механизма в сфере коммерциализации интеллектуальных прав, применение которой носит исключительный спорадический характер [Шебанова, 2023].

А. Ю. Иванов также комплиментарно отзывается о принудительном лицензировании, отмечая, что оно выступает неотъемлемым атрибутом эффективной и здоровой системы интеллектуальных прав, обеспечивающим ее нормальную работу, а также является категорией, которая включает целый спектр инструментов балансировки работы института интеллектуальных прав, направленных на снятие барьеров для дальнейшего человеческого творчества и инноваций [Иванов, 2017].

[6] О подкомиссии по вопросам использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции: Постановление Правительства РФ от 27.03.2024 № 380. (2024). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации.* 04 апр. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2025)

По нашему мнению, принудительная лицензия – это способ восстановления нарушенных общественных интересов, используемый в случае выхода правообладателем за пределы осуществления своего исключительного права. Он заключается в том, что заинтересованному лицу выдается разрешение использовать результат интеллектуальной деятельности – объект патентных прав или селекционное достижение – на условиях, определенных судом.

Принудительная лицензия в своей сути есть средство защиты законного интереса. Требование истца по иску о предоставлении принудительной лицензии направлено против неиспользования исключительного права. Однако важно понимать, что такое неиспользование – правомерное поведение, поскольку каждому лицу предоставлено право осуществлять свои гражданские права по своему усмотрению, и отказ от их осуществления по общему правилу не влечет прекращения таких прав (ст. 9 ГК РФ). Тем не менее осуществление любого права ограничено пределами, установленными принципом добросовестности. Принудительное лицензирование – это способ преодоления злоупотребления правообладателем патентной монополией, когда злоупотребление выражено в том, что отказ или уклонение от использования исключительного права могут повлечь негативные последствия для общества. И именно общество должно являться конечным бенефициаром при рассмотрении вопроса о выдаче принудительной лицензии, поскольку исследуемый инструмент не может и не должен применяться для защиты частного интереса. Согласимся с К. Ю. Сасыкиным, что ключевой задачей правоприменителя является поиск баланса между общественными интересами по повышению доступности лекарственных средств и частными интересами, выраженными в потребности извлекать из патента коммерческую ценность [Сасыкин, 2022].

Помимо принудительного лицензирования, как договорного инструмента ограничения патентной монополии, существуют и другие механизмы по ограничению власти патентообладателя: пп. 3 ст. 1359 ГК РФ, ст. 1360, 1361 ГК РФ, которые представляют собой правомерное бездоговорное (безлицензионное) возмездное использование некоторых объектов патентной охраны без согласия правообладателей [Латынцев, 2023].

Во времена активной фазы пандемии COVID-19 по распоряжению Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р были переданы права использования на противовирусный препарат «Ремдесивир», исключительное право которого принадлежало Gilead Sciences Inc, в пользу компании «Фармсинтез»[7]. Оспаривание решения Правительства не увенчалось успехом для американской фарм-кампании[8]. В 2023 г. аналогичное решение было принято относительно препарата «Семаглутид», патент на который принадлежал датской компании

[7] О разрешении акционерному обществу «Фармасинтез» использования изобретений без согласия патентообладателей в целях обеспечения населения Российской Федерации лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Ремдесивир»: Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р. (2021). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. 05 янв. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2025)

[8] Решение Верховного Суда РФ от 27.05.2021 № АКПИ21-303 Об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании распоряжения Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р. (2021). [Электронный ресурс]. *Справочная правовая система «Консультант Плюс»*. URL: consultant.ru (дата обращения: 18.01.2025)

Novo Nordisk[9]. В отличие от ст. 1362 ГК РФ, нормы обозначенных статей предусматривают передачу прав не на основании судебного акта, а на основании ненормативного акта органа исполнительной власти. Государство действует как правообладатель, самостоятельно выдавая право использования объекта патентных прав, что предполагает своего рода реквизицию исключительного права.

Хотя институт принудительного лицензирования и институт бездоговорного использования патентных прав отличаются по своей природе, в их основе лежит общая цель и общее последствие: ограничение патентной монополии правообладателя, влекущее использование уже имеющегося технического решения, а не создание нового альтернативного решения научной проблемы [Латынцев, 2024].

При подробном рассмотрении условий предоставления принудительных лицензий на объекты патентных прав можно предположить, насколько выдача принудительной лицензии будет способствовать достижению целей научно-технического прогресса.

Так, Гражданский кодекс РФ предусматривает два случая, когда судом может быть выдана принудительная лицензия:

1. Неиспользование или недостаточное использование изобретения или промышленного образца в течение четырех лет, а полезной модели – в течение трех лет (п. 1 ст. 1362 ГК РФ). Есть три условия применения этого пункта: отказ от заключения лицензионного договора на рыночных условиях; готовность и возможность потенциального лицензиата использовать объект патентных прав; недостаточное предложение соответствующих товаров / услуг / работ на рынке.

Примером выдачи принудительной лицензии по этому основанию стала выдача лицензии на медицинский препарат «Трикафта»[10].

2. Невозможность использовать собственное изобретение («зависимого патента») без нарушения «первого» патента и прав другого патентообладателя (п. 2 ст. 1362 ГК РФ). Здесь имеются три условия применения этого основания: отказ от заключения лицензионного договора на рыночных условиях; зависимый патент представляет собой важное техническое достижение; зависимый патент имеет существенные экономические преимущества перед первым патентом.

Примером выдачи принудительной лицензии по этому основанию стала выдача лицензии на медицинский препарат «Сунитиниб»[11].

Практика применения обоих видов принудительного лицензирования сводится к тому, что суды разрешают принудительное лицензирование в отношении медицинских препаратов:

---

[9] О разрешении ООО «ГЕРОФАРМ» и ООО «ПРОМОМЕД РУС» использования изобретений, принадлежащих компании «НОВО НОРДИСК А/С», без согласия правообладателя в целях обеспечения населения РФ лекарственными препаратами с международным непатентованным наименованием «Семаглутид»: Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2023 № 3937-р. (2023). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации.* 28 дек. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2025)

[10] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2023 № 09АП-47957/2023-ГК по делу № А40-185112/2022. (2023). [Электронный ресурс]. *Справочная правовая система «Консультант Плюс».* URL: consultant.ru (дата обращения: 18.01.2025)

[11] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01-906/2019 по делу № А40-166505/2017. (2019). [Электронный ресурс]. Справочная правовая система «Консультант Плюс». URL: consultant.ru (дата обращения: 18.01.2025)

1. «Трикафта»: производитель (американская фармкомпания) и его официальный дистрибьютор, обеспечивая потребность рынка всего на 8 %, игнорировали гос. закупки препарата, хотя данное лекарственное средство едва ли не единственное, применяемое при лечении муковисцидоза.

2. «Сунитиниб»: отечественная фармкомпания зарегистрировала препарат на основе препарата Pfizer, который был существенно дешевле своего американского аналога и проявлял «разницу в скорости появления действующего вещества в крови кроликов» (ускоренное появление) и демонстрировал полиформизм.

Предоставление принудительной лицензии в указанных ситуациях свидетельствует о том, что выдача лицензии напрямую связана с общественно-полезными целями, такими как устранение дефицита на товарном рынке, возникшего из-за недобросовестных действий правообладателя и создание возможности для использования важных технических достижений, блокируемых правообладателем первичного патента. Несмотря на очевидную общественную полезность предоставления лицензий, нужно помнить, что какими бы благими ни были намерения требующего лицензию лица, для того чтобы преодолеть патентную монополию, нужно соответствие условиям для выдачи принудительной лицензии.

Исследователи негативно оценили судебную практику по выдаче принудительных лицензий, поскольку, предоставляя такую лицензию на препарат «Сунитиниб», судом была недостаточно раскрыта «важность» технического достижения, для которого испрашивалась принудительная лицензия. Истец свою позицию о необходимости лицензии обосновывал экономическими преимуществами дженерика, что и было воспринято Судом по интеллектуальным правам. Однако экономические преимущества сводились к более низкой цене на дженерик, что отмечается Е. А. Стус как очень ограниченный подход к исследованию вопроса, не основанный на методах фармаэкономического анализа [Стус, 2023]. Более того, М. М. Пучинина отмечала, что по итогу спор между ООО «Натива» и «Селджен Корпорейшн» закончился мировым соглашением, в рамках которого отечественная фармкомпания отказывалась от намерений по получению принудительной лицензии, – патент на отечественный дженерик «Сунитиниб-натив» был признан недействительным из-за недостатка изобретательского уровня. В этой связи решение суда о том, что изобретение ООО «Натива» представляет собой важное техническое решение, представляется еще более неоднозначным и порождающим обоснованные сомнения [Пучинина, 2021, с. 121].

Таким образом, с учетом известной сущности принудительной лицензии, условий ее выдачи и сложившейся практики правоприменения, на вопрос «Обеспечивались ли в данных случаях национальные интересы?» стоит ответить утвердительно. Однозначно, что в условиях экономической нестабильности, фарм-гиганты манипулируют рынками, делая жизненно важные препараты недоступными. Это обеспечивает им сверхприбыли, но лишает граждан РФ шансов на выздоровление или достойную жизнь. Однако на вопрос «Обеспечивались ли в данных случаях национальные интересы в сфере научно-технического прогресса?» ответить утвердительно нельзя, поскольку отечественный производитель просто вводит в оборот дженерик, не несущий самостоятельной научной ценности. Дженерик не представляет собой результат глубокой научной мысли, за его разработкой не стоят десятки исследователей, сотни клинических испытаний. Дженерики лишь проекции достигнутых вершин фармацевтического научного развития.

Примеры выдачи принудительных лицензий демонстрируют правоту Л. В. Борисовой, отмечающей, что любые дискреционные нормы опасны в правовом регулировании собственности, в том числе интеллектуальной. Широкое усмотрение – почва для злоупотреблений, и подобные злоупотребления от правоприменителя подрывают доверие правообладателей, в том числе и международных, к отечественной правовой системе и снижают инвестиционную привлекательность Российской Федерации. Предложением Л. В. Борисовой было ограниченное и разумное использование механизма принудительных лицензий, которое было бы возможно только в качестве исключения [Борисова, 2024].

Ранее в тексте статьи уже упоминалось, что за последние два года было внесено два законопроекта в сфере принудительных лицензий. Для упрощения изложения предлагается именовать их согласно фамилиям депутатов, которые внесли законопроекты на рассмотрение в Государственную Думу: законопроект Кузнецова[12] и законопроект Кутепова-Федорова[13].

Законопроект Кузнецова предлагает ввод принудительного лицензирования в отношении объектов авторских и смежных прав. Цель законопроекта была в возвращении лицензионного контента, предотвращении пиратства и поддержке кинотеатров, театров, цифровых платформ и т. д. Условия выдачи принудительных лицензий были бы таковы:

1) отказ от лицензионного договора или невозможность исполнения договора лицензиатом по вине лицензиара;

2) последствием такого отказа становится недоступность результатов интеллектуальной деятельности и товаров, в которых он выражен, о чем имеется заключение Минкульта или Минцифры (если речь идет о программах для ЭВМ или базах данных);

3) лицензиар находится в юрисдикции недружественного государства или лицензиар подконтролен иностранному лицу из недружественного государства.

Законопроект Кутепова-Федорова не вводит новых оснований выдачи принудительных лицензий, а равно не предлагает ввода принудительных лицензий на объекты авторских и смежных прав. Он заключается в расширении применения п. 1 ст. 1362 ГК РФ за счет отказа от ключевого признака нормы: неиспользования объекта в течение трех-четырех лет в том случае, если патентообладатель связан с недружественным государством. Необходимость в законопроекте объясняется тем, что правообладатели уходят, но оставляют после себя производственные мощности, сохраняя патенты. Без нарушения патентов нельзя их использовать, а равно воспроизводить полезные модели методом обратного инжиниринга. Сенаторы пишут, что в нынешних условиях у отечественных производителей нет возможности ждать три-четыре года для истребования лицензии.

---

[12] О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: Законопроект № 184016-8 от 19.08.2022. (2022). [Электронный ресурс]. *Система обеспечения законодательной деятельности.* URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8 (дата обращения: 18.01.2025)

[13] О внесении изменений в статью 1362 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (принудительных лицензиях в отношении иностранных правообладателей): Законопроект № 717759-8 от 13.09.2024. (2024). [Электронный ресурс]. *Система обеспечения законодательной деятельности.* URL: ttps://sozd.duma.gov.ru/bill/717759-8 (дата обращения: 18.01.2025)

Таким образом, ни один из этих законопроектов не направлен на развитие собственных научно-технических разработок, наукоемкого производства и индустрии контента. Законопроекты предполагают использование уже созданных в недружественных странах объектов интеллектуальной собственности, но не предполагают развитие собственных научных разработок.

Нельзя не согласиться с позицией Федеральной антимонопольной службы (ФАС), которую она заняла в октябре 2024 г., оштрафовав компанию «Аксельфарм» за нарушение патентов Pfizer на более чем полмиллиарда рублей. ФАС указала, что принудительное лицензирование – это исключительная мера. Соблюдение патентного права – не прихоть, но требование закона, которое не зависит от юрисдикции правообладателя и помогает развивать фармацевтику – разрабатывать новые лекарства, регистрировать и продавать их[14].

Механизм принудительного лицензирования не позволяет развивать научно-технический прогресс, за исключением, возможно, основания, указанного в п. 2 ст. 1362 ГК РФ (практика применения которого вызывает большие вопросы). Безусловно, в научной среде можно встретить и противоположные этому взгляды. В совместной работе А. Т. Волков, Н. Г. Пономарева и Е. И. Рожкова [2024] высказывают свое мнение о том, что внедрение механизма принудительного лицензирования не снижает научно-технический потенциал фармацевтической отрасли и может способствовать инновационному развитию. Однако аргументация исследователей сводится к тому, что выдача принудительных лицензий не отталкивает фармацевтических гигантов от продолжения исследований. Полагается, что принудительные лицензии скорее не препятствуют инновационному развитию, нежели способствуют ему.

Принудительное лицензирование позволяет преодолеть недобросовестность отдельных правообладателей. Этот механизм содействует национальным интересам, направлен на охрану жизни и здоровья граждан, их обеспечение социально-значимыми товарами, в которых воплощаются объекты патентных прав. Таким образом, принудительное лицензирование представляет собой точечное решение возникшей перед социумом острой проблемы с обеспечением тем или иным благом, выраженным объектом патентных прав. Но быстрое решение – не всегда лучшее решение. Прибегая к принудительному лицензированию препаратов, требующее такой лицензии лицо косвенно подтверждает неспособность разработать свое изобретение: вместо поиска нового пути лечения редких заболеваний (например, муковисцидоза) и разработки собственного отечественного лекарственного препарата, отечественным производителям экономически выгоднее взять уже имеющуюся разработку западных фармкомпаний и внести незначительные корректировки для последующей реализации на рынке, а то и вовсе использовать тот же препарат. Корневая проблема заключается в зависимости рынка от недобросовестных правообладателей. Принудительное лицензирование – это точечное решение проблемы, а комплексное решение – это развитие импортозамещения, отечественной культуры и науки, поощрение интеллектуального потенциала и внедрение инноваций. Только «комплексное решение» будет отвечать реальным интересам Отечества в области научно-технического прогресса.

[14] «ФАС наказала фармкомпанию “Аксельфарм” за недобросовестную конкуренцию». (2024). [Электронный ресурс]. *Официальный сайт Федеральной Антимонопольной Службы.* 28 окт. URL: https://fas.gov.ru/publications/24527 (дата обращения: 18.01.2025).

Список литературы / References

Борисова, Л. В. (2024). О реализации в России идеи принудительного лицензирования объектов авторских и смежных прав. *Юрист*. № 8. С. 36-40. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-8-36-40

Borisova, L. V. (2024). On the implementation in Russia of the idea of compulsory licensing of copyright and related rights objects. *Yurist*. No. 8. Pp. 36-40. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-8-36-40. (In Russ.)

Волков, А. Т., Пономарева, Н. Г., Рожкова, Е. И. (2024). Принудительное лицензирование и импортозамещение на примере фармацевтической отрасли ИС. *Промышленная собственность*. № 2. С. 27-34.

Volkov, A. T., Ponomareva, N. G., Rozhkova, E. I. (2024). Compulsory Licensing and Import Substitution as an Example Pharmaceutical Industry IP. *Industrial Property*. No. 2. Pp. 27-34. (In Russ.)

Ворожевич, А. С. (2021). *Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты*: дис. … д-ра юрид. наук. Москва: МГУ.

Vorozhevich, A. S. (2021). *Boundaries of Exclusive Rights, Limits of Their Exercise and Protection*. Doctor's thesis. Moscow. (In Russ.)

Иванов, А. Ю. (2017). Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав. *Закон*. № 5. С. 78-93.

Ivanov, A. Y. (2017). Compulsory licensing for innovative development: on the need to balance the intellectual rights regime. *Law*. No. 5. Pp. 78-93. (In Russ.)

Латынцев, А. В. (2023). Отличие правовой природы принудительного лицензирования и возмездного безлицензионного использования объектов патентной охраны. *Журнал российского права*. № 3. С. 56-68. DOI: 10.12737/jrp.2023.029

Latintsev, A. V. (2023). Distinction of the Legal Nature of Compulsory Licensing and Compensatory Unlicensed use of Patent Protection Objects. *Journal of Russian Law*. No. 3. Pp. 56-68. DOI: 10.12737/jrp.2023.029. (In Russ.)

Латынцев, А. В. (2024). Унификация и модернизация правовых механизмов безлицензионного (бездоговорного) использования объектов патентной охраны в сфере здравоохранения. *Журнал российского права*. № 10. С. 81-92. DOI: 10.61205/jrp.2024.10.3

Latintsev, A. V. (2024). Unification and Modernisation of Legal Mechanisms of Licence-Free (Non-Contractual) use of Patent Protection Objects in the Field of Health Care. *Journal of Russian Law*. No. 10. Pp. 81-92. DOI: 10.61205/jrp.2024.10.3. (In Russ.)

Поляков, Д. Н. (2022). Принудительное лицензирование ПО правообладателей из недружественных стран: реторсии, необходимый шаг на пути к импортозамещению или нарушение норм международного частного права? *Вопросы российского и международного права.* Т. 12. № 10-1. С. 442-453. 10.34670/AR.2022.11.40.027

Polyakov, D. N. (2022) Compulsory Licensing of Software of Right Holders from Unfriendly Countries: Retorsions, a Necessary Step on the Way to Import Substitution or a Violation of the Norms of International Private Law? *Issues of Russian and International Law.* Vol. 12. No. 10-1. Pp. 442-453. 10.34670/AR.2022.11.40.027. (In Russ.)

Пучинина, М. М. (2021). Условие предоставления принудительной лицензии для использования зависимого изобретения. *Актуальные проблемы российского права*. Т. 16. № 11. С. 117-132.

Puchinina, M. M. (2021). Conditions for Granting Compulsory License for Dependent Invention Use. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 16. No. 11. Pp. 117-132. (In Russ.)

Сасыкин, К. Ю. (2022). Принудительное лицензирование на фармацевтическом рынке: история и практика. *Сибирское юридическое обозрение*. № 3. С. 267-280. 10.19073/2658-7602-2022-19-3-267-280

Sasykin, K. Yu. (2022). Compulsory Licensing in the Pharmaceutical Market: History and Practice. *Siberian Law Review*. Vol. 19. No. 3. Pp. 267-280. (In Russ.)

Стус, Е. А. (2023). К вопросу о предоставлении принудительной лицензии на рынке лекарственных средств. *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. № 3. С. 13-16.

Stus, E. A. (2023). On the Issue of Granting a Compulsory Licence in the Market of Medicines. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. No. 3. Pp. 13-16. (In Russ.)

Шебанова, Н. А. (2023). Международно-правовые основания принудительного лицензирования. *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. № 3 (41). С. 5-16.

Shebanova, N. A. (2023). International Legal Grounds for Compulsory Licensing. *Journal of the Court on Intellectual Rights*. No. 3 (41). Pp. 5-16. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Озманян Юсуб Зограбович – магистрант Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e-mail: ozmanyan.y@mail.ru,

Карунная Яна Александровна – кандидат юридических наук, доцент Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, e mail: advokat2631@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025
После доработки: 10.03.2025
Принята к публикации: 20.03.2025

Ozmanyan Yusub – Master's student of Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova str. 1, e-mail: ozmanyan.y@mail.ru.

Karunnaja Yana – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova str. 1, e-mail: advokat2631@bk.ru.

The paper was submitted: 10.02.2025
Received after reworking: 10.03.2025
Accepted for publication: 20.03.2025